

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 12 (39)
декабрь, 2019

СЛОВО РЕДАКТОРА

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед вами декабрьский, завершающий 2019 год номер литературно-исторического журнала «Александръ». Подводя итоги года, хотелось бы отметить его значимость для нашего издания.

Во-первых, появилось большое количество новых авторов и друзей журнала, творчество которых стало настоящим открытием для читателей. Во-вторых, расширилась география распространения «Александра» – Беларусь, Черногория, Болгария, наш Дальний Восток присоединились к уже достаточно обширной читательской аудитории. Ну и в-третьих, темы публикаций и целых номеров журнала «Александръ» стали более глубокими, захватывающими и раскрывающими новые факты истории.

Тема же нынешнего номера, на мой взгляд, особенно интересна и как никогда своевременна. Поиск правды был одним из трёх китов идеологии нашего издания. Но начиная с этого номера мы ставим в приоритет раскрывать перед вами, уважаемые читатели, страницы нашей истории без прикрас, развеивая иллюзии и извращения.

Желаю в наступающем году вдохновения нашим авторам, а читателям новых открытий и просвещения с журналом «Александръ».

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

«СОВЕСТЬЮ И РОДИНОЙ НЕ ТОРГую»

Очень хочется быть соавтором этих слов, написанных чёрным по красному на плакате в Тамбовском музейно-выставочном центре. Соавтором потому, что автор уже есть – это генерал Дмитрий Карбышев, замученный нацистами в концлагере Маутхаузен 18 февраля 1945 года. Меньше чем за три месяца до Победы... А в следующем году мы будем отмечать 75-летний юбилей этой Победы. Нет, «этой» – неправильно. НАШЕЙ Победы!

Вроде бы всё просто и понятно: здесь – наши, там – враги. Ан нет!

Что такое вообще совесть? И что такое Родина? И чем отличается понятие «в этой стране» от сходного – «в нашей стране»? Что такое, в конце концов, правда? Вам понятно? Но это ваша правда. А есть моя правда, его и её правда, историческая и кухонная правда. Они неодинаковы, не так ли? И математически точных определений нет ни в одном из перечисленных случаев.

Прошедший год был богат на юбилеи, которым журнал «Александрь» посвятил много материалов. Среди них 30-летие вывода советских войск из Афганистана. Что это, триумф или трагедия? 65-летие с начала освоения целины. Подвиг или ненужная растрата ресурсов?

А наши соотечественники, русские, – это кто? Пьяницы? Ленивые? Жестокие? Нынешний министр культуры Владимир Мединский в серии своих книг «Мифы о России» отвечает на эти вопросы категорически отрицательно. На чём основывается? На фактах. А можно доказать обратное? Конечно! И чем будем оперировать? Фактами, разумеется!

Такое уж нынче сложное информационное время. Интернет сделал доступными такие объёмы данных, что скомпоновать можно любую версию как происходящего (возьмите недавние митинги в Москве), так и случившегося давно (в этом не будет недостатка в близящемся юбилейном году).

И как же быть? Разбираться! Не торгуя совестью и Родиной. Давайте прямо в сегодняшнем номере журнала и начнём.

Александр ЧУМИКОВ,
писатель, журналист,
генеральный директор Международного пресс-клуба,
доктор политических наук, профессор

Журнал издан при финансовой поддержке администрации Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации.

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

член Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

В. И. ПОПКОВ (Мичуринск), почётный профессор МичГАУ, кандидат филологических наук, член Союза журналистов России, член Союза российских писателей;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральные менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

С.А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор Агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 12 (39), декабрь 2019 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.12.2019

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.
E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ТЕМА НОМЕРА

- 6** Александр Чумиков.
Гуттаперчевая история

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- 14** Валерий Румянцев.
Убьют ли русскую литературу?

НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ

- 17** Валерий Румянцев.
В тени современной русской литературы

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 25** Алексей Борычев
27 Александр Унщиков

ХОББИ

- 31** Александр Сёмин.
Ошибки и неточности в почтовых марках
36 «Шестипалый» Рузвельт

ПОЭЗИЯ

- 39** Андрей Бабожен.

МИР НАУКИ

- 42** Геннадий Щербенёв.
В защиту «Айсберга»

РАЗМЫШЛЕНИЯ

- 52** Тамара Воронина.
Вот так и устроен наш мир...

ПОБЕДЕ — 75

- 53** Вадим Кулинченко.
Двойные стандарты в подходе к Победе 1945 года

ДУХОВНОЕ

- 56** Анатолий Труба.
Крест митрополита Питирима

ЗАВЕТАМИ ПРЕДКОВ

- 62** Игорь Мартынов.
О вымысле в истории казачества

ПРОЗА

- 66** Виктор Фоменков.
Грехи земные

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 82** Геннадий Халдин

МАЛАЯ РОДИНА

- 83** Ульяна Корчагина.
Почтальонша

НАГРАДЫ

- 92** Александр Сергеев.
Укоренение «Золотого Витязя»

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 94** Николай Стародымов,
Анна Стародуб.
Литература как объединяющее начало...

Илья Глазунов. Рынок нашей демократии

ГУТТАПЕРЧЕВАЯ ИСТОРИЯ

Александр ЧУМИКОВ

МАЛЬЧИК ИЗ ЦИРКА

«Гуттаперчевый мальчик. Воздушные упражнения на конце шеста вышиною в шесть аршин!»

– Он настоящий? Живой? Что такое: гуттаперчевый?

– Вероятно, его так называют потому, что он очень гибкий...

Всё шло, однако ж, благополучно. Шест, правда, сильно колебался, но гуттаперчевый мальчик был уже на половине дороги; он заметно перегибался всё ниже и ниже и начинал скользить на спине.

– Довольно! Довольно! Не надо! – настойчиво прокричало несколько голосов.

Мальчик продолжал скользить на спине и тихо-тихо спускался вниз головою...

Внезапно что-то сверкнуло и завертелось, сверкая в воздухе; в ту же секунду послышался глухой звук чего-то упавшего на арену...

На следующее утро афишка цирка не вещала упражнений "гуттаперчевого мальчика". Имя его и потом не упоминалось; да и нельзя было: гуттаперчевого мальчика уже не было на свете...

Дмитрий Григорович «Гуттаперчевый мальчик». Такой же гибкий, как история

Это написанный в 1883 году рассказ Дмитрия Григоровича «Гуттаперчевый мальчик». История трагическая и довольно простая. Однако её символический смысл выходит далеко за пределы сюжета: к нему и в двадцатом, и в нынешнем веке апеллировали писатели, философы, кинорежиссёры. Вот и мне с помощью литературных примеров – а журнал-то у нас литературно-художественный – хочется сопоставить эту историю с другой историей, историей вообще, историей глобальной.

Она, а вернее её описания, тоже очень гибки и могут подладиться под интересы любой публики: как непосредственно наблюдающей исторический цирк – а таких меньшинство, так и познающей его по афишам и средствам массовой информации – а это, конечно же, преобладающая часть. И не только подладиться: гуттаперчевая история способна достаточно долго удовлетворять эти интересы, вызывая виртуальный восторг, а далее вполне материальные поддерживающие действия.

И вдруг механизм даёт сбой. Приемлемая несколько мгновений назад история стремительно летит вниз, падает и разбивается, и вот она исчезает совсем, и сразу же требуется история новая, столь же гибкая и столь же подходящая настроениям жаждущих другой истории людей...

От Григоровича из золотого века русской литературы переместимся в современный народный фольклор, исполняемый как профессиональными артистами на сцене, так и самодеятельными бардами в электричках.

«Историческая песня» повествует о правителях России, СССР, потом опять России в диапазоне от Николая Второго до Владимира Путина. У каждого куплета оптимистическое начало и пессимистичный конец. Ну примерно так:

*Царь Николашка, самодержец всей Руси,
Хотя на морду он не очень был красив,
При нём водились караси,
При нём плодились пороси
И, в общем, было чем поддать и закусить.
Но в феврале его маненечко того,
И тут всю правду мы узнали про него:
Что он рабочих не любил,
Что он евреев изводил
И что не видел дальше носа своего...*

Потом «Иосиф был народный наш отец», потом «Хрущёв Никита, хоть он ростом был с аршин, но дел великих он немало совершил» и так далее. В каждом случае наступало «маненечко того», после чего «всю правду узнавали про него». А что, не так, что ли? Так! Тот же символический смысл, что и в «Гуттаперчевом мальчике»: одна история была, да вся вышла, а теперь требуется другая. Одним словом, дурят нашего брата! Где же правда?

СТАКАНЫ И МИЛЛИОНЫ

Снова вернёмся в золотой литературный век, обратившись теперь к Александру Грибоедову и его столь же «золотому» «Горю от ума». В светском обществе обсуждают поведение вольнодумца Чацкого. Почему нормальный ранее человек, с вроде бы приличной историей («Татьяна Юрьевна рассказывала что-то, из Петербурга воротясь, с министрами про вашу связь»), сбивается с правильного пути?

В поисках ответа на занятный вопрос рождается объясняющая всё история:

Хлёстова

*На свете дивные бывают приключения!
В его лета с ума спрыгнул!
Чай, пил не по летам.*

Княгиня
О! верно...
Графиня внучка
Без сомненья.
Хлёстова
Шампанское стаканами тянул.
Наталья Дмитриевна
Бутылками-с, и пребольшими.
Загорецкий (с жаром)
Нет-с, бочками сороковыми...

История про пьянство как причину вольнодумия почти сложилась, но не всем подошла. Её конструирование прерывает влиятельный Фамусов своей поистине исторической фразой:

Ну вот! Великая беда, что выпьет
лишнее мужчина!
Ученье – вот чума, ученость –
вот причина,
Что нынче пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел,
и мнений...

Александр Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ». «Один сапожник рассказал...»

В итоге обществом принимается история не пьянства, а безумия.

Пора приступить к некоторым обобщениям. Где тут правда, а где ложь? А здесь нет ни правды, ни лжи! *Мнение* не может быть ни правдивым, ни ложным; оно лишь основывается на правдоподобных или лживых фактах. Но факты в данном случае никто из героев не приводит. Таким образом, возникает основанный на мнениях миф, который никто и не называет правдой или ложью. Сказка – она и есть сказка.

Но метод конструирования смыслов обнаруживается весьма интересный и сверхпопулярный. Опять переместимся на сто с лишним лет вперёд и вспомним нашего, так сказать, нобелевского лауреата, «открывшего глаза», резавшего «правду-матку» и проч. Я про Александра Солженицына. И сам буду, каюсь, для описания его истории резать свою «правду-матку», выдёргивая слова из текста. Это некорректно, да? А как корректно, цитировать весь текст «писателя-глыбы»? Но он уже процитирован в виде собрания сочинений, да не одного, а многих. Поэтому придётся волей-неволей выдёргивать.

Итак. Историю Александр Исаевич написал страшную. На чём основывался? На источниках! Каких? Личных: «один врач», «один офицер», «полуграмотный печник», «мужик с шестью детьми», «молодой узбек». А также безличных: «вот говорят», «есть молва», «если верить рассказам». О чём же? Да об этом об самом: «был глухой слух, что 150 человек сожгли», или «один сапожник рассказал, как 300 человек чекисты заморозили», или «один чувашенок болтал, что 900 человек расстреляли». Или как питерские чекисты имели обыкновение осуждённых не расстреливать, а живьём скармливать зверям в зоопарках.

Стоит ли разбираться в том, есть ли здесь правда? Зачем? Ведь с Грибоедовым разбираться не приходит в голову. Тем более что и сам нобелевский лауреат оговаривался (вновь «выдёргиваю из текста»): «Я не знаю, правда это или навет».

Хотя с «бочками сороковыми» в «Горе от ума» при желании можно было бы и

*Герои Советского Союза лётчики Иван Кожедуб
(59 сбитых самолётов) и Александр Покрышкин
(62). Немецкий ас Эрих Хартман (352)*

разобраться, поскольку многовато будет для одного человека. Но Александр Сергеевич со своими бочками и пребоольшими стаканами на историческую правду не претендовал. Иное у Александра Исаевича: претензии налицо! Но цифры, как известно, вещь коварная. И Солженицын попадает в их ловушку, когда в художественно-историческом исследовании «Архипелаг ГУЛАГ» приводит число жертв большевистского режима с 1917 по 1959 год: 66,7 миллиона человек. И это «без военных потерь, только от террористического уничтожения, подавлений, голода, повышенной смертности в лагерях и включая дефицит от пониженной рождаемости» (без учёта «дефицита» – 55 миллионов).

Откуда сия цифра? Как и прежде, «ребята сказывали», а в данном случае «сказатель» был всего один – учёный-эмигрант Иван Курганов (первоначально Кошкин) со своей статьёй 1964 года в журнале «Новое русское слово», издаю-

щемся за рубежом. И надо же – Солженицын опять делает оговорку: «Мы, конечно, не ручаемся за цифры профессора Курганова, но не имеем официальных».

А каково число жертв режима с военными потерями во Второй мировой войне? По Курганову-Кошкину, это ещё 44 миллиона... Всего 110 миллионов, то есть больше половины населения СССР по состоянию на 1959 год. Про

эти запредельно огромные миллионы «народ не знал». Но Александр Исаевич «открыл правду» и описал её в своём «Архипелаге».

Хочу ли я здесь разоблачить уважаемого многими писателя? Нет, не хочу. Моя цель заключается в том, чтобы показать, как в принципе пишется *история*. А пишется она всегда субъективно, в интересах некоторых влиятельных групп. В чьих интересах писал историю нашей страны Солженицын, читатель, я думаю, разберётся самостоятельно.

ВАНЯ, САША И БУБИ

Вернёмся к коварным цифрам. В ряде случаев (не как в варианте с Солженицыным) они носят почти безусловный характер. И при этом очень невыгодный для одной из заинтересованных сторон. В преддверии наступающего 75-летия Победы проиллюстрируем данную проблему на примере оценки событий той войны.

Жили-были... хочется сказать «три друга», но не получается: советские асы и трижды Герои Советского Союза Иван Кожедуб и Александр Покрышкин были врагами немецкого коллеги по воздушным боям Эриха Хартмана по кличке Буби, любимчика Гитлера.

Но вот ведь незадача: brave Ваня и Sasha сбили, по официально зафиксированным данным, соответственно 59 и 62 самолёта противника, а Буби... 352. Какую ж историю написать – чтобы в *нашу* пользу? Проблема есть, и серьёзная. За её решение берётся тогдашний (в момент написания книги «Война. Мифы СССР. 1939–1945») депутат Государственной Думы России, а ныне министр культуры страны Владимир Мединский.

Сначала автор проходит, что называется, по поверхности: у нас так считали, а у них эдак; тут недоучили, а там приплюсовали и т. д. Но всё равно результаты не сходятся, тем более что хартманов-то в непривлекательной для нас истории значилось изрядно. Тогда Мединский начинает копать глубже, по стратегическим направлениям. И появляются выводы:

«...Для немцев главным была расчистка неба перед бомбардировщиками и свободная

одиночная охота. Оба направления в тактике люфтваффе делали из лётчиков настоящих хищников: нападать на слабых, оставших, раненых – и, по возможности, уклоняться от сильного соперника. Создавались элитные подразделения, лётчиков для которых подбирали по всей Германии. Они специально готовились к свободной воздушной охоте. Немецкие асы сами решали, стоит ли им нападать – или противник слишком силён. Решив, заходили со стороны солнца, совершали стремительную атаку и скрывались, не ввязываясь в бой.

В этом не было трусости. Просто таковы были правила...»

А какие правила войны в воздухе существовали у нас?

«...Советские истребители были привязаны к наземным объектам или воздушным соединениям, которые они охраняли... Перед нашими истребителями командование всегда ставило две главные задачи – прикрытие войск на земле и ударных авиагрупп в небе...»

Таким образом, вопрос о том, чьё боевое мастерство «круче» – Ивана Кожедуба, Александра Покрышкина или Эриха Хартмана, – получал не математическую, а скорее гуманитарную оценку: наши как минимум не слабее.

Владимир Мединский реализовал масштабный проект в виде серии книг под общим заголовком «Мифы о России» («Война» – одна из них), где устоявшиеся исторические штампы о нашей стране подвергались сомнениям, а затем внятно опровергались. Что это за мифы? Ну, они обозначаются прямо в названиях книг: «О русском пьянстве, лени, дорогах и дураках», «О русском рабстве, грязи и “тюрьме народов”» и других.

В очередной раз зададим сакральный вопрос: откуда «дровишки» (информация) у доктора исторических наук Мединского? Как всегда – из достоверных источников. По возможности доступа к ним Александр Исаевич «отдыхает» по сравнению с Владимиром Ростиславовичем. Ещё бы: наступило время Интернета, открылось вообще всё и в невиданных никогда доселе масштабах. Необходимость прямого обмана отпала полностью, поскольку

под любой тезис сегодня легко подбирается подходящее информационное обоснование.

Объективен ли министр культуры? Конечно, нет. В чьих интересах он пишет? В интересах нашей страны.

УКРОТИТЕЛЬ «ТИГРОВ»

К предстоящему юбилею Победы будут подняты новые, неизвестные или недоступные ранее документы. Обнаружатся новые герои, всплывут дополнительные факты. Вместе с ними придут уточнения. Опровержения. И даже разоблачения. Кто кого будет опровергать и разоблачать? «Они» станут принижать «нас». А «мы» будем опускать «их». И не исключено, что ситуация окажется сложнее тех, что указаны выше.

Обратимся к одной широко известной истории. Во время июльской 1943 года гигантской танковой битвы на Курской дуге отличился старший сержант Михаил Борисов. Кстати, за то, что писал стихи, в школе ему придумали

прозвище Пушкин – привет журналу «Александръ». Во фронтовой и центральной печати появились многочисленные публикации о подвиге сержанта. Например, журнал «Огонёк» опубликовал шарж с заголовком «Комсорг батареи Михаил Борисов сжёг 7 “тигров”» и стихотворным текстом:

*Любуйтесь! Радуйтесь! Дивитесь!
Картинка сделана с натуры!
Пред вами комсомольский витязь
В семи тигровых шкурах.*

Шикарная журналистская зацепка: где тигры, там кто? Правильно! Там укротители и, если вспомнить поэму Шота Руставели, даже витязи. Креативные заголовки газетных и журнальных материалов так и посыпались: «Укротитель “тигров”» и «Витязь в “тигровой” шкуре».

Я не буду анализировать эти не слишком отличающиеся друг от друга сюжеты. Но приведу выписку из документа – представления Борисова к званию Героя Советского Союза, которое и было присвоено:

«11 июля 1943-го года в момент боя за совхоз “Октябрьский” Прохоровского района Курской области старший сержант артиллерийского дивизиона 58-й мотострелковой бригады Михаил Борисов находился на огневой позиции 76-мм пушек, где он ранее был наводчиком орудия.

Противник предпринял атаку позиции батареи 19-ю танками и вывел из строя расчёт орудия. Борисов сам лично встал к орудию и, подпустив танки противника на близкое расстояние до 200 метров, прямой наводкой подбил 7 танков противника типа “Тигр”, тем самым сорвал атаку танков. Только после тяжёлого ранения и выхода пушки из строя гвардии старший сержант Борисов был вынужден прекратить неравный бой...»

А в 2019 году некий немецкий историк привёл сведения о том, что на Курской дуге наши бойцы всего уничтожили... пять немецких танков. Правда, он говорил лишь об одном из трёх крупных воинских соединений вермахта, участвовавших в сражении. Всё равно не бьётся! И мы, конечно, эту недостоверность

Рис. 4. Шарж 1943 года из журнала «Огонёк». «Тигры» или танки?

категорически опровергаем. Но как быть с семьёю «тиграми» на одного сержанта?

Михаил Борисов прожил долгую и активную жизнь. Вспоминая события июля 1943-го, он в интервью «Литературной газете» в 2007 году говорил о том, что «по описанию это были «тигры»». В вышедшем чуть позже телефильме из сериала «Моя война» Борисов вообще не произносил слова «тигры», а рассказывал о «танках». Примерно в то же время Министерство обороны России опубликовало материалы, где признало: да, иногда мы принимали за «тигры» танки иных марок.

Автор настоящей статьи пять лет назад спросил у квалифицированного экскурсовода на Прохоровском поле: случай, когда один солдат за короткий бой подбил семь «тигров», – это правда? Экскурсовод ответил твёрдое «нет» и причину такого суждения подробно расшифровал.

Если вдумчивый читатель и сам покопается в обилии сведений о танках Второй мировой, то без особого труда придёт к выводу: не мог солдат за семнадцать минут из 76-мм орудия подбить семь «тигров». А семь танков мог? Мог. И подбил. И заслуженно получил Героя.

И что? А то, что так и надо объяснить: нынешней информацией о «тиграх» – их технических характеристиках и внешнем виде – тогда не всякие генералы обладали, а уж солдаты тем более. Ошибся солдат, а вслед за ним и журналисты перепутали модель танка. Бывает! *Наша* конструкция подвига от такого признания не пошатнётся. Потому что своевременное признание ошибок не развенчивает авторитет источника, а укрепляет доверие к нему.

ВОТ, ПОМНЮ, В 1812-М...

Ошибки в процессе конструирования исторического контекста нас подстерегают и в юбилейной перспективе освещения событий Великой Отечественной. Чтобы их по возможности избежать, следует не забывать вот о чём. Самый молодой участник сражений – тот, который родился в 1927 году и был призван в армию в самом конце войны, в 1945-м. Сколько ему лет сегодня? Во-о-от!

Далее. Кто такой участник той войны? Я встречал целый ряд молодых журналистов, которые с энтузиазмом писали: «У сидевшего передо мной ветерана вся грудь в орденах и медалях». Уважаемые писатели и читатели! Вы сперва найдите у собеседника одну медаль, а именно – «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.» Если её нет, то все остальные знаки – либо бутафория, либо человек в войне не участвовал.

Ладно, настоящую медаль нашли, и ордена тоже. Начинаются рассказы. «Мало осталось ветеранов, кто может поведать о тех днях», – пишет иной журналист. Да что вы?! Вспомним-ка очередной исторический эпизод.

Российская империя отмечала 100-летие Отечественной войны 1812 года. Накануне царь дал губернаторам команду искать по всей стране свидетелей войны, чтобы пригласить их потом на юбилейные торжества. И они, естественно, – приказ-то отдан – нашлись! К августу 1912 года было выявлено 25 очевидцев нашествия Наполеона, в том числе 14 участников боевых действий. Пятерых долгожителей ко дню торжеств доставили на Бородинское поле, запечатлели на фотографиях и даже киноплёнке.

Московский губернатор Владимир Джунковский вспоминал об одном из ветеранов (*ему приписывалось, по разным источникам, то ли 122, то ли 133 года.* – Авт.): «Аким Бентенюк... был самым разговорчивым, он рассказывал про своё участие в бою, как он был ранен, и даже указывал на кустик, за которым его «шарахнуло». Когда он это рассказывал Государю, тот не мог сдержать улыбки».

Царь и вправду умилился и позже записал в дневник: «Подумай только, говорить с человеком, который всё помнит и рассказывает великие подробности боя!»

Откликом на эти события стал фельетон Александра Куприна «Тень Наполеона» с «замечательным стариком» и его рассказом о встрече с французским императором: «Какой он был... Наполеон-тот? А вот какой он был: ростом вот с эту березу... а бородища – по самые колени и страх какая густая, а в руках у него был топор огромный... Одно слово – ампиратырь!»

«Ветераны» Отечественной войны
1812 года на фото 1912 года

А вдруг ветераны кампании 1812 года на торжествах к её столетию настоящие? Всё может быть, да вот незадача: число лет, прожитых любым из них, превосходило возраст документально известных к тому времени мужчин-долгожителей.

Так что ждём в скором будущем новых исторических подробностей, а настоящее повествование будем завершать. Вы ещё не забыли песенку про «маненечко того»? У её куплетов есть припев:

*А мы всё движемся и движемся вперёд,
Но если кто-нибудь когда-нибудь помрёт,
О нём расскажет нам история,*

*История, которая
Ни слова, ни полслова не соврёт...*

Как относиться к новым историям? Нормально. Думать. Проверять. Соотносить с другими *правдивыми историями*. И выводить собственные резюме. Потому что тезис «в газете написали (по телевизору показали) – значит, правда» – чужой, лукавый и как раз *неправдивый*.

А какая история нужна? Пора произнести магическое слово: требуется *актуальная история*. Несущая пользу *нашей стране, нашему дому, нашим людям*. История, которую можно начать и подытожить словами, произнесёнными когда-то генералом Дмитрием Карбышевым: «Совестью и Родиной не торгую». **А**

УБЬЮТ ЛИ РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ?

Война Запада против России набирает обороты не только на экономическом, но и на идеологическом фронте. И в эту борьбу вовлекаются всё новые и новые материальные и людские ресурсы. Враги уже давно поняли, что расчленив Россию можно только в том случае, если пятая колонна внутри нашей страны откроет второй фронт. И распад СССР подтвердил, что они выбрали единственно верную тактику.

Предателей в верхних эшелонах власти всегда можно найти. Но будет ли снова молчать народ, когда новые горбачёвы и ельцины начнут расчленять уже саму Россию? Вот это – главный вопрос! Сегодня вряд ли возможен такой сценарий. А чтобы народ промолчал зав-

тра, нужно самым активным и всесторонним образом продолжить работу по переформатированию его сознания. Денно и ночью внушать нашим гражданам, что прошлое и настоящее России мерзопакостно и что «светлое будущее» возможно при одном условии: если народ возьмёт на вооружение «общечеловеческие ценности». Ну а что из себя представляют эти «ценности», мы наблюдаем уже больше четверти века.

Одна из важнейших задач противника на идеологическом фронте – подорвать веру в героическое прошлое нашего народа, переписать историю и обесценить русское художественное слово. Внушить гражданам, и прежде всего молодёжи (она – будущее страны), что не было

ничего значительного ни в советской литературе, ни в русской литературе XIX века. К решению этой задачи подключают не только представителей пятой колонны, но и тех, сознание которых уже «пошатнулось», и они попали в разряд «зablуждающихся». И порой уже трудно разобратъ, кто находится рядом с тобой: враг России или всего лишь клонувший на «наживку» нашего противника? Сегодня заблуждающиеся опасны: заблуждения с годами вырастают в непроходимые дебри.

Пример этого мы можем видеть сейчас на Украине. Целе-направленное промывание мозгов подрастающему поколению уже дало там свои плоды.

Да и в других странах ближнего и дальнего зарубежья можно наблюдать нечто похожее. Вот только Россия, несмотря на все усилия псевдолибералов и псевдопатриотов, пока держится. И в этом немалая заслуга российской литературы, которая столетиями пыталась сохранить в читателях самые чистые и светлые чувства. А потому, чтобы уничтожить Россию, следует в первую очередь разделаться с российской культурой вообще и с российской литературой в частности. И попытки в этом направлении не прекращаются с девяностых годов. Примеров достаточно и в театральной деятельности, и в кинематографии, и в телевизионных проектах. Немало публичных людей, кто сознательно, кто по недомыслию, старательно забрасывают комочками грязи то, что наш народ привык считать национальным достоянием.

Небезызвестный Дмитрий Быков весьма преуспел в охаивании русской литературы. В книге «Советская литература. Краткий курс» он отводит каждому писателю главу, в которой высказывает своё видение творчества того или иного писателя или поэта.

Например, такой его пассаж: «Горький одержим безобразным. Именно благодаря этой особенности... он и навоевал читателя... Это отсутствие нравственных тормозов – и, более того, отрицание человеческой морали... чувствовалось в Горьком с самого начала».

Антон Павлович Чехов, по мнению Быкова, тоже отвратителен: «Чехов отчасти напоминает своего Лопухина, сына крепостного (как и он сам), который скупил вишнёвый сад русской литературы лишь для того, чтобы его вырубить».

Не восхитила Быкова и поэзия Сергея Есенина: «Мандельштаму до есенинского культа так же далеко, как Есенину до мандельштамовского таланта; да что там – Блоку, талантливым эпигоном которого Есенин был с деревенского своего начала и до творческого конца».

Литературный талант М. А. Шолохова Быков частично признал, но по-своему истолковал «Тихий Дон». И это неудивительно. У Быкова было лишь два варианта. Объявить Михаила Шолохова бездарем – но это уж слишком! И он пошёл по другому пути: весь его комментарий к роману сводится к тому, что «Тихий Дон» – произведение антисоветское. Поэтому

Валерий РУМЯНЦЕВ

Борис Иванович Зорькин (псевдоним Валерий Румянцев) родился в 1951 году в Оренбургской области в семье судьи. Среднюю школу окончил с золотой медалью. Учился в Куйбышевском авиационном институте, на юридическом факультете Северо-Осетинского госуниверситета. Окончив филологический факультет Воронежского государственного педагогического института, три года работал учителем, завучем в одной из школ Чечено-Ингушской АССР. После окончания Высших курсов КГБ СССР на протяжении тридцати лет служил в органах госбезопасности. Из органов ФСБ РФ уволился в звании полковника. Женат, имеет двоих детей и пятерых внуков. Проживает в г. Сочи.

Лирические и юмористические стихи, басни, литературные пародии, лаконизмы, сказки, статьи, реалистические, сатирические и фантастические рассказы Валерия Румянцева печатались в 170 изданиях РФ и за рубежом, в том числе в 60 литературных журналах и альманахах. Вышло в свет десять книг.

свои рассуждения о романе он заканчивает фразой: «Патриоты, откажитесь от Шолохова. Он – не ваш».

В своей книге Быков периодически касается истории советского государства. О И. В. Сталине он пишет: «Сегодня иногда встречаешь суждения о том, что Сталин... был менеджером модернизации, благодаря которому мы провели величайшую индустриализацию и т. д. Между тем никакой модернизации Сталин не проводил – он её угробил».

Похвалы удостоился Леонид Леонов, но, видимо, потому, что Быков причислил его к скрытым антисоветчикам. И в качестве доказательства по-своему прокомментировал его философско-мистический роман «Пирамида».

Быков уделяет внимание тем литераторам, которые (или родственники которых) в той или иной степени пострадали от советской власти. Так, мы можем прочитать главу о творчестве Варлама Шаламова, Исаака Бабеля, Юрия Домбровского, Веры Пановой, Василия Аксёнова и других.

Поразительно, но в книге Быкова нет глав, посвящённых Владимиру Маяковскому, Алексею Толстому, Константину Симонову, Константину Паустовскому, Юрию Бондареву, Василию Быкову, Чингизу Айтматову, Виктору Астафьеву, Евгению Евтушенку, Валентину Распутину, Василию Гроссману и многим другим литераторам, которые составляют гордость советской литературы. Но зато есть многостраничные главы, в которых анализируется творчество Александра Шарова, Николая Шпанова, Фёдора Парфёнова и других писателей и поэтов, творчество которых никак нельзя назвать значимым.

Быков расхваливает на все лады постмодернистские изыски и кульбиты Виктора Пелевина. Но мы-то понимаем, почему он это делает. Как сказал один умный человек, «если попытаться одним словом определить состояние человеческой души в эпоху нынешнего "глобализма", то это слово будет ползучим, безжалостным и пластающим: смысложизнеутрата». Привести российский народ к подобному состоянию – давнее желание так называемой западной цивилизации.

Характерно для позиции Дмитрия Быкова и такое заявление: «В русской литературе 70-х годов XX века сложилось направление, не имеющее аналогов в мире по антикультурной страстности, человеконенавистническому напору, сентиментальному фарисейству и верноподданническому лицемерию. Это направление, окопавшееся в журнале "Наш современник" и во многом определившее интеллектуальный пейзаж позднесоветской эпохи, получило название "деревенщики"».

Как тут не вспомнить слова Юрия Бондарева: «Наша свобода – это свобода плевать в своё прошлое, настоящее и будущее, в святое, неприкосновенное, чистое».

В политическом болоте каждая лягушка мечтает стать вождём. Совсем недавно Д. Быков публично заявил, что намерен написать о предателе генерале Андрее Власове книгу, в которой будет отображён его подвиг. И ведь напишет, энергии и эрудиции ему не занимать. И получит какую-нибудь очередную престижную литературную премию. Рецензенты дружно похвалят очередной «шедевр», и каждый из них положит в карман свои тридцать сребреников.

А наши дети и внуки будут читать эту мерзость. Они ведь не знают, что о советской власти Валентин Курбатов, выражая мнение наших лучших писателей, сказал: «И называть этот период только "совковым" можно только от духовной слепоты и лени ума... мы не привились к прежней советской традиции, к лучшему и живому в ней. И это было национальное предательство».

Был упомянут лишь один небольшой кусочек из обширного полотна борьбы с российским самосознанием. Думающие читатели (а другие эти строки и не прочтут) легко дополнят картину своими примерами.

Надо смотреть правде в глаза: попытки убить русскую литературу будут всё настойчивее и изощрённее. Время не ждёт. Нужно что-то предпринимать для более активного противодействия этим попыткам.

Бороться с непреодолимыми обстоятельствами можно только созданием новых возможностей.

В ТЕНИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О БОЛЬШОЙ И МАЛОЙ ПРОЗЕ ФЁДОРА ОШЕВНЕВА

Либеральная экономика в нашей стране предусматривает отказ государства от социальных обязательств перед обществом, провозглашает право сильного в социально-экономических, политических и иных взаимоотношениях. Деньги концентрируют в своих руках абсолютную власть.

В обществе потребления, власти денег талантливые люди опасны. Активно внедряется мода на тупость, пошлость и невоспитанность. Снижается качество и доступность образования, предоставляемого низшим общественным классам, – «неолибералам» не нужны сограждане, им требуется прислуга. И они её формируют и воспитывают, ежедневно и ежечасно, тратя на это колоссальные деньги.

Кто имеет реальную свободу слова? У кого есть соответствующие средства и ТВ-каналы. Фигуранты крупного бизнеса управляют всем, в том числе и потоками литературной продукции, которую сегодня создают поэты, прозаики, драматурги, литературные критики и литературоведы. Художественная литература, которая сеет «разумное, доброе, вечное», отодвигается в тень; тиражируется та, в которой насаждается цинизм, безвкусие, глупость, насилие, ненависть, алчность, жестокость и прочие «экстремально-пикантные ценности».

Сегодня те, кто захватил власть, не способны осознать, что ускорение научно-технического прогресса делает проблему морально-нравственного развития особенно актуальной и потому архиважной. Ничем не сдерживаемый, неконтролируемый огромный потенциал знаний – прямой путь к самоуничтожению.

Фёдор Михайлович Ошевнёв

На этом фоне число людей, которые считают себя писателями, у нас растёт так же стремительно, как уменьшается число читателей. Образно говоря, часто тот, кто сел не в свои сани, стремится стать кучером.

Сливки литературного сообщества часто путают с плесенью. Именно поэтому всё громче

звучит тезис, что русская литература умирает. Вот и Александр Кузьменков, отвечая в ходе интервью на вопрос «Кому из современных писателей вы бы дали "чёрную метку"?», категорично ответил: «Всем и за всё!» Известный литературный критик, конечно же, вспыхнул, подзабыв, что, когда порешишь горячку, горячка порет тебя. В своём поле зрения Кузьменков, как мне представляется, держит в основном те книги, авторы которых получают всевозможные премии, часто издаются в самых крупных книжных издательствах, мелькают на телеэкране, участвуют в различных литературных тусовках...

Однако кроме этих писателей есть и другие, кто, без всяких сомнений, обладает выдающимся талантом, но своим творчеством не вписывается в идеологическую парадигму либералов. Для таких литераторов двери книжных издательств наглухо закрыты. Если их и пускают на порог, то лишь для того, чтобы сказать: «Вы же не Агата Кристи; ваши книги никто покупать не будет, а мы прогорим...» Вот и получается, что, когда жизнь измеряется только деньгами, её цена падает.

На творчестве одного из таких писателей я и хочу остановиться. Это автор большой и малой прозы Фёдор Михайлович Ошевнев. Современные литературоведы и критики о творчестве подобных писателей не пишут. Какой смысл? За это денег не платят. Они прославляют «раскрученных» литераторов. Когда читаю такого рода статьи, под рукой всегда держу «Словарь иностранных слов», так как в них сплошь: «гешефт», «синкретизм», «интоксикация», «апофатически», «миметричности», «нарратив», «мерчендайзер»... Ну как тут «не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома»?

Полагаю, никто не будет спорить, что главная задача литературной критики – воспитание квалифицированного читателя. Понятно, что в условиях сегодняшнего дня подобные «гешефты» не справятся с решением этой нелёгкой задачи. Но тем не менее критические статьи пишутся, публикуются, восхваление литературного «синкретизма» идёт полным ходом и поднимает тиражи «нужных» книг. «Раскрученные» писатели и критики получают гонорары, издатели пересчитывают полученные барыши... Как говорится, и овцы целы, и водка не допита.

Вместо того чтобы на полях литературного процесса отыскивать «зёрна» бесспорно талантливых писателей, например, ту же прозу Фёдора Ошевнева, которая широко представлена в Интернете и многочисленных бумажных периодических изданиях, и пропагандировать их творчество, наши критики всё чаще раздают незаслуженно высокие оценки литераторам прошлого, значительную часть жизни посвятившим борьбе с Россией.

Всего один пример. После распада СССР патриот Валерий Хатюшин стал активно заниматься литературной критикой. Вот взял бы да и написал о самых лучших произведениях Ошевнева

ва, тем более что в последние годы шесть его рассказов опубликовал в «Молодой гвардии» и с творчеством Фёдора Михайловича давно и хорошо знаком. Не желает, концентрирует внимание читателей на других авторах. Только что в печати появилась его статья «Поэты белой гвардии» («Берега», № 1 за 2019 г.), в которой он с завидным энтузиазмом восхваляет личность Арсения Несмелова и его стихи средненького уровня. При этом Хатюшин скромно умалчивает, что Несмелов был членом русской фашистской партии, окончил японскую разведшколу, после чего сражался в 1945 году против Советской армии. Видимо, Несмелов делал это потому, что «очень любил русских людей и Россию». А Хатюшин всячески старается доказать, что этот «власовец» японского разлива был исключительно порядочным человеком и талантливым поэтом. Впрочем, это не первый необдуманный поступок патриота и неплохого поэта Валерия Хатюшина. А последствия неправомерного восхваления более чем сомнительного автора могут быть таковы, что к стишкам Несмелова кое-кто из читателей проявит интерес, а многие по-настоящему талантливые современные поэты и прозаики так и останутся в тени литературного процесса. Вот такие, мягко говоря, странные патриоты участвуют сегодня в формировании читательского интереса.

Скорее всего, ознакомившись с подобными статьями, Валентин Курбатов однажды публично сказал: «...И институт, который я сейчас представляю, институт критики, уже напрасный и смешной».

В молодости я считал, что настоящий талант в поклонниках не нуждается. И ошибался: без поклонников (для писателя – это читатели) «нить» таланта меркнет, и в конечном итоге он становится «почти перегоревшей лампочкой».

В писательском багаже Фёдора Ошевнева четыре повести («Яблони в цвету», «Да минует вас чаша сия», «Идеальный сыщик», «Билет на тот свет») и около ста пятидесяти рассказов. Перечислю лишь самые значимые, на мой взгляд, из них: «Штопор», «Конверт без обратного адреса», «Исповедь мужа», «Пернатый муфлон»,

«Липовый ствол», «Шоколадный символ воли», «Комсомольская характеристика», «Тост», «Канатка», «Торжество справедливости», «Болтыш и Жаба», «Записки букиниста», «Новый Нострадамус», «Издержки самообороны», «Полонез Огинского», «Большое зло», «Трёхлитровая жена», «Катастрофические встречи».

Благодаря рассказу «У каждого – своё» Ошевнев стал дипломантом Международного литературного тургеневского конкурса «Бежин луг» в номинации «За глубокое и искреннее изображение окружающего мира». За рассказ «Верующий батюшка» – лауреатом Международного литературного конкурса «Есенинцы» в номинации «Господи, я верую!...». А за рассказы «Самосуд», «Я своих решений не меняю», «Открыто-запертый сейф», опубликованные в 2018 году в литературном журнале «Приокские зори», он был удостоен звания лауреата Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова в номинации «Проза». Произведения Ошевнева напечатаны в 125 литературных изданиях РФ и за рубежом (350 публикаций), но критики и книжные издательства с упорством, достойным лучшего применения, делают вид, что такого писателя не существует.

Из подобной практики можно смело сделать вывод, что сегодня в России есть немало действительно талантливых прозаиков и поэтов, но мы о них не знаем. И, как считает известный критик Сергей Морозов, не узнаем никогда. А это ещё один шаг к литературной катастрофе.

Правда, недавно на малой родине Фёдора Ошевнева, в г. Усмани, в районной газете появилась небольшая статья Сергея Сущего «Беспощадный взгляд на жизнь», в которой справедливо отмечено: «В лучших его произведениях присутствует самое необходимое для настоящей прозы – абсолютно беспощадный взгляд на жизнь в сочетании с надеждой. Не в том смысле, что она "умирает последней", а потому, что писатель видит в происходящем живой шанс на лучшее. А ещё есть профессиональный юмор и пружинистая фабула, любовь к своим героям, каковы бы они ни были».

У Ошевнева со школьной поры было в жизни лишь одно хобби: собирал библиотеку

художественной литературы. Сейчас в ней три тысячи книг, только подписных изданий более ста двадцати. Особенно он гордится «Библиотекой всемирной литературы» и «Библиотекой приключений и научной фантастики».

Четверть века Фёдор Ошевнев отдал погонной службе: сначала в армии, затем в органах МВД. Суровая армейская действительность и постоянная работа беспокойной ищущей мысли подтолкнули его к писательской деятельности. Имея высшее техническое образование, он поступил на заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького и успешно окончил его. Это позволило, оставаясь в рядах нашей армии, стать военным корреспондентом и получить дополнительные возможности для творчества.

У Фёдора Ошевнева самое крупное произведение – «Яблони в цвету», написанное после двух командировок в «горячие точки» (Чечня, Ингушетия).

Писатель назвал её повестью. Однако по объёму (416 страниц), многочисленности героев, достаточно подробному жизнеописанию большинства из них, глубокому изображению «изгибов» и «изломов» их душ в различных непростых жизненных ситуациях иной литературовед обозначит «Яблони в цвету» не как повесть, а как роман. И будет прав.

Повествование идёт от первого лица, что существенно сближает читателя с персонажами; только в пятой главе мы узнаём, что главного героя, который так увлечённо «рассказывает» нам о людях и событиях, зовут Станислав Радов. Действие развивается стремительно и захватывает читателя с первых страниц. Мы узнаём, как мечется по жизни Радов в новую эпоху, как мучается, о чём думает, что затевает и как действует. В стихотворении одного поэта есть такие строки:

*Мы мечемся по жизни, как кроты,
Обильно умываемся слезами.
И прошлое глядит из темноты
Печальными и мудрыми глазами.*

Это как раз о таких, как Радов, и в значительной степени о каждом из нас. И подоб-

ных Станиславов – миллионы. В первых главах как бы наметился «герой нашего времени», а именно та его разновидность, образ которого передаёт читателю «дух времени».

Большинство командированных в Чечню сотрудников милиции добровольно писали рапорта о желании выехать в «горячую точку», но мотив такого шага у каждого героя повести был свой. Одни хотели поправить своё материальное положение, другие – избавиться от сложившихся неблагоприятных жизненных ситуаций, бесшабашные натуры жаждали увидеть «лицо» войны... У каждого из них своя задумка, но есть и другая, общая Цель, которая спланирует их и объединяет в единый боевой отряд. Вместе с тем они до конца не осознают, что делают в Чечне, ради чего рискуют жизнью, но смутно понимают: здесь отстаивают интересы России; значит, как они считают, «наше дело правое».

Бросается в глаза отношение персонажей к населению мятежной республики. В советские годы мне довелось восемь лет жить и работать в Чечено-Ингушской АССР. И я хорошо помню тот душевный дискомфорт, который постоянно испытывал. Многое воспринималось как «чужое»: от религиозных обрядов различных мусульманских сект до средневековых обычаев, когда, например, чеченка не имела права сидеть за одним столом с гостями-мужчинами. Такие же чувства, к тому же разогретые пожаром войны, испытывают и герои повести, но у них нет ненависти к «чужакам» и ощущения национального превосходства.

Я бы не сказал, что главная тема художественного полотна – Чеченская война. Боевые действия – всего лишь роковой для героев повести эпизод, кратко изложенный на самых последних страницах. Война в повествовании – это скорее фон, на котором лучше просматривается человек, одетый в милицмейскую форму. Для убедительности и лучшего понимания внутренней сущности каждого из тринадцати главных героев, их отношения к добру и злу, автор пишет о каждом из них практически отдельный рассказ, главное в котором – показать, «как закалялась сталь». Но эта «сталь» уже не та, что у Николая Островского. К этим героям

не в полной мере применимы и слова Николая Тихонова: «Гвозди б делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей». Но государство для достижения своих целей (в данном случае укрепления «конструкции» территориальной целостности) использует те «гвозди», которые у него есть. Эту правду Фёдор Ошевнев особо не выпячивает, но и не скрывает: любой рядовой гражданин в погонах – всего лишь средство в руках армейских или милицеских чиновников. В советском государстве была та же картина, но с существенной разницей: когда страна вела боевые действия, никто в это время не увеличивал свои богатства на сотни миллионов долларов. И такое положение дел народы России оценивали очень высоко.

Есть в повести и самый главный герой – Правда. Нередко в жизни она выглядит так безобразно, что её скрывают от публики. Ошевнев не склонен к этому. Правда жизни выступает в роли катализатора мысли: сотрудники милиции начинают осмысливать происходящее, и по этой причине один из них обращает свой взор к работе В. И. Ленина «Отношение к буржуазным партиям». Видимо, действительно пришло время, когда К. Маркса и В. Ленина всем нам надо читать и перечитывать.

И ещё одна большая заслуга автора. В повести мастерски изображены герои, которые, образно говоря, идут по дороге жизни босиком, а эта дорога усеяна битым стеклом и нечистотами; их постоянно подгоняет кнут бедности и нищеты, нещадно хлещущий каждодневно не только по телу, но и по душе. Таких людей в нашей стране становится всё больше и больше. И сегодня они начинают думать, как им жить завтра. К какому выводу они придут и как станут действовать дальше, догадаться нетрудно.

Один из последних по хронологии рассказов Фёдора Ошевнева называется «Новый Нострадамус». Заголовок броский, читатель ожидает встретить в тексте что-то необычное, но ближе к концу повествования становится понятно, что в нём скрывается существенная доля иронии. Вроде бы в изложенном ничего особенного нет, обычные житейские ситуации, но автор выхватил такие картинки нашей жиз-

ни и (главное!) так преподнёс их читателю, что в них отчётливо просматривается целое полотно нашей действительности. (Это, кстати, отличительная черта многих рассказов Ф. Ошевнева.) Здесь мы видим и «портрет» молодого поколения, и характеристику воспитательного процесса, и личности руководителей учебных заведений. Штрихами отражены современные нравы, деятельность полиции, бесправное положение «маленького человека», затхлая атмосфера провинциального городка. Иначе говоря, писатель умеет хотя бы пунктирно обозначить и то, что осталось «за кадром».

Директор аграрного колледжа Сергей Авангардович и разнорабочий Покосцев освещены так ярко, что стоят перед глазами читателей «во весь рост». Речевая особенность даже в небольших деталях помогает нам лучше понять персонаж. Короткие монологи директора ну прямо-таки выворачивают наизнанку его гнилое нутро. Повествование не затянуто, и это позволяет сохранить художественную «энергетику» рассказа. Концовка же его совсем не та, что вроде бы ожидалась, а с «перчиком», с «изюминкой» – и это придаёт дополнительный шарм сатирической вещи.

Фёдор Ошевнев умеет виртуозно изобразить психологическое состояние своих героев в той или иной ситуации. Чувствуется, что он долго и всерьёз изучал психологию личности и межличностные отношения. Видимо, не зря сокурсники в Литературном институте и сослуживцы в армии звали его «господин Достоевский», а не товарищ. Ф. М. Достоевский коротко и ёмко определил главную задачу всякого писателя. Это – «созидание живых цельных характеров». Именно созидание! И Фёдор Ошевнев уже несколько десятилетий с большим успехом занимается этим.

Другой, также недавно написанный, рассказ Ф. Ошевнева называется «Липовый ствол», в нём вскрываются «болезни» нашей армии. Эту тему писатель знает досконально, так как пятнадцать лет прослужил в Вооружённых силах и из них восемь – именно командиром взвода «на своеобразной передовой». Сюжет рассказа внешне непритязателен. Прапорщик

Гущин находится на дежурстве, исполняет обязанности начальника внутреннего караула. В ходе плановой проверки постов в светлое время суток он на вышке обнаруживает спящего солдата-часового по фамилии Пулкин. Гущин решил по-своему воспитывать рядового: забрал у спящего автомат и спрятал его в караульном помещении. Окружающим его солдатам приказал пока молчать. Через час Гущин с новой сменой часовых вышел на пост. Пулкин уже бодрствовал, объяснить исчезновение АК-74, естественно, не смог. Гущин провёл с Пулкиным воспитательную беседу, в ходе которой провинившийся «ошарашил начкара вопросом»: «Что мне теперь, застрелиться?» После обеда в столовой Пулкин вновь заступил на пост, но уже, по команде прапорщика, – с деревянной бутафорией из липы, по форме напоминающей автомат. Гущин планировал сообщить Пулкину о «пропаже» оружия после того, как завершится его смена в роли часового. От солдат прапорщик узнаёт, что ночью старослужащие издевались над Пулкиным, поэтому он толком не выспался, что и явилось предпосылкой к ЧП.

И тут с внезапной проверкой караульной службы прибыл зам. командира войсковой части по воспитательной работе подполковник Анюшкин, который, увидев вместо автомата бутафорию, устроил форменный разнос Гущину. О произошедшем ЧП Анюшкин в постовой ведомости результатов проверки запись не сделал, чтобы этот факт не получил огласки на итоговом совещании и не послужил иллюстрацией его воспитательной деятельности.

На следующий день у командира части состоялся «разбор полётов» с участием двух его заместителей и Гущина. Кульминация рассказа написана чрезвычайно выразительно. Автор вскрыл всю подноготную командиров, выпукло продемонстрировал гнилость армейской системы. В итоге присутствующие решили наказать прапорщика аж трижды: объявить ему неполное служебное соответствие, лишить тринадцатой зарплаты и перенести отпуск с сентября на декабрь. Однако наложить взыскание вовсе не за то, что он не доложил дежурному по части о ЧП, и «оформить всё на бумаге умело».

События в повествовании сжимаются, как пружина, и нам становится понятно, что это «ружьё» обязательно выстрелит. Чем заканчивается рассказ, заинтересованный читатель узнает сам.

Писатель, по мере развития событий в рассказе, углубляется в психологию персонажей, всё отчётливее и убедительнее (чему способствует добротный художественный язык) передаёт мысли и чувства своих героев, изображает их поступки. По меркам литературоведов, главным героем является прапорщик Гущин. Но если отбросить в сторону «фокусы» теории литературы, именно в данном случае главным героем являются морально-нравственные категории: справедливость, достоинство, честь. Морально-нравственные категории – это базовая необходимость для самосохранения армии (важнейшего института государства) от внутреннего разложения, от внешнего врага, от своего собственного самоуничтожения. Именно за эту чрезвычайно важную мысль «воюет» писатель, взяв на вооружение художественное слово.

Перечислять многочисленную гамму достоинств рассказа не буду, лишь отмечу, что это произведение с блеском выполняет познавательную, воспитательную и эстетическую функции.

В рассказах Ошевнева о солдатах и офицерах, для которых «приказ командира – закон», постоянно присутствует одна тревожная мысль. Человек, добровольно или принудительно попавший в нашу армию, находится в исключительно сложной ситуации. С одной стороны, надо готовиться к возможной войне с внешним врагом, с теми, кто сегодня носит маску «партнёров», а завтра (как они уже делали многократно) отбросит эту словесно-политическую бутафорию, и мы увидим его настоящее лицо, лицо агрессора. С другой стороны, на человека постоянно давит несовершенство армейской системы. Она нередко наказывает за великодушный порыв («Встречай, приезжаем элистинским»). Она часто выдвигает не самых смелых, знающих, способных, а послушных и бездумных. Система готова с лёгкостью выбро-

силь в «народное хозяйство» талантливому офицеру («Адюльтер», «Заавторство»). Она требует с честью нести высокое звание офицера, но не доверяет офицеру личного оружия для защиты своей чести от уличной шпаны («Встречный удар»). Она наперекор логике выдвигает на высокие посты расхитителей государственной собственности, невежественных людей, а то и откровенных глупцов («Вор у вора», «Приступ вежливости», «Почему процесс не пошёл?»).

Писатель Олег Лукьянченко в предисловии к сборнику рассказов Фёдора Ошевнева «Чёртова дюжина ножей в спину российской милиции» подчёркивает: «В его творчестве прослеживается сквозной мотив: конфликт между честными, знающими своё дело сотрудниками армии, милиции, рядовыми гражданами, для кого суть их работы – служба "делу, а не лицам", – и их начальниками, для которых главная цель жизни – собственное преуспеяние и желание любой ценой угодить более высоким руководителям. Причём ради достижения этих целей они готовы растоптать подчинённого, не останавливаясь даже перед служебными преступлениями. Конфронтации такого рода рельефно изображены во многих рассказах Ошевнева. Ещё одна их особенность – частое изображение пограничных ситуаций, в которые попадают герои, когда жизнь ставит их перед необходимостью сделать краеугольный выбор: или-или. Подобные ситуации придают напряжённый драматизм изображённым коллизиям, и далеко не всегда разрешаются они в пользу тех персонажей, к которым читатель вслед за автором испытывает сочувствие».

Обходя острые углы, не сделаешь их тупыми. Ф. Ошевнев в своих произведениях «острых углов» нашей действительности не обходит. Иногда складывается впечатление, что он специально ищет и накапливает «свинцовые мерзости сегодняшней российской жизни». «Для чего?» – спросит иной читатель. А когда соприкоснётся с прозой писателя, сам же и ответит на этот вопрос: «Для того чтобы знать о них и постараться изжить их из нашей повседневности». Чтобы убрать нечистоты на жизненном пути, для начала необходимо увидеть их.

Многие герои Фёдора Ошевнева в чём-то сродни образам его любимого писателя Джека Лондона. Они, попадая в жизненные катаклизмы, ведут борьбу, ибо понимают: склони голову перед судьбой – и она сядет тебе на шею, сломает. По большей части они не смиряются с испытаниями, выпавшими на их долю, выступают – порой в одиночку – против превосходящих сил зла и несправедливостей большого начальства.

И ещё об одной особенности творчества рассматриваемого автора непременно следует упомянуть.

Художественная литература – это прежде всего искусство слова. Искусство! Фёдор Ошевнев очень тщательно работает над языком своих произведений: использует все возможности выразительности, все пласты лексики, существующие в языке. Через язык действующих лиц он передаёт особенности их жизненного опыта, культуры, склада ума, психологии. У каждого героя речь индивидуальна, что подтверждается синтаксическим построением фразы, словарным составом, интонацией, содержанием сказанного. Вот только один пример из рассказа «Я своих решений не меняю!». Генерал МВД Тертерян, выражая несправедливое недовольство работой своего подчинённого, говорит ему: «За что я тебе деньги плачу?» Уже по одной этой фразе можно судить об уровне интеллекта и морально-нравственных качествах генерала. Или же другой пример – из рассказа «Соучастник тяжкого преступления» – выдержка из написанного милицейским следователем «Постановления о назначении комплексной экспертизы»: «По прибытию Котова и Базилевича на звук выстрела в район пруда с экзотическими водоплавающими, вышеупомянутыми охранниками был обнаружен вышеупомянутый труп вышеназванного гуся...» Блестящая реконструкция бюрократического стиля!

По электронной почте я связался с писателем, доктором философских наук Сергеем Сущим и попросил его ответить на вопрос: «Как вы оцениваете новую книгу Фёдора Ошевнева "Дырка от бублика"?» Вот что он мне написал: «Редкому автору удаётся уйти из своей жан-

ровой колеи, особенно если проработал в ней уже не один десяток лет. Фёдору Ошевневу это удалось. Тем более впечатляет дистанция жанрового перехода – из милицейско-армейской прозы в детскую литературу. Причём в один из самых сложных и одновременно занимательных её разделов, рассчитанных на взрослого читателя. Для всех авторов ориентиром здесь является уже ставшая классикой "От двух до пяти" К. И. Чуковского. Новая книжка Ошевнева по форме (множество миниатюр) и содержанию эту ювенальную линию отечественной словесности успешно продолжает.

В "Дырке от бублика" есть всё, за что читатели любят такую литературу. Детские характеры и психология, смекалка и наивная хитрость маленьких людей, их самопознание и знакомство с миром – огромным и противоречивым. И, конечно, сама детская речь – живая, непредсказуемая, осваивающая с нуля возможности родного языка, но зачастую, через непрерывную игру образов и ассоциаций, рождающая этот язык заново.

Несмотря на то, что герои книги – дети, книга совсем не сентиментальна. Наоборот, в детской проекции современного взрослого мира особенно отчётливо видны пороки и несообразности последнего. Его меркантилизм и заикленность на успехе, неравенство и социальная несправедливость находят своё отражение в детской психологии и речи. И потому книга, написанная на основе обширного материала (собирая его, автор обошёл не один десяток ростовских дошкольных учреждений), представляет собой не только увлекательное чтение, но и своего рода документ своей эпохи, всего современного российского общества».

Благодаря искусству слова Ошевнева мы участвуем в жизни героев, вместе с ними переживаем и радуемся. И всё то, что мы чувствуем и ощущаем, и есть результат воздействия на читателя искусства слова этого писателя. Подобная литература заставляет думать, переживать, перечитывать и наслаждаться словом.

В повествованиях Фёдора Ошевнева нередко встречаются и герои из полицейской среды, которая во многом похожа на атмосферу

в армии. Своими рассказами писатель как бы говорит нам: в жизни нашей армии и полиции нет ни пессимизма, ни марксизма, никаких веяний, а есть застой, коррупция, глупость, бездарность.

Такая же обстановка царит и в наших законодательных, исполнительных и судебных органах власти на всех уровнях. Книжные издательства исключением не являются. Значит, имена всех по-настоящему талантливых современных писателей мы узнаем нескоро. Паршиво осознавать, что кругом – троечники. А страна, где большинство составляют троечники, никогда не сдаст экзамен на светлое Будущее.

В последние годы социальная напряжённость в нашей стране набирает обороты. Крупная буржуазия и чиновники в высших эшелонах власти наступают на те же грабли, что и их предшественники по классу в 1917 году. И как бы нам ни хотелось этого избежать, не исключено, что именно прототипы героев Фёдора Ошевнева из числа офицеров, солдат и полицейских выступят в роли тех, кто подожжёт бикфордов шнур новой русской революции. **А**

Валерий РУМЯНЦЕВ

Алексей БОРЫЧЕВ

Вода зимы

Вода текла, не размыкая
Круги столетней ветхой тьмы,
Тяжелоцветная, густая,
Несла предчувствие зимы.

Не потому, что льдистой крошкой
Она туманила глаза,
Не потому, что снежной мошкой
Летела наземь бирюза...

Не потому... А отчего же? –
Не догадаться, не понять.
Змеится лентою по коже
Воды смертельной благодать.

На звон небес благословляет,
На тот неповторимый звон,
Что небо тусклое роняет
Предзимней музыкой на сон.

И ноября тугие вены,
Водою полные густой,
Набрякли необыкновенно
Белёсой этой густотой.

Вода. Воде. Воды. Водою...
И снова кончились слова...

А за небесной синевой
Видна земная синева...

И всё одно. И все едины...

И всё одно. И все едины.
И – серебристая тоска –
На фоне гаснущей картины,
Где осень с дулом у виска.

Непостоянно постоянство.
А в тесном неводе времён
Опять запуталось пространство
И погрузилось в зимний сон.

Опять тускнеющим узором
С небес на ветки пал октябрь.
Сквозят безлистные просторы –
Наполнить холодом хотя

Леса, луга, поля, болота...
Но оживает иногда.
Предошущение полёта
Во временное никуда,

В оцепенение событий,
В анабиоз страстей и чувств...
А всё прошедшее – забыто.
Забыто намертво. И пусть!

Леса, исполненные светом,
Легко высвечивают мысль
О том, что бесполезно где-то
Искать хоть в чём-то некий смысл!

Тебе нести зарю и звёзды...

Тебе нести зарю, и звёзды,
И чёрной памяти гранит
Туда, где так легко и просто
С тенями лучик говорит,

Где просыпаются столетья
От талых снов небытия
И где в руках бывшего лета
Судьба пульсирует моя.

На землю в панцире из снега
И капли малой не пролив,
Неси кувшин зари и неба,
Земную злобу укротив!

Облака, свиваясь в кокон...

Облака, свиваясь в кокон, то сжимались,
то взрывались,
Хлопья снега источая из невидимых хлоптушек.
Юркий день тоски бечёвку намотал
на снежный палец,
А потом ударом резким вечер о закат расплёгнул.

И небесные герани, розы, флоксы, цикламены
Увядали, опадали, лепестки во мгле кружились.
Об колено разломилась ночь дневные перемены,
Напрягая до предела тьмой сверкающие жилы.

Ничего, и – только ветер, ничего, и – только стужа.
Сосны прыгают в сугробах, ели хмуруются в снегах.
Скоро на снега прольётся утра огненная лужа.
Бьётся сердце чёрной чащи в гулкой темени
 кругах.

Остыла поздняя вода...

Остановилась. Монотонно остыла поздняя вода.
Стеклянный мир осиротевший тепла уже
 не получает.
Сквозь синь осин по мшистым тропам
 тепло уходит навсегда.
Октябрь молчит и безысходно играет
 скользкими лучами.

Кого спросить? Кому ответить?.. О чём? –
Да просто ни о чём.
Сквозь памяти прищур глубокий видны
события нечётко.
Бликует поздних дней водица холодным
тлеющим лучом,
Не ведая ни колкой правды, ни лжи, ни горя,
ни отчётов.

А гроздья снега за окошком видны отчётливо;
висят
И багрянятся закосневшей улыбкой
умершего лета.
По обезжизненным полянам беснуется
толпа лисят:
Играют блики под ногами рыжехвостатым
зимним цветом.

Акваруи

Аквариум леса осеннего
Заполнен воздушной водою
Оранжевый час. Воскресение...
Встречается счастье с бедою.

И точка их встречи отмечена
На тихой энмерной поляне.
Как много повсюду не вечного!
Как много стареющих рано!

Оранжевый час. Воскресение...
Аквариум леса прозрачен.
Есть в осени что-то весеннее.
Но время от нас его прячет.

Мерцают блестящими рыбками
Бесшумно плывущие листья.
Осенней походкою зыбкою
Леса путешествуют лисьи

По мшистому дніщу акваріума,
По владзе, по кочкам, по душам –
Навстречу весеннему зареву,
Навстречу сияющим лужам.

Иду, померанцевой стужей,
Алмазной пургой гонимый...

А все – с омертвевшими душами –
Куда-то идут, да всё мимо...

Александр УНЩИКОВ

Родился 1 января 1960 года в селе Грачёвка Грачёвского района Оренбургской области. Служил в Советской армии. Окончил Оренбургский политехнический институт и Московский институт нефти и газа им. И. М. Губкина. Работал на заводе РТИ, в Оренбургском управлении пусканаладоочных работ, Госгазнадзоре РФ, ООО «Теплоавтоматика» и «ЭкспертАудит». В настоящее время – директор энергосберегающей компании «Магистраль».

Женат, имеет двоих детей и двоих внуков.

* * *

Стоит часовня у погоста,
В ней молятся за упокой.
А рядом белая берёзка
Шумит зелёною листвою.
Шумит листва, не затихая, –
Ей ветер новости принёс
О жизни, что идёт, петляя,
По колее на тот погост*.

* Это стихотворение высечено на камне в подножии мраморного креста, установленного в ограде Петропавловской часовни близ села Погромного (Тоцкий район Оренбургской области).

* * *

Уже не за горами шестьдесят,
Диван прилечь всё чаще приглашает.
Желанья – как десяток лет назад,
Но лишь мечта красавиц догоняет.

Всему, как было сказано, свой срок.
Уверены ещё, что много можем,
Но знаем сами: было б только впрок.
Давай предложенное на потом отложим.

В делах своих всегда бывал пострел –
Воспоминанье долго не стареет.
Успеет тот, кто смолоду успел,
Кто не успел – пускай теперь жалеет.

Все подвиги достанутся молве:
Потери, промахи и давние романы...
А мне остались лишь на сердце раны
Да пух седой на лысой голове.

СТЕЗЯ

Пишу, волнуясь, начерно –
Сбиваясь, второпях.
Боюсь, что мысль забудется,
Заблудится в словах.

Мечтаю, что пора придёт –
Я всё перепишу
И то, что было начато,
Достойно завершу...

Мечты, мечты – и только-то!
Хвалиться не с руки.
И всё уходят скользкие
Года-черновики.

Жизнь второпях – отстала.
Исправить ли потом?
И всё сию понуро я
Над черновым листом.

Хотелось безупречно так,
Да, видимо, нельзя.
И вся в помарках грешника
Корявая стезя.

СПАСЕНИЕ

Осень листопадная
Сыростью окутала.
Темень непроглядная
Все дороги спутала...

Холодно, пороша,
Ветер завывает,
Время нехорошее
Мне напоминает.

Так тогда случилось:
Чёрной полосой
Тучи вдруг сгустились
Грозно надо мною.

Грянули непрошено
Скорби и утраты –
За ошибки прошлые
Поздняя расплата.

Каялся, в чём грешен,
И молился Богу.
Душу тем утешил
И отвёл тревогу...

Пережить, что вышло
Скорбною порою,
Мне помог Всевышний
Милостью святою.

* * *

Всевышний нам и Бог, и Спас,
Учение Его
На благо наше, и для нас
Оно важней всего...

Он свет на жизненном пути.
Стремимся мы во тьму,
Чтоб нечисть в душу запустить
Наперекор Ему.

Мы в жизни служим завсегда
Пороку своему.
В невзгодах наших Бог тогда
Виновен почему?

ХРАМ

На скорости неудержимо жизнь ведёт...
Храм промелькнул –
Величественно-строгий...
– Зайти бы... Хорошо, да дело ждёт.
И всё быстрее несусь я по дороге.
Вдруг перезвон, как будто оклик:
– Стой!
И голос чудится:
– Остановись и слушай:
Ты увлечён, мой милый, суетой,
Ненужной и заведомо пустой.
Вернись ко мне, чтоб успокоить душу.

МОЛИТВА

Когда грусть неуёмная
Снедает сердце мне,
Молитву потаённую
Читаю в тишине.

Страдания душевные,
Все мысли о грехах,
Раскаянья плачевные,
В которых Божий страх...

Уляжется волнение,
Отступит далеко,
Рассеется томление,
И на душе легко.

В ХРАМЕ

Служба в храме, в зимний вечер
Полумрак стоит углами.
У иконостаса свечи
Теплятся пред образами.

Люди смотрят на иконы,
Лица набожны и строги,
И с молитвой бьют поклоны,
Славя Божии чертоги.

Свечи освещают лики
Божьей Матери и Спаса.

Яркие ложатся блики
С позолот иконостаса.

Каемся пред образами,
Ищем для души подмогу,
Просим Бога со слезами,
Чтоб отвёл от нас тревогу.

ЗАБЛУДШЕМУ

Если в жизни неудачи
Мрачным лесом окружили
И ни тропки, ни просвета
В бесконечных этих дебрях,

Обратись душою к Богу,
Укрепи молитвой веру,
И прозревшими очами
Ты увидишь путь к спасенью.

ПРОЩЕНИЕ

Над родившимся ребёнком –
Божья благодать.
Распашонкам и пелёнкам
Радуеться мать:

Счастье в улыбке сына
И его покой.
Пусть покой не будет зыбким
Над его судьбой.

Богу радость точно так же
В тот момент, когда
Грешник кается уставший,
Маясь от стыда.

Просит, чтоб дела лихие Бог ему простил.
Мучают грехи былые,
Вытерпеть нет сил.

Прегрешенью зная меру,
Бог его спасёт
И, прощая, в жизни веру
Грешнику даёт.

Осенив крестом, благословила
Мать сыночка в дальнюю дорогу.
А потом молитву сотворила,
Отогнав от сердца грусть-тревогу.

Срок проходит, нет вестей от сына.
Ночь без сна... «О Господи, помилуй!
Одолела тяжкая кручина,
Как в дороге мой сыночек милый?»

Взор туманя у окна слезою,
Мать роняет горестные стоны,
Сына ждёт, прильнув к стеклу щекою,
Будто Богородица с иконы.

* * *

Ох, сторонюшка родная,
По селениям разруха...
Дров охапку из сарая
Тащит дряхлая старуха.

Дом с ободранною крышей,
Рванью заткнуто окно...
Кто, нужда, тебя услышит?
Тем, кто слышит, всё равно.

Знать, на вечное терпенье,
Сторона моя родная,
Бог святым своим знаменьем
Осенил, благословляя.

Жизнь вперемешку со слезами,
Ни Богу веры, ни властям.
Не слышно песен вечерами,
Унынье сплошь по деревням.

Поля, тоскуя без ухода,
Напрасно земледельца ждут.
Унынье – немощность народа:
Не в радость жизнь, не в радость труд...

Некрасова вдруг вспоминаю:
Вольготно на Руси кому?
Свой взор на церковь устремляю
И вопрошаю: «Почему?»

УЖИН

Меж сугробами дорожка,
Я спешу по ней домой.
На плече коньки и клюшка –
Арсенал спортивный мой.

Щиплет на морозе щёки,
В белом инее спина...
Сумерки. Мороз крепчает,
Быстро вечер наступает,
Жёлтый свет бьёт из окна.

Разுவаясь у порожка,
Клубы пара надо мной.
Запах жареной картошки –
Аппетитный он такой.

После ужина – истома,
И на тело теплотой
Навалилась полудрёма,
Увлекая на покой.

НОВЫЙ ГОД

Январь настал – буранный и морозный.
И год, и жизнь – всё с чистого листа.
Закончился тяжёлый, високосный,
С ним пусть уйдут недуг и маета.

Все ждали чуда в праздничную полночь,
Которое приходит к детворе,
Но нынче волшебства не происходит,
Лишь год сменился на календаре.

Усиленно готовились к гулянке,
Нам президент скомандовал: «Вперёд!»
Недели две теперь сплошные пьянки
И ленью одурманенный народ.

ОШИБКИ И НЕТОЧНОСТИ В ПОЧТОВЫХ МАРКАХ

СЮЖЕТНЫЕ, ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ И ДРУГИЕ

ЧЕШСКАЯ РЕСПУБЛИКА, 2010 ГОД

На марке Чешской Республики 2010 года изображён мальчик, рассматривающий в лупу почтовую марку. Ошибка сюжета в том, что, судя по всему, в лупе вместо увеличительного стекла стоит простое.

Гюстава Доре «Св. Павел после кораблекрушения».

Ошибка сюжета заключается в наличии змеи, которая изображена сзади святого Павла в костре. Змея появилась позже, а не в момент кораблекрушения.

ПОЛЬША, 1938 ГОД

Польша. 1938 год. 150-летие Конституции США. На марке изображены национальные герои США: Тадеуш Костюшко, Томас Пейн, Джордж Вашингтон. Вашингтон держит флаг... почему-то 1938 года с 48 звёздами! А должно быть – 13.

СССР, 1967 ГОД

В октябре 1967 года Почта СССР выпустила в обращение серию, состоящую из пяти марок. Называлась она «Космическая фантастика». Дизайн марок был основан на картинах художников: лётчика-космонавта Алексея Леонова и А. Соколова, где были изображены космические фантастические сюжеты. Речь пойдёт о марке номиналом 6 копеек, выполненной по картине А. Леонова «Селенодезисты». На ней изображены два космонавта, стоящие на лунной поверхности и держащие в руках прибор для привязки к местности. Перед ними Земля, как

МАЛЬТА

Мальта. Дизайн марки основан на библейском сюжете и выполнен по картине

бы восходящая из-за лунного горизонта. Марка вначале так и называлась – «На Луне. Восход Земли». Когда был напечатан весь тираж, какой-то бдительный советский функционер заподозрил в надписи несоответствие: ведь Луна повернута к Земле всегда одной и той же стороной... Какие могут быть восходы?! А поскольку А. Леонов был человек очень известный и знаменитый, то нельзя было допустить никаких ляпов, связанных с его именем. Сказано – сделано, и весь тираж шестикопеечной марки пошёл на переделку. На нём была сделана грубая надпечатка, имитирующая тень и закрывающая собой часть надписи. В итоге осталась только первая часть названия – «На Луне». Когда этим природным явлением заинтересовались специалисты, привлечённые суетой вокруг марки, то выяснилось, что надпечатку сделали зря, так как восход Земли на Луне имеет место, правда, очень долгий. Этому способствует раскачивание и вибрация спутника в пространстве. Также наблюдать явление восхода можно, находясь в отдалённых от горизонта местах и на полюсах. В общем, зря испортили марку. Многих интересует вопрос, остались ли экземпляры этих марок без надпечатки, но единого мнения нет: кто-то утверждает, что видел их, где-то продавались на аукционе, даже прошедшие почту, но... Этот вопрос остаётся открытым.

ФРАНЦИЯ, 1936 ГОД

Франция. АВИА-1936. AERIEN-1936-4 Poste Aérienne. На марке ошибка дизайнера – нарисован самолёт без хвостового вертикального стабилизатора. Серия из семи марок с одинаковым дизайном, разных по цвету.

ВЕНГРИЯ, 1969 ГОД

Венгрия в 1969 году выпустила марку с изображением аммонита и с надписью *Reineckia crassicostata*, что является ошибкой. Правильное название *Reineckea crassicostata*, по имени учёного Иоганна Матиаса Кристофа Рейнеке (1769–1818).

ГРЕНАДА

На марках Гренады изображены раковины. Марки выполнены с грубыми ошибками – раковины закручены не в ту сторону. Так в природе не бывает. Скорее всего, изображение перевернули зеркально.

МОНГОЛИЯ, 1980 ГОД

Монгольская марка 1980 года: Олимпийские игры в Москве, тяжёлая атлетика. На марке ошибка: на гриф штанги блины добавляются по мере уменьшения диаметра, а на штанге монгольской марки всё наоборот.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ, 1918 ГОД

На серии первых марок Чехословакии знаменитым чешским художником Альфонсом Мухой были изображены пражские Градчаны и находящееся за ними яркое солнце. Художник ошибся, желая аллегорически показать восходящее солнце, символизирующее независимость новой республики от Австро-Венгрии: в таком ракурсе оно не может ни всходить, ни заходить, поскольку показан вид на север. Из-за этого марки были позже переизданы просто с подсвеченными Градчанами, без диска солнца.

ЮЖНАЯ АФРИКА, 1926 ГОД

На однопенсовой почтовой марке вместо корабля «Дромедарис», на котором Ян ван Рибек впервые высадился на мысе Доброй Надежды в 1652 году, изображено голландское военное 24-пушечное судно гораздо более поздних времён, его модель ныне находится в Новом музее в Претории. Кроме того, так как город Кейптаун «смотрит» на северо-северо-восток, солнце в изображённом пейзаже должно находиться напротив вершины Столовой горы, если оно заходит, и вообще вне этой картины, если оно восходит.

Чешская Республика, 2010 год

Польша, 1938 год

Мальта

СССР, 1967 год

Франция, 1936 год

Венгрия, 1969 год

Гренада

Южная Африка, 1926 год

Монголия, 1980 год

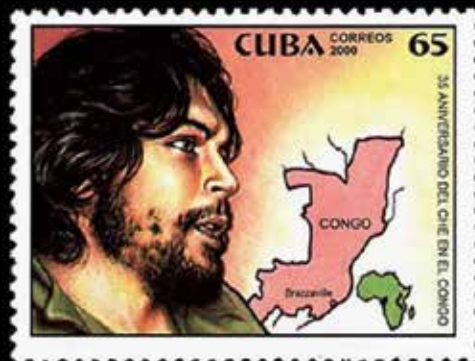
Уоллис и Футуна, 1992 год

Чехословакия, 1918 год

Уоллис и Футуна, 1992 год

Куба, 2000 год

Австралия, 1947 год

УОЛЛИС И ФУТУНА, 1992 ГОД

На 100-франковой авиапочтовой марке Уоллиса и Футуны, посвящённой Всемирной выставке почтовых марок по колумбовой тематике в Чикаго, изображён Христофор Колумб с подозрительной трубой и глобусом. Подозрительная труба была изобретена более чем век спустя. Что же касается глобуса, упоминания о воплощениях такой идеи встречаются с античных времён, но самый старый из дошедших до нас сделан Мартином Бехаймом из Нюрнберга как раз в год экспедиции Колумба (1492-й) – и этот глобус первый, о котором мы знаем достаточно, чтобы предположить адекватность его свойств. То есть маловероятно, что мореплаватель хоть раз в жизни видел нечто похожее на изображённый на марке глобус. Правда, марка лишь отражает изображённое на картинах галереи Палаццо Россо в Генуе.

США, 1925 ГОД

Была выпущена двухмарочная серия, отмечавшая столетие прибытия в Америку первых поселенцев из Норвегии. На марке в 2 цента изображён корабль, доставивший переселенцев в 1725 году, а на второй, номиналом в 5 центов, – точная копия гокстадского драккара, древнего корабля викингов, к носу и корме которого в знак американо-норвежской дружбы приделаны государственные флаги Норвегии и США. Эта копия корабля была спущена на воду в Христиании (Осло) и приплыла в Чикаго в 1893 году на Всемирную выставку, посвящённую 400-летию открытия Америки Колумбом.

КУБА, 2000 ГОД

На выпущенной к 35-летию боевых акций Че Гевары в Конго почтовой марке Кубы номиналом в 65 сентаво оказалась изображена карта не ДР Конго, бывшего Бельгийского Конго со столицей в Киншасе, а соседней с ним Респу-

блики Конго, бывшей французской колонии Среднее Конго со столицей в Браззавиле, где знаменитого команданте не было.

АВСТРАЛИЯ, 1947 ГОД

В серии из трёх марок Австралии, посвящённой 150-летию со дня основания Ньюкасла (Новый Южный Уэльс), на марке номиналом в 2,5 пенса должен был быть изображён исследователь лейтенант Джон Шортленд, открывший реку Хантер (названа им в честь первого губернатора колонии Новый Южный Уэльс Джона Хантера), в устье которой был основан город. Однако изображённым лицом оказался отец Шортленда, капитан Джон Шортленд. Марка исправлена не была.

Александр СЁМИН

СОСТАВЛЕНО ПО:

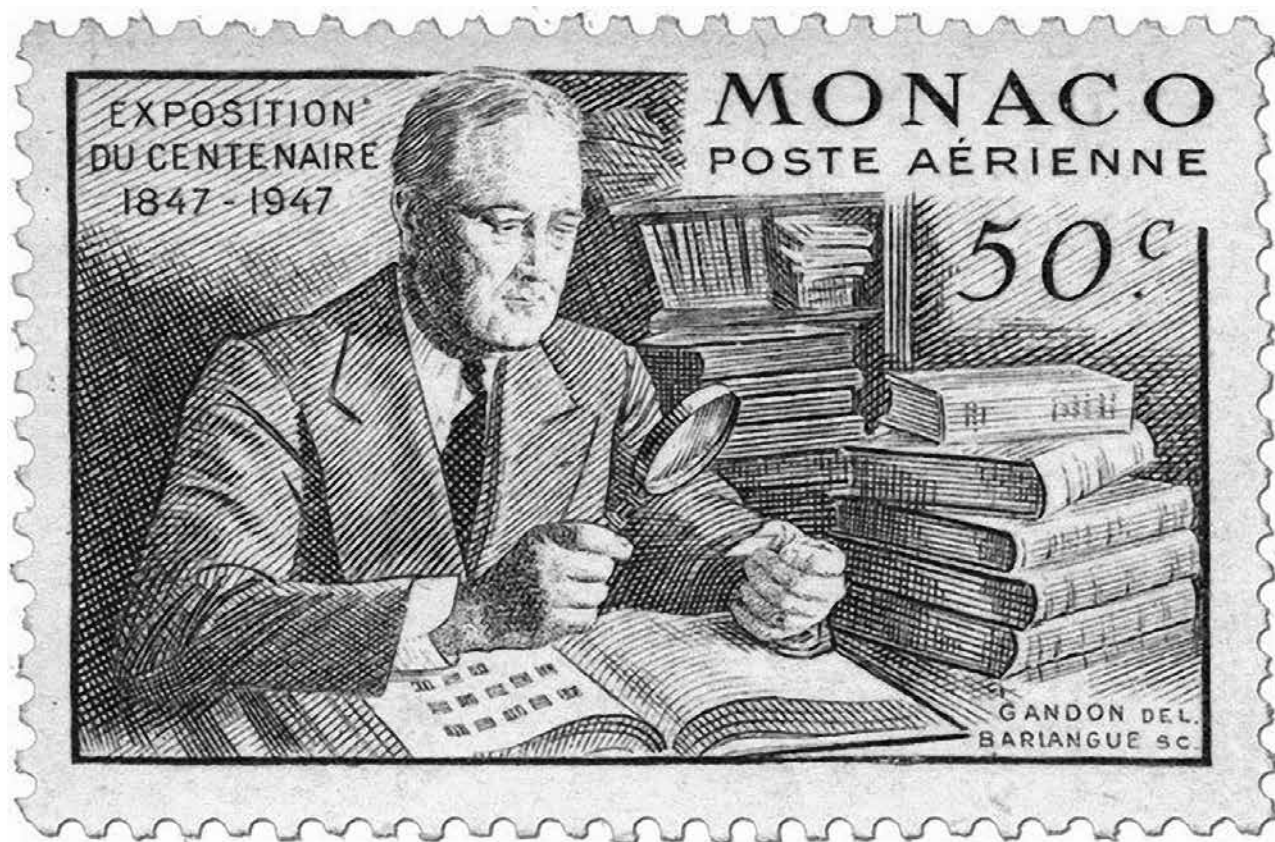
URL: <http://www.mirmarok.ru/forum/viewtopic.php?p=29653>;

URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

Обухов Е. Ошибки на знаках почтовой оплаты: справочник / Под ред. В. И. Пищенко. – М.: ИТЦ «Марка», 2006. – 80 с. – (Прил. к журн. «Филателия». № 6. 2006);

Филателистический словарь / Сост. О. Я. Басин. – М.: Связь, 1968 (см. Опечатки и Ошибки на марках).

«ШЕСТИПАЛЫЙ» РУЗВЕЛЬТ

В ЭТОЙ СТАТЬЕ РЕЧЬ ПОЙДЁТ ОБ ИНТЕРЕСНОЙ МАРКЕ КНЯЖЕСТВА МОНАКО С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ФРАНКЛИНА ДЕЛАНО РУЗВЕЛЬТА – ПРЕЗИДЕНТА США. НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО СТОИТ НАПОМНИТЬ ЧИТАТЕЛЮ НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ ИЗ БИОГРАФИИ ЭТОГО ЛИДЕРА.

Франклин Делано Рузвельт (1882–1945) – американский государственный и политический деятель, одна из центральных фигур мировых событий первой половины XX века, возглавлял США во время мирового экономического кризиса и Второй мировой войны. В 1928 году избран губернатором штата Нью-Йорк и пробыл два срока на этом посту. Он 32-й президент США (1933–1945), от Демократической

партии. Никогда в США ни один политический деятель не избирался на пост президента четыре срока подряд, кроме Франклина Делано Рузвельта. Провёл ряд реформ («Новый курс»). В 1933 году правительство Рузвельта установило дипломатические отношения с СССР. С начала Второй мировой войны выступил за поддержку Великобритании, Франции и СССР (с июня 1941 года) в их борьбе с гитлеровской Германией. Внёс

значительный вклад в создание антигитлеровской коалиции. Придавал большое значение созданию ООН и послевоенному международному сотрудничеству, в том числе между США и СССР. В историографии его неизменно ставят в один ряд с наиболее выдающимися президентами США Дж. Вашингтоном, Т. Джефферсоном и А. Линкольном*.

Ф. Д. Рузвельт, избранный президентом США 8 ноября 1932 года, вступил на этот пост не в лучшие времена – кризис охватил экономику США**. Большинство американских банков были на грани разорения. Но решительное проведение «нового курса» вывело Америку из кризиса и поставило её во главе всего мира в качестве ведущей державы.

Все эти усилия нового лидера США были по достоинству оценены народом США. Действительно, в нарушение всех правил Ф. Рузвельт четыре раза избирался президентом США. И долгие годы в руках этого человека находилась огромная власть, которая легко могла менять ход истории целых стран и народов.

Нам же Франклин Рузвельт интересен ещё и тем, что он был довольно известным филателистом того времени. Особенно он увлекался почтмейстерскими марками США. Знатоки отмечали, что его коллекция почтмейстерских марок была одной из лучших во всём мире. Учитывая филателистическую биографию Франклина Рузвельта, легко догадаться, что его изображение довольно часто появлялось на почтовых марках различных стран. Пожалуй, только Джон Кеннеди, с его трагической судьбой, может составить ему конкуренцию в этой номинации.

История российской (советской) филателии знает два факта об известной во всём мире советской марке с надпечаткой «Перелёт Москва – Сан-Франциско через Северный полюс.

* Большая Российская энциклопедия. Энциклопедический словарь / председатель науч.-ред. совета Ю. С. Осипов; отв. ред. С. Л. Кравец. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2011. 1519 с.

** Франклин Делано Рузвельт [Электронный ресурс]. URL: <http://clubatlantis.ru/stat-i/kollektscionery/franklin-delano-ruzvel-t.html> (дата обращения: 07.09. 2019).

1935». Эта марка с надпечаткой была выпущена очень маленьким тиражом.

В канун знаменательного события филателисты с утра осаждали Московский почтамт. Один из них, впоследствии известный советский филателист С. М. Блехман***, рассказывал, как в операционном зале два окошка «работали на полёт Леваневского». В одном продавали вожделенную марку с надпечаткой, отпуская по одному экземпляру в руки. В другом окошке принимали заказную почтовую корреспонденцию, адресуемую в Сан-Франциско с гарантией возврата конверта отправителю. Вскоре приём заказных писем прекратился – приняли их не более 100. Один из конвертов был адресован президенту США Франклину Рузвельту. Делались подобные подарки Рузвельту и в последующие годы.

Большинство зарубежных каталогов описывают два вида надпечаток: одна, более распространенная, с большим «Ф» в слове «Франциско» и другая, встречающаяся значительно реже, – с маленьким «ф». Известны и марки с перевёрнутой надпечаткой. Любопытные подробности о них сообщил в своё время старейший филателист Чехословакии профессор Лавров, обладатель крупнейшей коллекции марок России и СССР. По его словам, надпечатка с маленькой буквой «ф» сделана на пяти марках нижнего ряда одного из марочных листов, состоявших из 25 марок. Кроме того, такая же надпечатка по ошибке была сделана в перевёрнутом виде.

Известно, что Иосиф Сталин, зная об увлечении Рузвельта, после тегеранской встречи презентовал ему эту редкую марку, выпущенную в 1935 году в честь советского лётчика Леваневского и его перелёта в Сан-Франциско

*** Самуил Маркович Блехман (1918–1982) – советский инженер, крупнейший филателист СССР. С. М. Блехман имел обширные связи с известными зарубежными исследователями филателии: М. Липшюцем, А. Крониным, Куртом Адлером и многими другими. Он участвовал во многих международных филателистических выставках. В возрасте 39 лет он впервые получил признание как филателист, став в 1957 году одним из четырёх обладателей золотой медали лауреата большой международной филателистической выставки, сопутствовавшей VI Всемирному фестивалю молодёжи и студентов в Москве, за экспозицию марок Тувы.

через Северный полюс. На этой памятной марке сделана ошибка – в названии города «Сан-Франциско» буква «ф» была напечатана строчной. Более того, на рузвельтовской марке надпечатка и вовсе была перевёрнутой, что наводит на подозрение о создании искусственного спекулятивного ажиотажа. Кстати, в некоторых публикациях указывается и имя автора этой авантюры – наркома внутренних дел СССР Генриха Ягоды, который также был заядлым филателистом.

Представьте себе, один из самых могущественных людей мира очень радуется небольшому кусочку бумаги. Да, воистину есть что-то притягательное в коллекционировании почтовых марок. В связи с этим эпизодом представьте состояние человека, у которого «реквизировали» эту марку для президентского подарка.

Филателистическому сообществу известно и множество других ошибок, допущенных по вине художников, редакторов, полиграфистов, готовящих печатные формы. Президент США Франклин Рузвельт был страстным филателистом, отдававшим всё свободное время маркам. Филиппины, Монако и некоторые другие страны изобразили на своих марках Рузвельта за любимым занятием, но не обошлось и без курьёза.

Так, в честь Международной филателистической выставки в Нью-Йорке, посвящённой 100-летию американских почтовых марок, была выпущена специальная серия. На 50-франковой марке художник Пьер Гандон изобразил президента США Франклина Рузвельта, одного из самых известных филателистов мира, с его коллекцией марок. В правой руке президента большая лупа, с её помощью он внимательно рассматривает свою левую кисть руки, которая

держит марку (что недопустимо для опытного филателиста). Но главное: на руке Рузвельта шесть пальцев. Художник П. Гандон не обратил внимания, что из-за игры света и тени на фотографии, послужившей прототипом марки, действительно можно обнаружить «лишний» палец, и перенёс его на марку.

Как опытный гравёр мог допустить такую ошибку, неизвестно. Сделал ли он это по невнимательности или, наоборот, умышленно?

Позже среди филателистов появилась забавная версия: в том же году, а если быть точнее, 2 июля 1947 года, в США, неподалёку от городка Розуэлл в штате Нью-Мехико, случилось одно из самых загадочных происшествий XX века, которое американские власти тщательно пытались скрывать, – находка следов крушения НЛО и гибели трёх гуманоидов. Тогда-то филателисты предположили, что Пьер Гандон каким-то образом предугадал крушение и гибель инопланетян, у которых, по свидетельствам некоторых очевидцев, было по шесть пальцев на каждой руке. Впрочем, очевидно, что такая версия серьёзной критики не выдерживает. Наиболее вероятной кажется версия, что француз попросту решил «повысить» стоимость своей марки среди филателистов, а заодно и свою известность, пририсовав Рузвельту шестой палец.

Пьер Гандон признавался: «Долгое время я боялся, что меня посадят в тюрьму. Чиновники сказали мне, что я допустил роковую ошибку, но в итоге ничего не произошло»^{*}.

Теперь почтовая миниатюра «Шестипалый Рузвельт» служит украшением многих коллекций филателистов по всему миру.

Александр СЁМИН

^{*} Ильюшин А. Марианна и шестипалый президент. URL: <https://arzamas.academy/micro/stamp/8> (дата обращения: 07.09.2019).

Андрей БАБОЖЕН

Родился 15 января 1982 года в городе Чите. Поэт, поэт-песенник, член Союза писателей России, Российского авторского общества и Забайкальской краевой общественной писательской организации, автор четырёх книг и одного сборника, автор слов к известным эстрадным песням. Окончил Забайкальский государственный университет, факультет филологии и массовых коммуникаций.

Регулярно стал публиковаться с 2007 года: «Культура Забайкалья» (газета Министерства культуры Забайкальского края), «Слово Забайкалья» (региональный литературно-художественный журнал, Чита), «Невский альманах» (журнал писателей России, Санкт-Петербург), «Академия поэзии. Поэтическая библиотека России» и др.

Вышли в свет книги: «Я заболел осенними ветрами» (2009), «Любви хрустальный свет» (2010), «Моя тридцатая зима» (2011), «После дождя» (2014). В мае – июне 2017 года были переизданы книги «Я заболел осенними ветрами» и «Любви хрустальный свет» в печатном и электронном вариантах. В августе 2017 года в московском издательстве «А Центр» вышел в свет сборник «Судьбе о судьбе».

Автор слов к более чем 50 песням, среди которых – «Любимая», вошедшая в альбом Андрея Бандеры (Эдуарда Измestъева) «Не любить невозможно» (2009).

В июле 2010 года вместе с автором музыки Александром Басановым стал лауреатом Конкурса на лучшую песню о Забайкальской железной дороге.

В декабре 2013 года вместе с композитором Александром Басановым стал победителем конкурса на лучшую песню о Забайкальском крае «Забайкалье, ты – любовь и песня!», который проводился в рамках Года 5-летия Забайкальского края. Основным исполнителем песни-победительницы «Забайкалье, ты – любовь и песня!» стал Иосиф Кобзон и ансамбль песни и танца Дома офицеров Забайкальского края. В декабре 2016 года стал победителем года в номинации «Литература» конкурса Фестивального движения русского мира «Осиянная Русь – 2016» (Москва).

Вошёл в число 10 финалистов фестиваля, проходящего в рамках губернаторского проекта, «Я – забайкалец, мы – Забайкалье!» за 2016 год. Был вручён диплом финалиста и ценный подарок от губернатора Забайкальского края.

РУССКАЯ ИЗБА

Несправедливая судьба
Стучится дикой вьюгой в двери.
Стоит убогая изба,
В свою ненадобность не веря.

На всю округу – ни души,
Лишь мокрый снег да буераки.
И в звёздном небе миражи,
И вой то ль ветра, то ль собаки.

На десять вёрст – сплошной пустырь,
Заправлен рваным покрывалом,
А на пригорке – монастырь
Среди крестов, каких навалом.

Тайга кольцом смыкает круг.
Ночами месяц смотрит с неба
На дом, уставший от разлук.
Там пусто всё и всё нелепо.

Избёнок этих на Руси
Наверняка сегодня много.
Они заброшены в грязи,
Забыта нами к ним дорога.

И обветшалостью полны
Окрестности таких селений.
...За новой жизнью не видны
Постройки прежних поколений.

РОССИЯ

Как я люблю тебя, Великая Россия!
Где бьют ключи с холодной водой,
Где свод небес, то звёздный, а то синий,
Шатром стоит над милою землёй.

Мне дороги широкие просторы,
Луга, поля, зелёных трав покой
И деревень избёнки да заборы –
К ним я привязан сердцем и душой.

Страна моя, ты в свете многолика,
И грех, и святость – всё в тебе одной.
А в небесах печальным громким криком
Вновь журавли тоскуют над тобой.

Мне стал милей янтарный в поле колос,
Чем шум толпы в оправе городской.
Твои глаза – озёра, а твой голос –
Тот соловей, поющий над рекой...

ЧЁРНАЯ ПТИЦА РАЗЛУКИ

Чёрная птица разлуки
Клювом стучится в окно.
Снова берёт на поруки
Голову злое вино.

Праздник фарфоровой грусти
Кто-то вписал в календарь,
Память уже не отпустит
И унесёт меня встарь.

Где ты, мечта-недотрога,
Что ворковала со мной?
Вместо тебя у порога
Ветер лютует седой.

Он, словно вечный повеса,
Слепо кутит во хмелю,

Будто дитя мракобеса,
Жизни готовит петлю.

Только такой я породы:
Видно, упорство в крови –
Жду, несмотря на невзгоды,
Белую птицу любви.

ДОЖДЛИВОСТЬ

Я старше стал на лист календаря,
Что оборвал движением руки,
Прошедший день, он прожит мною зря –
Не написалось ни одной строки.

И плачет свод небесный надо мной,
Слезами оmyвая этот мрак.
А в двери лезет ветер ледяной,
Как будто вор. Засов ему – пустяк.

В камине дремлет тёплая зола,
Бегут по циферблату стрелки вдаль.
А жизнь – со смертью глупая игра,
Которую в финале всё же жаль.

Рябит воды озёрной тихо гладь,
Дождь бьёт по крышам, каплями звеня,
Но буду снова я украдкой ждать
Ту, для которой Бог создал меня.

НЕ ВЕРЬ!

Если скажут: разлюбил –
Ты не верь,
Сердце хрупкое сгубил,
Точно зверь.
Свою душу разметал
На куски
И монеты вдруг украл –
От тоски.
Сгинул в поле средь зимы,
Словно волк,
И чужое взял взаймы
Или в долг.
Разбазарил, прокутил
Все рубли

И чуть-чуть, мол, не дожил –
Унесли.
Нет, не стал бродягой я
На Земле,
Но зато судьба моя
Вся в золе,
И никак ей на тропе
Не везёт,
Потому она к тебе
Не дойдёт.

ДВЕРИ В НЕБО

Если в небо откроются двери
И помянут к себе в вышину,
И замашут мне лапами ели,
Не затронув собой тишину, –
Все дела я свои позаброшу,
За собою оставив стихи,
Да накинута на плечи порошу,
Взяв тяжёлую ношу – грехи.
Может, станет немного обидно
Разрывать неоконченный век,
Но не будет душе моей стыдно
Попроситься к Луне на ночлег.
И, умывшись хрустальной росой,
Обрету на рассвете покой
И уйду неприметной тропой,
Исчезая с погасшей звездой.

ТРИДЦАТЬ ВЕКОВ СПУСТЯ

Через тридцать веков я вернусь,
Чтоб доплакать, допеть, досмеяться.
В русских землях опять поселюсь,
Не желая по свету скитаться.

Обниму необъятную даль
И святыни, до боли родные.
Только ляжет на сердце печаль,
И заплачет оно о России.

Зарыдает зажжённой свечой,
Жёлтым воском на травы польётся,
Долгим эхом за горной рекой
Неожиданно вдруг отзовется.

Где-то там, в ледяном полусне,
Души близких друг с другом сольются.
В этой тьме посчастливится мне
К милой Родине вновь прикоснуться.

ПОМОЛИТЕСЬ ЗА РОССИЮ!

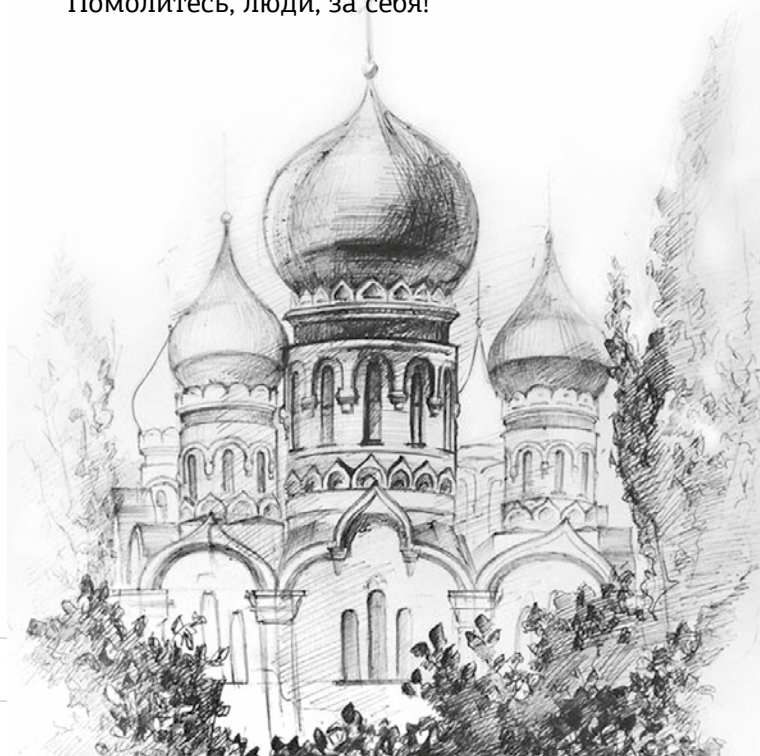
Помолитесь, люди, за Россию,
Глядя на святые купола!
Пусть увидит небо литургию!
Пусть звонят всю колокола!

Не отречься от полей пшеницы,
Не забыть бездонный небосвод.
Возвратятся с юга снова птицы
В день, когда багульник расцветёт.

Там, где шепчут русские берёзы
Над ковром зелёных майских трав,
Крупные нетронутые росы
Усмиряют ветра дикий нрав.

Океан тайги и море сопот –
Небольшая часть большой страны.
Сколько в них для глаза милых тропот!
Сколько громогласной тишины!

Чтоб не допустить в судьбе стихию,
Чтобы жить любя, а не рубя,
Помолитесь, люди, за Россию,
Помолитесь, люди, за себя!

Мысль – универсальная форма энергии, и сила её колоссальна.

В. В. Синельников. Сила намерения.
Как реализовать свои мечты и желания

Круг общения у И. В. Мичурина был весьма широк. В него входили как отечественные, так и зарубежные познаватели природных тайн. Среди них высоким интеллектом выделялся Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Кандидатура соотечественника представлялась на Нобелевскую премию, и его можно поставить рядом с таким научным светилом, как Морган. При встрече генетика с селекционером выяснилось, что они расходятся в точках зрения на биологические функции, заложенные в наследственных структурах. Их разногласия были обусловлены объектами изучения. Если академический исследователь занимался природными популяциями насекомых, то И. В. Мичурин решал проблему создания новых

образцов жизни у высших растений. В процессе работы над практическими задачами у плодовых культур наблюдались такие биологические явления, которых не было у других объектов природного разнообразия, поэтому даже крупные учёные не имели возможности о них знать. Оригинатору уже в то время удалось обнаружить, что наследственные функции яблони обладают неоднозначной свободой выбора развития. И индивиду следует сделать выбор одного из этих жизненных путей. Экземпляры, определившие свои направления дальнейшего существования, отчётливо различаются по внешнему виду. Большая часть потомства, произведённого от гибридизации родительских особей, имела загущенную околюченную крону с мелкими листовыми пластинками, пильчатыми краями, тонкими побегами, покрытыми мелкими почками. Как правило, особи с таким морфологическим строением характеризовались поздним плодоношением, а плоды

имели незначительную массу и, естественно, не представляли хозяйственной ценности. И лишь отдельные особи в гибридных потомствах выделялись тучным развитием. Их крона, напротив, формировалась из толстых побегов, покрытых крупными опушёнными почками. На них «чеканились» опушённые листья с городчатой зазубренностью. При вступлении в плодоношение плоды в таких кронах отличались более крупными размерами и высокими вкусовыми достоинствами. Разница в путях эволюционного развития проявлялась уже на ранних этапах. Всходы семян культурного строения выделялись величиной и несколько толстыми семядолями с выраженной толщиной подсемядольного колена. И. В. Мичурин благодаря своему природному дару в этот период производил отбор особей с выраженными культурными признаками. Именно среди них были выделены знаменитые Пепин шафранный, Бессемянка Мичуринская и другие сортовые шедевры. Естественно, в популяциях насекомых, что исследовал кандидат на Нобелевскую премию, второго пути эволюционного развития не существовало. И у гороха, что являлся объектом изучения «отца генетики», его не было. Так что у И. В. Мичурина было полное право для проявления сарказма по поводу цифровых выражений генетических элементов, установленных на этих и других объектах природного разнообразия. Естественно, соотношения наследственных признаков у плодовых пород имеют иное количественное выражение. Это утверждение И. В. Мичурина разделяет А. А. Любищев: «Я цитирую мнение Мичурина, которое отрицает применимость законов Менделя к плодовым растениям, и я подписываюсь под этими словами Мичурина».

В пятидесятые годы XX столетия проявление культурных признаков получило научное объяснение – как результат перехода у части молекул наследственности первой информационной системы в более активное состояние. Селекционер-оригинатор почти на столетие раньше других подметил проявление специфической биологической функции. И даже не зная механизма её действия, прекрасно понимал,

что её активное выражение обусловлено внешними факторами. Это он оценил и использовал в практической селекции, производя отбор в гибридных популяциях ценных образцов.

В письменном обращении к директору Института экспериментальной биологии Николаю Константиновичу Кольцову, внёсшему значительный вклад в развитие генетики, оригинатор пытался выяснить, как работает ген. Столь обширное общение с классиками генетики и объёмная практическая работа по созданию новых образцов плодовых культур способствовали тому, что Мичурин предложил оригинальный метод воздействия на наследственные элементы. Впервые гибридные сеянцы, полученные им в селекционном процессе, привил на исходные материнские производные. Благодаря этому методу был получен положительный эффект – подвой повлиял на степень функционирования биологических и хозяйственных признаков. Корневой системой подвоя можно усиливать проявление положительных свойств и ослаблять действие генов, способствующих выражению отрицательных свойств. Дальнейшее изучение силы действия предложенного метода на проявление родительских признаков было возложено на талантливого ученика – Павла Никаноровича Яковлева. Наибольшего результата в изучении сущности и дальнейшем развитии биологического явления удалось добиться академику Н. В. Цицину. Путём многократных прививок томата на цифомандру он получил новый вид культурного растения. Успех ученика И. В. Мичурина был высоко оценён А. А. Любищевым: «...интереснейшее явление, которое заслуживает тщательного изучения» (А. А. Любищев: «О монополии Т. Д. Лысенко в биологии», «Памятники исторической мысли»).

В нашем эксперименте мичуринская методика менторального эффекта объединялась с двумя физическими излучениями. Использовалось сочетание гамма-излучения кобальта-60, обладающего сильным разрушительным действием на наследственные структуры, и низкоинтенсивного электромагнитного излучения (лучи лазера). Второй вид излучения

в противовес первому физическому фактору имеет свойство созидания. Функция созидания низкоинтенсивного излучения обладает двойным эффектом: во-первых, устранением «поломок», произведённых первым физическим фактором, а во-вторых – повышением степени выраженности отдельных признаков. В качестве ментора использовались сеянцы рябины обыкновенной и боярышника кроваво-красного. Объектом приложения двух физических излучений и двух подвоев служил природный вид, находящийся на первоначальной эволюционной стадии (дикий тип). Доказательством прочности наследственных систем является его природное однообразие – отсутствие мутационных изменений при обширном ареале произрастания. Эксперимент позволил получить весьма интересный результат. В нём было определено: эволюционное преобразование той части растительного разнообразия Земли, которая обладает прочными генетическими и сильными восстановительными структурами, следует осуществлять сочетанием рекомбинационной селекции с тремя типами энергии: разрушительной, производящей первоначальный план построения и развития растительного индивида (гамма-излучения кобальта-60), созидательного действия лазерного излучения и влияния биополя подвоя. Изучение влияния подвоя на проявление хозяйственных свойств и биологических качеств, в том числе таких, как морфологическое строение, открывает принципиально новое направление, дающее селекционерам возможность повышать величину преобразования генетического пространства. Вполне возможно, что другие корневые системы родственных плодовых пород индивида, подвергнувшегося разрушительному действию наследственной системы, будут провоцировать в его геномике иные признаки и свойства. Автор удивляется интеллектуальной робостью селекционеров. С большим упорством они не включают менторальный фактор в арсенал селекционных методов. Достигнутый успех, усиливающий степень выраженности признаков у родительских особей, в провинциальном городе России объясним объединением, прежде всего, ум-

ственных усилий учёных четырёх коллективов (ЦГЛ имени И. В. Мичурина, Мичуринского государственного педагогического института (его биостанции), ВНИИС имени И. В. Мичурина, Мичуринского государственного аграрного университета – названия учреждений приведены в таком виде, в котором они существовали до последнего преобразования), и это ещё раз является подтверждением того, что через коллективный ум пролегает дорога к истине.

Как было отражено в предыдущей публикации, Татьяна Ивановна Соколова сделала весьма смелое заключение: «Ничего такого, что веками не могли решить многие поколения учёных и практиков, И. В. Мичурин не решил». Удивляет поспешность Татьяны Ивановны – писать критическую статью и довольствоваться в ней только информацией, изложенной посредственным журналистом А. Н. Бахаревым... В его материале и некоторых других литературных источниках, приведённых в тексте критической статьи, весьма слабо отражены результаты деятельности И. В. Мичурина. Нет объективной научной оценки, какая представлена в солидных изданиях крупных отечественных учёных. Среди них следует выделить обобщения отечественного философа И. Т. Фролова, изложенные в монографии «Философия и история генетики. Поиски и дискуссии». В солидном тексте научного обзора произведён глубокий философский анализ методов и достижений селекционного творчества Мичурина. При этом оценка его достижений, вклада в развитие и становление генетики произведена в сравнении с достижениями крупных зарубежных и отечественных учёных. Жаль, что в тексте философского обобщения не отражены некоторые мичуринские направления в генетике, например эффект действия подвоя на наследственные элементы гибридных популяций. Можно только предполагать, насколько оригинальным был бы анализ эксперимента, произведённого отечественным мыслителем Н. В. Цициным, получившим в результате новый вид культурного растения. Очевидно, об этом достижении ученика И. В. Мичурина И. Т. Фролову не было известно.

Татьяна Ивановна Соколова высказывает сомнения в правомочности присвоения Мичуринску звания наукограда. Но у неё нет причин для сомнений. Основанием для присвоения статуса городу Мичуринску была большая плодотворная работа по созданию новых поколений сортов плодовых и ягодных культур и технологических основ их выращивания. Большие достижения коллективов научных сотрудников обусловлены сотрудничеством с академическими институтами. Так, шедевры вишни Десертная Морозовой и Морозовка были созданы совместно с Институтом химической физики с участием легендарного учёного И. А. Раппопорта. Методика объединённого использования рекомбинационной селекции с физическим мутагенезом осуществлялась с Институтом общей генетики (г. Москва). Весьма плодотворным оказался союз с Физико-энергетическим институтом (г. Обнинск), где объединёнными исследованиями сортимента яблони был выявлен сорт Конфетное с высоким энергетическим потенциалом. История этого сотрудничества изложена автором в статье «Невидимое пламя жизни», опубликованной в газете «Мичуринская правда» за 27 августа 1986 года.

Коллективы научных сотрудников с творческим подходом продолжают развивать наследство основоположника научной селекции. Как правило, свои селекционные методы И. В. Мичурин испытывал в отдельности. Последователи осуществили объединение его селекционных приёмов. В созданном ими комплексе рекомбинационное сочетание двух родительских производных объединяется с физическими излучениями. В нём гибридные семена, полученные от родительских индивидов, после стратификации подвергаются двукратному облучению. На первой стадии семена проходят через разрушительное воздействие гамма-излучением кобальта-60, при котором первоначальный план построения и развития растительной особи преобразуется в «хаос». Одновременно осуществляется уничтожение части генотипов с ослабленными функциями противостояния комплексу неблагоприятных

внешних условий. Но семена, обладающие прочными связями между генными структурами, сохраняют жизнеспособность. Вторичное воздействие низкоинтенсивного электромагнитного излучения, естественно, направлено на генотипы, сохранившие жизнеспособность. На этом этапе происходит восстановление первичной информационной системы. Эффект взаимодействия лазерного излучения усиливает активность генных структур.

Плодоводы наукограда первыми оценили достоинства новой ягодной культуры – жимолости съедобной. На начальном этапе внедрения в культурный обиход этого природного индивида были большие сомнения в возможности его селекционного усовершенствования. Дикорастущий образец обладал серьёзными изъянами – имел горький вкус и незначительную массу ягод, слабую продуктивность. Быстрому эволюционному преобразованию способствовало то, что изучение особенностей плодов производилось совместно с учёными Физико-энергетического института (г. Обнинск). Первые опыты определения энергии в ягодах показали их высокую ценность. Один из сотрудников академического учреждения, Владимир Михайлович Алаев, заключил: «Жимолость съедобная в ближайшее время станет культурой века». Его прогноз оказался пророческим. Для селекционеров было большой неожиданностью, что наследственные структуры дикорастущего образца оказались податливыми к внешнему воздействию. Первые же поколения позволили выявить в их генотипах большие эволюционные возможности. За короткий временной промежуток мичуринскими селекционерами передано на государственное сортоиспытание свыше 20 сортов жимолости, пять из которых районированы по всей территории России. Созданные формы весьма скороплодны, высокоурожайны, с крупными плодами десертного вкуса. К числу наиболее перспективных новинок следует отнести сорта: Вечный зов, Боярышня, Подарок наукограду, Мичуринское диво, Эверест, Северное сияние, Княгиня, Диана и Пётр I. Если раньше сезон потребления ягод в свежем виде начинался с земляники, то в

настоящее время на недели раньше – с жимолости. Выращивание новой ягодной культуры отличается значительными технологическими преимуществами перед земляникой.

И. В. Мичурина можно смело отнести к учёным с планетарным мышлением. Его идея преобразования растительной оболочки планеты обладала огромной энергетической мощностью, как никакая другая выразила дух того времени, когда он жил и творил, вошла в резонанс с революционным порывом народных масс – перестроить свою жизнь на новый лад. Он предвосхитил открытие, сделанное Владимиром Ивановичем Вернадским: «человеческая деятельность становится определяющим фактором развития, а его движущей силой является разум». Восхищают широко известные фразы Ивана Владимировича: «Мы не можем ждать милости от природы...» и «Человек может... создавать новые формы растений лучше природы». Именно с мичуринской мысли о необходимости преобразования природы «зародилась сфера разума в биосфере планеты».

*Фраза эта набатом загудела,
Многих нас в герои позвала.
Мы с нею реки в другие русла направляли,
Почти на севере сады сажали.
Смелее нас и не было тогда.*

Автор критической статьи об И. В. Мичурине скептически отнеслась к межродовому гибриду, полученному им. В её тексте изложено следующее: «Так межродовые гибриды вишни с черёмухой (церападусы) не только не более отвечают нашим потребностям, но и вообще не выращиваются для получения плодов». В своё время этот гибрид был одним из селекционных достижений. Однако в настоящее время созданный Мичуриным образец не только представляет интерес для декоративных целей, но и может служить в качестве исходного индивида для повышения устойчивости к грибковым заболеваниям и внешним неблагоприятным условиям. Ценность мичуринского шедевра уже доказана. Получен сорт вишни Харитоновская, обладающий комплексом хозяйственных

признаков: ценится за высокую урожайность, устойчивость к болезням, имеет хорошее качество плодов. Так что недооценивать это достижение оригинатора не следует. За последнее время селекционерами наукограда разработана методика доведения дикорастущих пород до культурного состояния. Сочетание двух селекционных методов – рекомбинационной селекции и индуцированного мутагенеза – позволило преобразовать дикорастущую иргу колосовидную, находящуюся на первоначальной стадии эволюции, в удобный технологический тип: резко уменьшить силу роста, повысить массу плода. Среди индуцированных таким путём образцов наибольший интерес представляют формы с габитусом (строением кроны и силой роста) куста чёрной смородины.

В период увлечения селекционеров индуцированным мутагенезом было установлено, что геномы сортов обладают неоднозначной реакцией на мутагены. Обнаружена прямая корреляционная связь между возможностью генома выдерживать высокие дозы действия физического фактора или обработки химическими мутагенами в больших концентрациях со способностью организма сохранять высокую продуктивность и качеством продукции при возникновении в среде обитания неблагоприятных факторов. Сорта яблони обладают различной прочностью химических связей. Об этом говорят многочисленные данные, полученные при изучении (начиная с 60-х годов) влияния мутагенных факторов на семена большого числа сортов яблони (И. В. Дрягина, А. В. Мурин, В. Н. Лысиков, 1981). Так, например, в наших опытах по облучению семян некоторых сортов яблони с целью определения уровня устойчивости наиболее чувствительным оказался сорт Красивое. Химические связи его генетической системы не выдержали дозу гамма-излучения кобальта-60 в 50 Грей. Очень прочный генотип имели сорта: Устойчивое, Богатырь, Ренет Черненко, Декабрёнок, Россошанское полосатое, Северный синап и др. Первые пять сортов выдерживают дозу физического фактора в 100 Грей. Химические связи сорта Северный синап выдерживают концентрацию НММ 0,2%. Воз-

можно, эта особенность объясняет широкий ареал выращивания и высокую продуктивность сорта, за что его можно смело именовать «королём российского садоводства».

При использовании в селекции садовых культур межсортной гибридизации в сочетании с индуцированным мутагенезом удалось получить образцы с более крепким генотипом, чем у сорта Ренет Черненко, обладающего прочностью химических связей между генами. К ним относятся новые формы ВНИИС – Стахеевское и Аксёновское.

С помощью физических факторов можно не только уничтожать слабые генетические системы, но и повышать активность внутренних систем сорта. Этим фактором является когерентное электромагнитное излучение. Так, под его воздействием в кроне одного из гибридных сеянцев яблони, имеющего внешнее строение «дикого», развился побег с культурными признаками. В отличие от других побегов на нём развились крупные опушённые с городчатой зазубренностью листья. Провоцирование побега с культурными признаками в кроне сеянца с выраженным внешним строением данного типа объясняется его происхождением из одной соматической клетки многоклеточной популяции.

Иван Владимирович не ограничивался возможностями, которые ему предоставляли природные факторы, в том числе и спартанские, и вёл поиск особых методов, более эффективных по силе влияния на наследственные основы растений. Он первым в селекционной практике испытал физические средства, «не требующиеся для нормальной жизнедеятельности растений» (воздействовал на пыльцу слабым электрическим током и магнитным полем). Мысль об использовании энергии в преобразовании окружающего нас растительного разнообразия планеты занимала умы не только селекционеров. Несколько позднее И. В. Мичурина эту идею высказал крупнейший учёный Л. Н. Гумилёв. Столь поспешные по времени эксперименты селекционера-оригинатора не оправдали его надежд – слишком рано зародилась эта идея. Позднее, в конце 20-х – начале 30-х годов, в России и за рубежом с широким размахом раз-

вернулись исследования по использованию физических факторов и химических соединений в преобразовании наследственных структур. Идея изменения сельскохозяйственных культур заволаживала многих селекционеров. Но постепенно их энтузиазм начал угасать. Академик А. А. Жученко, подводя итог использованию многих видов мутагенного действия в селекции сельскохозяйственных культур, определил это направление как тупиковое. Селекционер В. В. Кичина добился значительных результатов в селекции яблони благодаря тому, что включил в геномы отечественных сортов мутантные гены колонновидного типа, но и он дал отрицательную оценку многочисленным усилиям по применению мутагенов в селекционных исследованиях. Выход из «тупикового положения» был найден позднее при использовании в селекции сочетания двух физических излучений – гамма-излучения и когерентного электромагнитного излучения.

И. В. Мичурин постоянно стремился к познанию тайн природы. По стилю познания – раскрытия законов природы он был похож на другого мыслителя – Сократа. Сократ не писал философских трактатов, а ходил по улицам и донимал своими вопросами прохожих. Именно этот приём общения со своими оппонентами провоцировал умственные способности дотошного философа. В отличие от пытливого мыслителя И. В. Мичурина для познания законов наследственности использовал наблюдения. Последующие рассуждения о явлениях, что обнаруживались при взаимодействии генотипов с факторами внешней среды, стимулировали его мышление. Пытливый ум учёного был способен раскрывать тайны природы и создавать оригинальные методы. Рождённые им селекционные новшества позволяли добиваться значительных успехов. Можно представить, насколько неожиданным «природным подарком» для селекционера, обладателя смелого мышления, было появление в кроне Антоновки могилёвской побега с плодами в 600 граммов. Факт усиления массы плода до столь значительной величины продемонстрировал мощную значимость внешних условий. Этот случай придавал

селекционеру уверенность в том, что надо отдавать предпочтение силе природных факторов. При встрече Мичурина с генетиком – обладателем большой силы ума и могучего мышления, Николаем Владимировичем Тимофеевым-Ресовским – выяснилось, что в некоторых вопросах наследственных проблем у них совпадают точки зрения. Это касалось внешних условий влияния на функционирование наследственных структур. Николай Владимирович в разговоре с селекционером заметил, что «ген обладает упрямым характером». Этой фразой он подчёркивал преимущество наследственных структур. Иван Владимирович не соглашался. Своим возражением «в абсолют возвели ген», которым «провидец» с сарказмом клеймил классику генетики, он хотел объяснить, что наследственность – очень сложное явление, что развитие организма зависит, по его мнению, в большей степени и от внешних условий и что генами можно управлять. Это он видел на своих объектах исследования и даже предложил метод, с помощью которого менял характер поведения признаков – усиливал положительные свойства и ослаблял отрицательные. Интуитивное прозрение экспериментатора позволило прийти к открытию – сильнее всего на формирование признаков и свойств гибридов влияют жёсткие внешние факторы окружающей среды. Первоначально эта идея сформировалась у него в виде гипотезы. И чтобы проверить истинность своего умозаключения, Мичурин решил перенести селекционный питомник в новое место с более жёсткими природными условиями. В этой ситуации творец-новатор проявил характер и волю. В дальнейшем он ни разу не пожалел о затраченных усилиях по пересадке селекционного материала в экстремальные условия, ведь это позволило ему обосновать теорию необходимости спартанских условий для «воспитания» гибридных сеянцев. Это является одним из ценнейших достижений И. В. Мичурина: именно в экстремальной нише климата, в пойме реки Лесной Воронеж, он создал свои сорта-шедевры: яблони – Пепин шафранный, Бессемянка Мичурина, Бельфлёр-китайка; груши – Бере зимняя Мичурина и других плодовых культур. Его сорта пользовались большим

спросом не только в России, но и за рубежом. В чужеродных краях они доказали превосходство перед сортами, созданными местными селекционерами, в том числе и такими как Бербанк.

Немногим известна история одного из мичуринских сортов вишни – Плодородная. В 1890 году Плодородную увезли в Америку. Широко распространили. Восхищались её достоинствами, расхваливали, рекламировали, считали своей, американской, – «завоеванием американской селекции», «достижением достойных учеников великого Лютера Бербанка». В 1892 году по Америке прокатилась волна суровых морозов. Все культивировавшиеся там сорта вишни, выведенные «достойными учениками великого Лютера Бербанка», погибли. Выжил повсеместно один сорт – Плодородная. А в 1893 году было точно определено, что выведена она скромным русским оригиналом Мичуриным. Вскоре после этого события И. В. Мичурин получил приглашение переехать в Америку на весьма льготных условиях. «Предоставим всё необходимое. Дадим штат помощников. Вам лично назначим ежегодное вознаграждение в 8000 долларов». Иван Владимирович отказался от заманчивого предложения, заявив приезжему гостю, что в Америке не понимают сущности его работ и он не намерен заниматься коммерческими делами. Возможно, что одной из причин отказа Мичурина от переезда в благоприятные условия являлось то, что там не было таких жёстких условий, которые дали ему возможность создавать сорта типа Плодородной. К этому времени у него сложилось твёрдое убеждение: «...окружающая среда не менее важна, чем наследственность». Меня удивляет, что Т. И. Соколова, написавшая разгромную статью о нашем земляке, чей жизненный подвиг восхищал всех, кто знакомился с его научными результатами, не знает об этих фактах. С критикой деятельности и особенно с детальной оценкой его сортов нельзя не согласиться, но в своих доводах Татьяна Ивановна не учла время, в которое жил Иван Владимирович. Садоводством в стране занимались очень многие. В каждом садоводческом районе было зачастую несколько высококлассных специалистов, которые

преследовали только коммерческие цели. Вот среди таких можно отыскать Бербанков. Всем им были совершенно чужды какие-либо научные проблемы. От них резко отличался И. В. Мичурин, поставивший грандиозные цели: «пополнить ассортимент плодово-ягодных растений средней полосы выдающимися по своей урожайности и по своему качеству сортами и передвинуть границу произрастания южных культур далеко на север». Наше поколение помнит те яблоневые сады, где произрастал его шедевр Пепин шафранный. Его методы до сих пор находятся в арсенале у селекционеров, естественно, в несколько доработанном виде. Его рекомбинационная селекция (с помощью этого селекционного приёма им было получено большинство сортов плодовых культур) не всегда оправдывала надежды новатора. В тех вариантах сочетания, в которых родительские производители различались по условиям произрастания и некоторым качествам, сорта с возрастом изменяли свои достоинства в худшую сторону. Современные селекционеры определили причины нестабильности таких генотипов и изменили методику создания новых поколений. Ими было определено: в качестве материнского образца брать сорт, соответствующий условиям его произрастания. А для второго участника комбинационного сочетания следует взять форму с учётом изменений климата в местности, где новый образец жизни будет выращиваться.

Крупный учёный А. А. Любищев в своих публикациях неоднократно оценивал творчество и результаты деятельности нашего земляка: «Мичурин, трогательный по своему энтузиазму, несокрушимо оптимизму и самокритичности, селекционер-любитель, талантливый, трудолюбивый. Он, несомненно, вывел ряд ценных сортов плодовых деревьев и сделал много интереснейших наблюдений, намечающих новые методы в селекции. Главным дефектом Мичурина была его невысокая культура, его работа не даёт той документации, которая составляет обязательную особенность каждого учёного. Он презрительно называл это "учёным педантизмом". Вот из-за отсутствия этого педантизма при самом внимательном

чтении трудно извлечь всё ценное и достаточно обоснованное. Характер у него был колючий, и недостаточная научная дисциплина мышления привела к тому, что его наследство – это хаос отрывочных мыслей и наблюдений, которые должны быть приведены в порядок и очищены от значительного идейного мусора кропотливой критической работой». В своих оценках творчества оригинатора Любищев неоднократно использует термин «хаос». Им он выражает мичуринское разнообразие подходов при решении селекционных проблем. Отечественный учёный негативно оценивал такой подход при проведении селекционных исследований. А вот в современных методических указаниях (Пол Фейерабенд. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ; Хранитель, 2007) мичуринский стиль познания оправдывается: «стремление раскрыть секреты природы приводит к отрицанию всяких универсальных стандартов и косных традиций».

Критически настроенный А. А. Любищев в своём труде «О монополии в биологии Т. Д. Лысенко» подчеркнул: «Мичуринские методы и высказанные им идеи лишь обозначены и заслуживают дальнейшего развития – требуют ещё многих кропотливых исследований. Его богатое наследие заслуживает того, чтобы создать научное учреждение, объединить в нём высококлассных специалистов, владеющих методикой опытного дела». Эту мысль И. В. Мичурин претворял в жизнь. Он прекрасно понимал: его усилий недостаточно, чтобы преобразовать природное растительное многообразие. Им в Мичуринск были приглашены С. Ф. Черненко, С. И. Исаев. В 1918 году здесь был создан научно-исследовательский институт, именуемый Центральной генетической лабораторией. Над разработкой и дальнейшим развитием его наследия трудились селекционеры Х. К. Еникеев, А. Н. Веняминов, Б. Л. Никитин и другие создатели новых поколений сортов плодовых культур.

На встречу с нашим знаменитым земляком стремились не только соотечественники, но и иностранцы. Многим хотелось увидеть «преобразователя природы» – так у нас в стране именовался Иван Владимирович Мичурин.

Один из журналистов, который приехал в Мичуринск, чтобы воочию увидеть мировую знаменитость, оставил свои воспоминания, отрывки из которых привожу здесь (Вадим Бенд. Революционер флоры. Воронеж: Коммуна, 1930. С. 84): «Мичурин – единственный в мире оригинатор – является первым практиком грядущей реконструкции флоры. Он прокладывает пути этой реконструкции. И в этом заслуга Мичурина».

Современников поражали результаты деятельности «революционера» науки, они искали ответ: в чём причина продуктивности его работы? Журналист, переполненный восторгом от увиденных в саду «преобразователя растительного мира» плодовых диковинок (кстати, Мичурин единственный, кто был публично удостоен столь высокого звания), писал следующее: «Иван Мичурин, гордость мировой науки, головоломная загадка для неё, непокорный оригинатор, революционер сада, может быть, гениальнейший из проблематистов, каких знал мир...

Ещё гимназистом Иван Мичурин был страстным садоводом, отменным садолюбом, отличным работником в отцовском саду...

Но молодого Мичурина убивало одно: где-то там, в других "благодатных краях", "где всё обилием дышит", в садах растут и зреют прекрасные плоды, а вот здесь, в Козлове, с грехом пополам прозябают пять-шесть сортов никчёмных груш да десяток непримечательных сортов яблони, пасынков в своём семействе...

Мичурин предвосхитил своей практической работой многие положения, которые только теперь пробивают себе путь к признанию наукой, обосновал оригинальные гипотезы, которые значительно позже легли в основу работ многих исследователей...

Эти полвека работы заслуживают того, чтобы о них рассказывать день за днём, шаг за шагом, потому что они похожи на подвиг, потому что проделать этот полувековой путь мог только человек, до фанатичности убеждённый в правоте избранного пути...

Мичурин добился изумительного мастерства по части чтения растений. Может быть – это плод пятидесятилетнего упорства. Может быть – продукт органических особенностей мозга...

Журналист в своём труде приводит описание внешнего облика учёного-творца и при этом выделяет особенности строения его головы. Спорный факт, но именно в форме черепа он находит объяснение масштабности достижений оригинатора.

«Вот сейчас И. В. Мичурину 73 года. Время сдёрнуло щёки и лоб в паутину морщин. Заострило нос. По-старчески просветлило загорелую кожу рук, выпятило сетку вен, выставило напоказ кадык и сухожилия, заострило углы плеч. Многое померкло, но главное осталось – строение головы...

Врачи редко бывают у Мичурина. А жаль! Им бы надо было бы внимательнее приглядеться к этому необычному черепу. Во всяком случае, институт мозга должен будет работать над мозгом Мичурина, и череп оригинатора ему не может быть безразличен...

Лоб – как киль корабля. Заострён спереди. Вверху сбирается в выпячивающий бугор, будто таран. С таким лбом по течению идти нельзя. Надо идти против течения или, во всяком случае, надо переть против трудностей...

Терпел поражения, но поначалу шёл на буксире ботанических традиций, пока не отдал чалки и не повернул лбом, похожим на киль корабля, против течения, против проторённых лоций, против затасканного фарватера».

А вот как он описывает свою первую встречу с Мичуриным: «...навстречу поднялся сухой, жилистый старик с серыми глазами, но острыми, изобличающими гигантское упорство. Не приведи случай такие глаза полководцу: с одним взводом попрёт против вражеской армии. Я узнал по портретам – это был Иван Владимирович Мичурин, дерзкий революционер садоводства, гениальный творец новых растений, оригинатор, как его называют специалисты, "русский Бербанк" – так называют его дотошные газетчики. Сознаюсь, я тоже назвал его "русским Бербанком" и получил достойную отповедь.

Старый, дерзкий, гениальный революционер флоры обрушился на меня ядовитой филиппикой: что сделал я плохого, что меня постоянно сравнивают с Бербанком? Почему это незаслуженное оскорбление? Почему эта постоянная пощёчина? Хуже всего то, что

пощёчину эту приходится принимать от друзей и что они подносят её как какую-то любезность. Я не думаю, чтобы друзья мои были озлоблены и сознательно оскорбляли меня. Просто сказывается традиционное, не изжитое ещё поклонение всему чужеземному, просто друзья мои не знают, кто такой Бербанк! Американец – ну, значит, честь для нас. А я не хочу этой "честь", потому что такая честь пахнет пощёчиной! Но Бербанк – всего только прекрасный садовод, только ловкий помощник, только большой знаток фруктовых деревьев и... требований рынка. Бербанку... совершенно чужды какие-либо научные проблемы». «Своих Бербанков у нас немало. В каждом садоводческом районе найдётся свой Бербанк». Мне кажется, с такой оценкой зарубежного журналиста нельзя не согласиться.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Появление в кроне Антоновки могилёвской побега с массой плода в 600 граммов пробуждало в мышлении Мичурина стремление добиваться подобных результатов. Такое желание возникало, когда среди особей гибридного происхождения дикого внешнего вида выявлялись индивиды с чётким выражением культурного типа. Этим самым природа как бы демонстрировала возможности совершенствования, заложенные в наследственных кладовых. Усилиями пытливого ума И. В. Мичурину удавалось в селекционном мастерстве превосходить своего учителя – природу. И. В. Мичурин прекрасно понимал, что усилий одного экспериментатора недостаточно, что его новинки требуют углублённой разработки. Именно поэтому была создана Центральная генетическая лаборатория. Поколения мичуринских учеников сумели развить его творчество. Созданы подвои с ослабленными корневыми системами, послужившие основой для технологического совершенствования плодовых насаждений. Создан промышленный сортимент груши, сферотекоустойчивые сорта крыжовника, коккомикозоустойчивые сорта вишни, иммунные сорта яблони, новые поколения сортов черешни и других плодовых и

ягодных культур. Церападусы явились донорами для повышения устойчивости к неблагоприятным условиям среды обитания, служат преградой для грибковых болезней. Значительных результатов достиг коллектив цветоводов. Создано более 100 новых образцов лилий. Достижения цветоводов отмечены золотой медалью им. И. В. Мичурина, они неоднократно получали на международных выставках главные призы. На творчество селекционеров сильное влияние оказывало содружество с академическими учреждениями. С их помощью в селекции плодовых культур определялись принципиально новые направления преобразования. Так, например, на приборе, только что созданном в Физико-энергетическом институте (г. Обнинск), в плодах одного из сортов яблони (Конфетное) и ягодах жимолости съедобной был выявлен высокий уровень энергии, способствующей оздоровлению организма человека (см. статью «Невидимое пламя жизни»). Учёный Владимир Михайлович Алаев в момент обнаружения в плодах яблони этого природного свойства высказал свою точку зрения: «В селекции плодовых культур это направление должно стать наиважнейшим. Желательно, чтобы энергетическим качеством обладало большинство сортов яблони». К настоящему времени уже получены две формы, у которых плоды насыщены высоким энергетическим зарядом (Конфетное-2 и Конфетное зимнее).

Дело нашего знаменитого оригинатора продолжается. Уверен, что учёным нынешнего и будущих поколений многих областей знаний предстоит углублённое изучение наследия И. В. Мичурина и его идей по преобразованию растительного ассортимента нашей планеты. Очевидно, автору критической статьи об Иване Владимировиче не хватило компетентности для изучения затрагиваемой темы. Узкий и поверхностный взгляд здесь явно не подходит, в том числе и на деятельность последователей Мичурина. Подобная критика заставляет меня встать на защиту знаменитого земляка, ведь будущее за идеями, дающими импульс развитию человечества. **А**

Геннадий ЩЕРБЕНЁВ,
генетик, селекционер пло-
довых культур (яблоня, ирга)

ВОТ ТАК И УСТРОЕН НАШ МИР...

«Упокой, Господи, душу рабы Божией...» Да, это отпевание, и все мы молимся... «Прости ей грехи, вольные и невольные». И мы стоим со свечами, грешные, но живые, и просим о той, которая отошла ко Господу. Да и каждый в этот момент понимает силу и глубину человеческого бытия.

Смотрю: сухонькая, светлая старушка плотию уснула. И вдруг, как в кино, рисуются живые, живые картины, одна за другой: вот она, счастливая, после разговора с любимым сыном, который далеко, далеко в чужой стороне... В Испании, стране необычайно прекрасной, сказочно богатой, с традициями, танцами, корридами, тореодорами, тенорами и необыкновенно красивым языком. Гарсия Лорка, Лопе де Вега, Пикассо, Сальвадор Дали...

Да, да, это увлекло дорогого сына в сказочную глубь и оставило там навсегда. Но вот из сердца матери его вырвать невозможно, и вот 27 лет она счастлива ежедневными звонками: услышать голос счастливого сына – и это есть счастье для неё. Там очаровательная жена-испанка Сильвия, красивое имя, и на душе матери праздник, но там, в этом союзе Господь не даровал детей, а вот здесь, совсем рядом, растёт и мужает его сын от русской жены Марины Цветковой, с красивым русским именем Даниил, Даня. Он, по рассказам Тамары Ивановны, достойный наследник любимого сына, и тоже Цветков, а здесь все в России Цветковы, и там, в Испании, тоже Цветков Игорь, думаю, что и Сильвия тоже Цветкова... О-о-о, как много Цветковых, букет ароматных цветов. И до чего же Тамара Ивановна любила и носила с гордостью эту фамилию, и с мужем развелась, а фамилию оставила. Любовь к мужу была и осталась в огромной любви к талантливому сыну. До конца дней своих ждала, что и любимый внук Данечка раскроет свои сокрытые таланты, как она в него верила. Наверное, видела больше, чем кто-либо, гены чувствовала, и почему-то кажется, что её мечта обязательно осуществит-

ся. Сама она была очень одарённым человеком, в памяти держала огромное количество стихов наших русских, советских классиков – Пушкина, Лермонтова, Вознесенского, Дементьева. Книги последнего были у неё настольными. Она читала его стихи везде, и у памятника Пушкина в Литературном квартале. Туда она приходила все дни рождения Пушкина, ведь её любимый сын родился в один день с Александром Сергеевичем, 6 июня. Это был для неё великий праздник. Она выходила красивой лёгкой походкой к памятнику и полным голосом, как трибун, захватывала всех, кто в этот день приходил в Литературный квартал. Её любовь к русскому слову была безграничной, её помощь и поддержка в утверждении «Театра Слова» были неоценимы...

А в этот день рождения, 6 июня 2019 года, её не было. Было много тех, кто её знал, но вот не было её, а день рождения сына был... да и дома телефон не ответил. Значит, что-то в жизни изменилось. Порой мы не замечаем этих перемен, но это Знак, который нам посылается, но который мы не сразу понимаем. Но понимание всегда и ко всем приходит. И мы оглядываемся назад и ловим себя на мысли: «Как же так?.. И не заметили».

И вот уже звучат «Со святыми упокой» и «Вечная память»...

Последнее целование, и всё уходит в прошлое, а что в будущем остаётся? А остаётся память, любовь. Удивительно. Человек ушёл, никого не отяготив, ушёл легко, со светлым, счастливым лицом. Значит, это была удивительная личность, и она ещё проявится и в сыне, и во внуке. Уверена.

20 июля 2019 года. Церковь Вознесения Господня. **А**

Тамара ВОРОНИНА,
народная артистка России,
с благодарной памятью о Тамаре
Ивановне Цветковой

ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ В ПОДХОДЕ К ПОБЕДЕ 1945 ГОДА

СЕГОДНЯ ИДЁТ ЖЁСТКАЯ, ЕСЛИ НЕ СКАЗАТЬ ЖЕСТОКАЯ, ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА ЗА РЕЗУЛЬТАТЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ВОТ В США ВЫПУЩЕНА ПАМЯТНАЯ МЕДАЛЬ О ПОБЕДЕ БЕЗ СССР, СОСТОЯЛОСЬ ПРАЗДНОВАНИЕ В ЧЕсть ОТКРЫТИЯ ВТОРОГО ФРОНТА, И НИ СЛОВА О СССР... О ТОМ, КТО ПОБЕДИТ В ЭТОЙ ИДЕОЛОГИИ, ВАЖНЫЙ ВОПРОС. ЧЕМ МЫ ОТВЕТИМ НА ЭТУ ЛОЖЬ?

Когда на просторах Европы ещё бушевало жаркое пламя бойни Второй мировой и западные союзники рассчитывали на кровь советского солдата, они его боготворили, когда же война закончилась, изменились и оценки прошедших сражений и войны в целом. Почему?

Известно, что именно У. Черчилль являлся отцом холодной войны, инициировав её своей речью в Фултоне (5 марта 1946 г., штат Миссури, США). А через год, 12 марта 1947 года, Америка провозглашает «Доктрину Трумэна», в которой объявляет защиту мира от коммунизма. «Доктрина Монро» (политика изоляционизма 1920–1930-х гг.) забыта, ребёнок окончательно вырос из коротких штанишек, ему нужен весь мир. Но на пути к мировой гегемонии у США стоит СССР, недавний союзник

во Второй мировой войне. Его надо опорочить, а в дальнейшем – победить. *(Всё это происходит на глазах победителей, которых осталось немного, но они ещё живы. Задача – поскорее избавиться от них. – В. К.)*

Англо-американская дипломатия и «демократия» всегда отличались лицемерием и двойственностью стандартов – это подтверждено мировой историей. Но что удивительно: все это знают и неизменно попадают на их удочку...

Были Тегеран (Тегеранская конференция, конец ноября – начало декабря 1943 г.), затем Ялта (Крымская конференция, 4–11 февраля 1945 г.) и, наконец, Потсдам (Берлинская конференция, 17 июля – 2 августа 1945 г.). В своё время и западная пресса рассматривала эти конференции как пример плодотворного

сотрудничества стран с различным политико-экономическим строем. СССР ещё нужен был союзникам в войне против Японии, ещё не все каштаны были вытащены из огня чужими руками. Россия дала обещание и выполнила его, но... Победа была достигнута. Претенденты на мировое господство ушли в небытие, пора было приниматься за очередное препятствие на пути собственной гегемонии – за СССР. Конференции забыты. Кто сегодня вспоминает о них?

И сразу же (*заметьте, окончание Второй мировой в сентябре 1945-го, а уже в марте 1946-го знаменитая фултонская речь У. Черчилля.* – В. К.) некоторые официальные представители США начали утверждать, что война и победа в ней не оправдывают затраченных на них средств, ибо победа является прологом новой кровавой бойни. У. Черчилль, теперь уже экс-премьер Великобритании, заявил, что победа в войне стала ненужной и даже бессмысленной – мол, по сути, победа над фашизмом явилась потерей мира и была не более чем мифом.

Возникает вопрос, который почему-то никем не поднимался и не поднимается сегодня в историческом плане: что бы случилось, если бы Запад пошёл на сепаратный мир с недобитой фашистской Германией? Наверняка получился бы гибрид скорпиона (фашизм) со львом (Британия) и орлом (США). Страшная вещь! А между тем этот вопрос прорабатывался Западом на самом высоком уровне. И только жёсткая позиция СССР, который тогда был в военной силе, предотвратила этот страшный сговор. Об этом по прошествии 74 лет пытаются забыть, но факты в истории – вещь упрямая.

Но началась не только идеологическая обработка мирового общественного мнения против СССР, ведь простой народ был ещё под обаянием мужества русских, продолжалось и изолирование Союза от всех плодов победы.

Конечно, был уже не 1941-й, а 1946 год, когда СССР, спасший мир от коричневой чумы, из союзника превращался в противника. С прилавков стали исчезать книги объективного содержания, замещаемые книгами ястребиного толка. А ведь всего только пять лет назад Европу буквально ошеломило нападение Гер-

мании на СССР. Многих в то время охватило оцепенение. Тогда уже казалось реальным, что замыслы нацистов добиться мирового господства близки к осуществлению. Германские стратеги, уверовав в доктрину блицкрига, были убеждены, что и в войне против Советского Союза он сработает. Именно для этого была двинута огромная армия для вторжения на советскую территорию. По этому поводу один из английских парламентариев в августе 1941 года писал: «Меня охватывает дрожь при одной мысли о том, какая судьба могла бы постичь Великобританию, если бы против нас, находясь в одиночестве, было бы предпринято наступление такой же силы, какое было начато Гитлером против России» («Память павших в Великой Отечественной войне», стр. 257, Москва, изд. 1995 г.).

Война, потребовавшая невероятных физических и духовных сил и жертв (*больше всех жертв понёс СССР.* – В. К.), породила новое качество народного самосознания. Сама обстановка формировала бесстрашие, умение подчиняться и своевременно выполнять предписания сверху. Высокие цели борьбы пробудили у людей такие нравственные нормы и дух, которые трудно было разрушить одним махом. Кроме того, победа или поражение в войне определяется тем, в каком состоянии страна и армия закончили войну. Несмотря на огромные потери и разрушения, СССР вышел из Второй мировой войны более мощным в военном отношении государством, чем до неё. Следует отметить и то, что золотой запас страны в 1945 году составил солидную величину – более 2 500 тонн.

Поэтому устранить СССР военной силой было невозможно, даже уповая на атомную бомбу, тем более что многие народы уверовали в советские идеалы. Началось наступление на него в холодной войне, которое включало в себя не только «военное противостояние», кстати, оно было не главным.

Ставка делалась на самые низменные человеческие инстинкты, и главным объектом стали руководители страны. За последние 25 лет были обесценены все моральные и духовные идеалы, главным идолом стали деньги, а

это страшнее, чем вера людей в Ленина-Сталина, социализм-коммунизм. Идея пробуждает веру в будущее, а деньги обещают только сладкую жизнь и разврат сегодня...

Чтобы меня не обвинили в необъективности, приведу слова американского посла о распаде Советского Союза. Посол не скрывает присутствия американского фактора на всех этапах перемен в СССР, и не только потому, что сам так думает. Интересы США и Запада в целом исторически сошлись на Горбачёве. Не случайно Тэтчер настаивала: «Ему надо помочь». И посол приходит к заключению: *«Горбачёв больше заинтересован в сохранении собственного положения как главы партии, чем в проведении реформ, которые сам же начал».*

Именно из-за таких «руководителей» государства и других «архитекторов» перестройки, имена которых на слуху, но им от этого ни холодно и ни жарко, СССР потерпел поражение в холодной войне и, более того, распался на отдельные государства. И это не предел. Кому нужна сильная Россия?

«...Расчленение России на мелкие государства путём межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии; окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии», – эти задачи был озвучены Б. Клинтонем на секретном совещании 24 октября 1995 года.

Только слепой может утверждать, что данная программа сегодня не в действии.

Это предвидел ещё фюрер Третьего рейха перед своей кончиной под ударами советских войск. 2 апреля 1945 года Гитлер во время последней речи в присутствии Бормана изложил основные пункты своего «завещания» в отношении германской «политики будущего», где есть такой тезис: «После поражения рейха и до появления азиатского, африканского и, возможно, южноамериканского национализма в мире останутся только две державы, способные противостоять друг другу, – Соединённые Штаты и Советская Россия. Как исторические законы, так и географическое положение вынудят их к пробе сил – либо военной, либо в областях экономики и идеологии. Те же самые законы

делают неизбежным, что эти державы станут врагами Европы. Равным образом, очевидно, что рано или поздно они сочтут желательным искать поддержки единственной оставшейся великой нации в Европе – германского народа. Я со всей силой подчёркиваю, что немцы любой ценой должны избежать того, чтобы стать пешкой в игре любой из этих двух сторон».

Важно отметить, что после окончания Второй мировой войны сложились более благоприятные возможности для сохранения мира на земле, но этим не сумела воспользоваться мировая общественность. Войны были и остаются продолжением политики государств, которая формируется и проводится относительно небольшой прослойкой политиков, отнюдь не всегда отражающих интересы большинства своих сограждан. К сожалению, в определённых ситуациях роль отдельной личности может оказаться роковой: Гитлер – во Второй мировой войне, Ельцин – в Чечне, Клинтон – в Югославии, Буш – в Ираке... список можно продолжить.

«Демократия» только ширма для непредсказуемых действий личностей, и об этом нельзя забывать по прошествии 74 лет с того дня, когда завершилась мировая бойня. Угроза крупномасштабной войны – суровая реальность нашей эпохи. Несмотря на сдерживающие факторы, усилия здравомыслящих политиков и государственных деятелей, мир пока не застрахован от скатывания в пропасть вооружённого противоборства.

Одним из симптомов этого скатывания являются попытки переписать историю (*форсирование Ла-Манша в 1944 г. и открытие второго фронта в Европе было значительным событием в ходе войны, но не главным. В ходе войны Советская армия уже сломала хребет фашистской Германии.* – В. К.). Лишить нашу страну лавров Победы, стереть из памяти народной главную роль России в двух мировых войнах – задача западных идеологов. Без участия России не было бы побед англо-саксонской расы в этих страшных войнах. Это-то и не устраивает Запад, поэтому сегодня у нас стараются отнять Победу и в войне горячей!

Вадим КУЛИНЧЕНКО,
капитан 1-го ранга, публицист

«По рождению я тамбовец – в Тамбове находилось наше родовое гнездо».

«Мама, Ольга Васильевна, считала, что "люди делятся на тамбовских – и всех остальных"».

Митрополит ПИТИРИМ

КРЕСТ МИТРОПОЛИТА ПИТИРИМА

В 2018 году в родном моём городе Мичуринске произошло значимое событие – около городского храма Ильи Пророка его настоятелем, протоиереем Павлом (Медведевым), был торжественно установлен крест с могилы нашего великого земляка, митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима, освящённый самим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. Это событие произошло через 15 лет после кончины архиерея. Любовь к этому человеку, которую высказывали люди, общавшиеся с ним, тогда очень сильно впечатлила меня.

А год спустя, собирая материал для очередного номера журнала, я познакомился с замечательным человеком, настоящим па-

триотом России, писателем и журналистом Валентином Осиповичем Осиповым, который дружил с владыкой Питиримом с 1967 года. Осипов работал в то время главным редактором издательства «Молодая гвардия» и не раз сопровождал митрополита в поездках на его малую родину.

В ходе очередной нашей беседы Валентин Осипович поведал об этом удивительном сыне Тамбовщины, упрекнув, что в Москве и других городах написано много материалов в память о такой личности, сопоставимой по масштабам своей деятельности с Суворовым и Ушаковым, а на земле, где родился владыка, его незаслуженно забыли.

После беседы я загорелся идеей изучить данный вопрос и начал со знакомства с людьми, лично общавшимися с митрополитом Питиримом. Все они с особой теплотой и любовью говорили об архиерее. Вчитываясь в страницы текстов, описывающих жизнь и поступки митрополита Волоколамского и Юрьевского, и оценивая их последствия для истории, изучал разные точки зрения, в том числе и негативные, но все они сходились к одному – владыка Питирим являлся личностью мирового масштаба, он внёс огромный вклад в возрождение православия и стремился всеми силами сохранить единую нашу родину – Советский Союз. За это стремление митрополит Питирим в отличие от прочих архиереев подвергался травле и в годы гонений на православие, и во времена новой России со стороны политиканов, приведших великую страну к развалу. Немалую роль в этом сыграла и людская зависть, присущая как простым людям, так и священнослужителям. Но свой крест митрополит Питирим пронёс достойно и до конца исполнил свой пастырский долг.

Будущий митрополит родился 8 января 1926 года в семье священника, настоятеля Ильинского храма города Козлова (ныне Мичуринск). Этот храм, будучи уже митрополитом, Питирим в последующем и восстанавливал, вначале приложив усилия по возврату здания церкви, а потом занявшись реконструкцией красивого собора. Всего в семье Нечаевых росли одиннадцать детей, среди которых Константин (имя, данное будущему владыке при крещении) был младшим.

Его деды и прадеды с XVII века были священниками в Тамбовской епархии. Однажды отец Владимир пошёл с семилетним сыном Костей в храм к епископу Вассиану (Пятницкому; скончался в 1940 году в заключении). Владыка стоял в алтаре, и Костя устремился к нему прямо мимо престола. Отца, конечно, это смутило, так как проходить в алтаре перед престолом не положено. Епископ Вассиан успокоил отца будущего митрополита и с присущим ему добродушием сказал знаменательные слова: «Значит, будет священнослужителем».

Детские впечатления Кости были связаны с постоянными обысками и многочисленными

арестами отца. Отца Владимира арестовывали несколько раз. Первый раз – в двадцатые годы, во время обновленческого раскола, потом, уже на памяти владыки, в 1930 году. Ребёнок запомнил, что пришли за отцом ночью и что небо было звёздное. Тогда, вопреки всему, в четыре с половиной года Костя принял твёрдое решение, что станет священником, как папа, но при этом ещё и монахом, так как ему не хотелось подвергать опасности близких и заставлять их переживать те трудности, которые выпали на долю его семьи.

В 1941 году Константин поступил в Гнесинскую музыкальную школу, но с началом войны занятия прервались. В 1943 году он продолжил обучение. Музыку владыка любил всю жизнь, играл на виолончели и даже основал в начале

пятидесятих в духовных школах смычковый ансамбль из двадцати двух человек, причём сам покупал инструменты и собирал вокруг себя многих людей искусства, с некоторыми из них довелось познакомиться и мне.

В 1943 году он поступил в Московский институт инженеров транспорта (МИИТ). А когда при Новодевичьем монастыре открылись Богословско-пастырские курсы (преобразованные в 1946 году в Московскую духовную академию и семинарию), Константин решил получить богословское образование.

Это было время огромного религиозного подъёма, вызванного войной и массовым обращением людей к Богу. Ещё гремела на Западном фронте канонада, ещё советские войска не форсировали Одер, но по всему чувствовалось, что войне приходит конец. Прошло Рождество, приближался Великий Пост, а за ним и светлый праздник Пасхи.

4 февраля 1945 года в стенах Богоявленского собора проходила торжественная интронизация нового первосвященника. Дважды в тот день, с амвона и после молебна, лучшие протоиереев возглашали многолетия всем патриархам.

Спустя многие годы владыка Питирим вспоминал: «Нашему Патриарху возглашал многолетие престарелый и немощный старейший московский протоиерей Михаил Кузьмич Холмогоров. Это был один из замечательнейших русских протоиереев, редкого музыкального дарования, неповторимой красоты голоса и беспорочной жизни. После прозрачных верхов Георгия Карповича Антоненко, "тигровых" низов Сергея Павловича Турикова и ещё каких-то незнакомых мне громовержцев собор затих. А затем вдруг наполнила его мягкая сила. Именно сила. Казалось, что-то мягкое, звучное, глубокое, плотное, обильное непреодолимо заливают собор доверху. От купола до дальнего угла ризницы. Это был осязаемый звук. Он лился, переполняя собой всё, звучал в каждой частице пространства, это было более чем орган или оркестр, потому что этот звук был живым и органичным. Казалось, он шёл ниоткуда, но был во всём и всё наполнял собой. Это был Михаил Кузьмич. Это была его лебединая песнь, последний и полный дар его

старческих сил новому Патриарху Московскому и всея Руси. Минутой позже он опустился в изнеможении на скамью в уголке ризницы».

Поставленный перед выбором: профессия железнодорожника или церковная стезя, Константин выбрал второе. Через 60 лет он вернётся в alma mater в качестве заведующего кафедрой теологии. В стенах института будет восстановлен храм, начнутся регулярные богослужения.

В 1951 году Нечаев с отличием (первым по списку) завершил полный курс Московской духовной академии, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Значение божественной любви в аскетических воззрениях преподобного Симеона Нового Богослова» и был оставлен профессорским стипендиатом и преподавателем на кафедрах патристики и истории западных вероисповеданий.

С 1951 по 1953 год он проходит путь от преподавателя до заведующего кафедрой Священного Писания Нового Завета в Московской духовной академии.

15 февраля 1952 года Святейшим Патриархом Алексием (Симанским) Константин был рукоположен в диакона, а 4 декабря 1954 года – во священника (целибат). При рукоположении Патриарх надел на отца Константина свой золотой крест.

13 апреля 1959 года отец Константин был пострижен в монашество с именем Питирим в честь святителя Питирима Тамбовского. В том же году отец Питирим был возведён в сан архимандрита Святейшим Патриархом Алексием и назначен инспектором Московских духовных школ.

Чтобы понять, в какой период протекало его пастырское служение, необходимо бросить беглый взгляд на тогдашнее положение Церкви. Это было время ожесточённых хрущёвских гонений на православие. По всей стране закрывались храмы, а наиболее активные священники отстранялись от служения. В 1960 году был арестован и осуждён на три года архиепископ Казанский Иов. Его обвинили в неуплате налогов с расходов на представительство, которые ранее налогом не облагались. В 1961 году арестовали архиепископа Иркутского Вениамина, через два года владыка скончался в заключении.

При весьма странных обстоятельствах («от перемены климата») в больнице скончался митрополит Крутицкий и Коломенский Николай; уволенный по настоянию идеологического отдела ЦК на покой, он занимал жёсткую позицию по отношению к гонителям Церкви.

Во многих городах власти препятствовали проведению крестных ходов даже в церковной ограде. Духовенство не имело права говорить проповеди без предварительного просмотра текста уполномоченными Совета по делам религии.

Сильный удар был нанесён по духовным учебным заведениям. Дошло до того, что встал вопрос о существовании ленинградских духовной академии и семинарии – этих, по определению газеты «Смена», «гнезд контрреволюции» в городе трёх революций.

16 апреля 1961 года власти заставили Священный синод принять постановление «О мерах по улучшению существующего строя приходской жизни». Утвердить его должен был намеченный на 18 июля Архиерейский собор. Трёх иерархов, которые были известны своей твёрдой, непреклонной позицией, не пригласили на его заседания, а архиепископа Ермогена, явившегося без приглашения, не допустили к заседанию.

Особенно сильный удар был нанесён по Церкви к лету 1962 года – власти, запугивая людей, ввели контроль над совершением треб: крещений, венчаний и отпеваний. Все они заносились в специальные книги с указанием фамилий, паспортных данных и адресов. Так, например, для крещения младенца требовалось обязательное присутствие обоих родителей.

Шла ликвидация монастырей. В 1961–1962 годах настоящие сражения развернулись за Почаевскую лавру. Монахов запугивали, лишали прописки и угрожали отдать под суд за «нарушение паспортного режима». Каждый верующий житель этих мест состоял в государственных органах на специальном учёте. Но обитель не сдавалась. Чернецов и мирян разгоняли водой, сажали в тюрьму, принудительно вывозили за пределы области. Оборона монастыря приобрела международную известность.

Лавра выстояла. Несмотря на административный нажим, запугивания и репрессии, го-

нителям пришлось отступить. Православным удалось сохранить также и намеченные было к закрытию Псково-Печерский и Пюхтицкий женские монастыри.

Фронтальное наступление на Церковь породило массовое возмущение и сопротивление по всей стране. «Штурм небес» вызвал неодобрение даже в некоторых государственных организациях. Показать народу как музейную редкость «последнего советского попа» оказалось явно невыполнимо.

В таких условиях 23 мая 1963 года, в праздник Вознесения Господня, в Богоявленском патриаршем соборе в Москве состоялась епископская хиротония архимандрита Питирима. Святейший Патриарх Алексей I при вручении жезла новохиротонисанному епископу произнёс слова, ставшие для него путеводными: «Да сотворит тебя Господь пастыря доброго, пастыря любящего, пастыря попечительного и мудрого, пастыря, за овцы своя душу положить готового».

С 1963 по 1994 год, более тридцати лет, владыка руководил издательским отделом Московской патриархии, был главным редактором «Журнала Московской Патриархии» и председателем редакционной коллегии сборника «Богословские труды», где публиковались выдающиеся труды православных богословов, как дореволюционные, так и созданные после 1917 года и либо изданные за рубежом, либо имевшиеся в рукописях на родине. В ноябре 1971 года была образована английская редакция «Журнала Московской Патриархии», имевшая подписчиков в более чем пятидесяти странах. «Журнал Московской Патриархии» высоко оценивался специалистами. Под руководством владыки Питирима был подготовлен к изданию ряд уникальных древнерусских рукописей. Издательский отдел обеспечил выпуск полного набора богослужебных книг, все храмы были обеспечены богослужебной литературой.

В созданных властями условиях работа издательства, выпуск журнала о церковной жизни требовали большого напряжения духовных сил и такта во взаимоотношениях с руководящими инстанциями. Тем не менее за эти годы издательский отдел смог получить признание своей

работы как необходимой в области церковно-общественной деятельности.

В 1971 году епископ Питирим был возведён в сан архиепископа. В этом же году он принимал участие в деяниях Поместного собора, который признал церковную реформу XVII века «трагической ошибкой» и официально отменил все проклятия и анафемы по отношению к старому русскому обряду.

«Мы храним традицию, потому что она – это овеществлённая, генетическая память нашего народа, – говорил митрополит Питирим. – Да, у нас было двоеперстие, мы приняли троеперстие. Но в 1971 году на Соборе Русской Православной Церкви молодая часть наших богословов провела постановление о равной возможности употребления и того, и другого».

А вот свидетельство епископа Древлеправославной (старообрядческой) церкви Антония Богородского: митрополит Питирим «в одной из первых речей перед студентами у нас в семинарии (по благословению владыка Антоний получил образование в семинарии и академии Московской патриархии. – Авт.), говорил о своих тёплых чувствах к старообрядцам. О том, как после решения Собора 1971 года о снятии клятв он отслужил старообрядческую литургию. Владыка тогда произнёс интересную мысль, что не было настоящего раскола, а был только переходящий временами в потасовку спор о том, что такое Православие».

Большое значение владыка придавал возрождению и популяризации русского православного пения. По его инициативе было создано несколько церковных хоров, выступавших с концертными программами в России и за рубежом.

С Крещения 1972 года владыка Питирим совершал своё служение в московском храме Воскресения Словущего в Брюсовом переулке. Многие люди искусства и науки, писатели и общественные деятели, актёры и режиссёры приходили в этот храм специально для того, чтобы послушать проповеди и беседы владыки Питирима.

В декабре 1986 года архиепископ Питирим был возведён в сан митрополита с именованием Волоколамский и Юрьевский.

Являясь крупным церковным учёным, владыка Питирим опубликовал более семидесяти богословских статей в различных журналах и сборниках, издал ряд книг, посвящённых церковной истории и церковному искусству. За свои научные труды был удостоен степени доктора богословия и звания профессора. Он был действительным членом Российской академии естественных наук, заведующим кафедрой теологии Московского института инженеров транспорта, а также доктором теологического факультета Пражского университета и профессором кафедры ЮНЕСКО по культурному туризму «Золотое наследие Руси» Российской международной академии туризма.

В 1989 году владыка был избран народным депутатом СССР от Советского фонда культуры, а в 1990-м – депутатом Московского областного Совета народных депутатов. Был членом Комитета Верховного Совета СССР по делам воинов-интернационалистов, членом Комиссии по вопросам депутатской этики, членом Комиссии Священного Синода по вопросам издательства и церковной печати.

В 1989 году, сохранив свои прежние обязанности, стал ещё и настоятелем возвращённого Церкви Иосифо-Волоцкого монастыря, где часто служил по воскресным и праздничным дням.

Был духовным сыном преподобноисповедника схиархимандрита Севастиана Карагандинского. Господь привёл владыку Питирима принять последнюю исповедь старца, постричь его в схиму и возглавить отпевание. Резиденция владыки Питирима разместилась в живописном храме Воскресения Словущего на Успенском вражке (Брюсов переулок) – в храме, традиционно привлекавшем людей искусства, писателей, художников и общественных деятелей.

После провала ГКЧП в столичной прессе появилось множество публикаций из якобы подлинных источников, где рассказывалось, что митрополит Питирим сотрудничал с КГБ.

Интересно, что люди, клеветавшие на владыку Питирима, в настоящее время прислуживают в «Киевском патриархате», руководимом «патриархом» Филаретом (Денисенко), которого

сами в 1991 году наиболее яростно обличали в принадлежности к КГБ.

Имя владыки Питирима склонялось всеми либеральными писателями. Журналисты с остервенелым желанием разоблачали «митрополита в погонах». Вскоре пришла и опала церковная: в ноябре-декабре 1994 года на Архиерейском соборе РПЦ, а затем и на заседании Священного синода он был смещён со всех церковных должностей. В его ведении были оставлены только Воскресенский храм и Иосифо-Волоцкий монастырь. Новое служение расширило возможности участия в общественной жизни через благотворительность. Монастырь при содействии благотворительных фондов оказывал помощь больницам, малоимущим, престарелым и ветеранам, домам-интернатам и школам. Начали работу воскресные школы в городских и сельских приходах.

Следует понимать, в какое время и за что боролся митрополит Питирим – за веру православленную и единое государство. В борьбе за веру всегда много противников. Вспоминая выборы 1990 года Патриарха Московского и всея Руси, начинаешь понимать, как неуютен был владыка Питирим, в котором многие потенциальные претенденты на патриарший престол видели сильного конкурента.

Кроме того, верхушка страны вела Советский Союз к развалу, а авторитетный митрополит Питирим в открытых речах обличал предателей русской государственности, чем нажил себе много врагов в лице представителей ельцинской команды.

Многие годы жизнь владыки Питирима была тесно связана с Московской духовной академией. Несмотря на загруженность издательской деятельностью, международными командировками, он два дня в неделю читал лекции в академии, будучи её профессором. Эти занятия очень много значили для будущих священников. Его лекции часто воспринимались студентами как праздник. Московский институт инженеров транспорта, где владыка когда-то учился, откликнулся на предложение о сотрудничестве. Каждое лето стали приезжать в монастырь будущие железнодорожники,

чтобы помогать в ремонтных и хозяйственных работах. В связи с большим интересом к православию, вопросам религии в МИИТе была организована кафедра теологии, возглавил которую сам владыка. Для него это не была формально-почётная должность, он сам разрабатывал учебные планы и читал лекции.

С 1998 года при монастыре стал действовать летний трудовой лагерь для подростков из неблагополучных семей, а затем и патристический лагерь «Славяне» для детей военнослужащих.

Большое место в жизни митрополита занимала международная деятельность. Он возглавлял делегации, участвовавшие в мероприятиях, проводимых международными религиозными организациями. Обширные связи с зарубежной общественностью были у издательского отдела: устраивались выставки, концерты, приёмы иностранных делегаций.

Как викарий Московской епархии, митрополит Питирим выполнял различные церковно-общественные поручения, последними из которых стали поездка за Благодатным огнём в Иерусалим накануне Пасхи 2003 года и затем Пасхальная служба в храме Христа Спасителя, которую митрополит возглавил по благословению Святейшего Патриарха Алексия II.

Владыка Питирим не оставлял своего служения Церкви буквально до последних дней, несмотря на тяжёлую болезнь. Он говорил: «Онкология – это особый путь к Богу».

В июне 2003 года митрополит Питирим перенес тяжёлую операцию и после нескольких месяцев болезни скончался 4 ноября 2003 года, в день празднования Казанской иконы Божией Матери и памяти семи отроков Эфесских. Незадолго до кончины он принял схиму с именем священномученика Питирима, епископа Велкопермского и Усть-Вымского.

Со временем подлинный масштаб личности митрополита Питирима (Нечаева) как богослова, проповедника, церковного иерарха становится всё более очевидным. Опыт, спокойствие и мудрость иерарха так необходимы нам в XXI веке. ■

Анатолий ТРУБА

О ВЫМЫСЛЕ В ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА

История казачества – одна из самых загадочных глав отечественной истории. Возрождение государством казачества в 90-х годах XX столетия привело к тому, что общество раскололось на два лагеря. Одни считают, что казачество – это сословие и стать казаком может любой желающий. Другие утверждают, что казаки являются народом, этнической группой. В обсуждение происхождения казачества включились все без исключения. Психологи, социологи, филологи, культурологи, историки и в том числе те, кто о казачестве знает только по игре в казаки-разбойники.

О роли казаков в становлении Российского государства говорят нам не только страницы отечественной истории, но и сложившиеся в течение столетий народные предания и легенды. История воинской традиции Российской армии рассказывает об атаманах М. И. Платове, Я. П. Бакланове, И. К. Краснове и других. Действия казачьих воинских соединений в годы Отечественной войны 1812 года, Первой мировой, Гражданской, Великой Отечественной и других

войн изучаются до сей поры в военных учебных заведениях. Ф. В. Токарев, В. М. Ткачёв, адмирал А. Г. Головкин, генерал Д. М. Карбышев и многие другие в своей биографии имеют примечание «из казаков». Бесконечное множество представителей науки (русской, советской и российской), духовенства (в том числе святых), военных и деятелей культуры и искусства являются потомками казаков. О казаках писали великие писатели и историки, поэты и проза-

ики. Казакам посвящали свои произведения живописцы и композиторы. О казаках говорили, говорят и будут говорить во всех уголках мировой цивилизации как о силе и лице России.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОДМЕНА – В ЧЁМ ПРИЧИНА?

Что же происходит сейчас, в наше время? Современный подход к казачеству сводится к противостоянию на исторической арене. Битва за самобытность казачьей культуры, традиций, обычаев и за этническую идентичность казаков происходит жёстко и беспощадно. Большую роль в этом противостоянии играют высказывания представителей исторической науки и историков-любителей. Одним из способов «борьбы с казачеством» становится историческая подмена и историческая ложь. Это эффективный путь борьбы с теми, кого не любишь, кого презираешь, на кого обиделся или кто мешает твоей политической или общественной карьере.

Основой для ненависти к казачеству может быть память предков или личный жизненный опыт. У каждого своя причина и проблема. Большую роль играет политический заказ или государственная идеология, которая преследует определённую цель, дискредитируя казачество. Примерами этого могут быть события после 1917 года, массовые расстрелы в станицах и хуторах на Дону, Тереке, Яике и на других казачьих территориях, постепенное изменение советскими историками роли казачества в общественном сознании. Строилась новая система, и нужен был новый человек, с новым мышлением и новым сознанием. «Гомо советикус» – человек советского периода. Новой республике нужна была иная история казачества. Время прошло, и мы сейчас живём в новом государстве, где снова меняется общественное историческое сознание. Появились новые требования к исторической роли казачества. Казаки как самобытный и особохарактерный этнос должны стать управляемыми и объединены. Принимается множество законов о реабилитации казачества. В ходе такой «реабилитации» происходит не только историческая, но и культурологическая подмена в понимании

казачьего традиционного образа жизни. Появляется потребность в новом подходе к взаимосвязи казаков с историей России.

ДВЕ ВЕРСИИ, ДВА ПУТИ, ДВА ИСХОДА

На сегодняшний день в общественном сознании культивируется теория происхождения казаков от беглых крестьян. Корни такой теории уходят ещё в XVIII век, когда казаков решили усмирить и причислить к сословию. Позже эту теорию развили и поддержали большевики во времена строительства Советской республики. Казаки стали в исторической науке не просто сословием и царскими нагаечниками, но также потомками бежавших крестьян и холопов. Социалистическими темпами забыли, что казаки – это те, кто расширил и строил границы Российского государства. Именно «потомкам крестьян и холопов» воздавали честь в Париже. Султаны, короли и цари торжественно принимали у себя во дворцах «потомков крестьян и холопов». Им ставили и ставят храмы и памятники как великим воинам и освободителям во многих странах мира. Как вам, господа и товарищи? Только вот историки «от ума» не учитывают большое количество вопросов, возникающих к беглым крестьянам. Куда бежим? К кому бежим? Что и кто вас там ждёт?

Теория о происхождении казаков как сословия молода и не имеет под собой исторического крепкого фундамента. Сословное деление в Российской империи появилось только в XVIII веке по решению Петра I. В тексте одного и того же закона казачество называлось «казачьим сословием», местами «казачьим состоянием» или «казачьим званием» и даже «казачьим населением». Причисление казаков к сословию было упрощающим приёмом, чтобы легче было понимать их место в обществе. Декрет ВЦИК и СНК (РСФСР) от 11 ноября 1917 года «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» ликвидировал все сословные привилегии и ограничения. Следовательно, на законодательном поле казаки как сословие отсутствуют с 1917 года. Но всё равно казаки на страницах истории ведут свою деятельность как в советский период,

так и в постсоветское время. Они никуда не пропали, а так же вместе строили и развивали новую республику. Воевали на полях ВОВ против немецко-фашистских захватчиков, формируя казачьи соединения. Отстаивали свою идентичность и хранили память предков в своём сердце. Казаки остались частью российского общества, приняв на себя ответственность перед будущим своего народа, несмотря на декреты и репрессии. В то же время современное общественное мнение устойчиво придерживается взгляда о сословном происхождении казаков. На это есть причины, но это отдельная тема.

КЕМ ЖЕ БЫЛИ ТОГДА КАЗАКИ ДО ПРИЧИСЛЕНИЯ ИХ К СОСЛОВИЮ?

Ещё один вопрос к тем историкам, которые стараются в угоду личным амбициям отстаивать «сословную теорию». Летописи, исторические документы, воспоминания современников и уважаемых историков однозначно говорят о казаках как о народе.

Таким образом, на исторической арене в противостоянии с «сословной теорией» о происхождении казаков выступает теория о казаках как о народе, этнической группе. Даже в современном, подписанном Президентом РФ законе о реабилитации казачества указывается, что казачество есть «исторически сложившаяся культурно-этническая общность людей». Государство подтверждает своими законодательными актами, что казаки являются этнической группой, имеющей свою культуру, традиции и формы местного самоуправления. Но закон закону рознь. Практика создания казачьих организаций, внесённых в реестр казачьих обществ Российской Федерации, привела к тому, что государство дало поддержку стороне «сословных теоретиков». Казак теперь может стать любой гражданин Российской Федерации. Стали формироваться клубы по интересам и увлечениям серебряными погонами и георгиевскими крестами. Любой член реестровых казачьих обществ апеллирует к «сословному» происхождению казаков. Так удобней оправдать не

только личный интерес, но и свои действия и поступки.

Такое положение дел усилило противостояние между «сословниками» и «этническими». Это противостояние происходит не просто на страницах учебников истории или интернета. Битва за казачью истину перешла в разряд межнационального и межэтнического конфликта. Это уже серьёзно и может повлиять не только на исторические исследования или очерки о казачестве. Именно в этой сложившейся ситуации историкам и этнографам, культурологам и социологам нужно стать честными не только перед самими собой, но также перед исторической наукой. Мы, в том числе и историки, должны принять ответственность за будущее России, за её единство и процветание.

Правда в истории казачества является важным фактором, который влияет на социальную стабильность в нашем обществе. Историческая правда – это основа истинного патриотического воспитания, формирования у молодого поколения любви к Отечеству, к своей традиционной культуре, к обычаям своего народа. Историческая наука должна строиться честно и правдиво, несмотря на личные амбиции историков или наличие у них «научного склероза».

ВЫВОДЫ: ГОСУДАРСТВО МОЖЕТ ПОТЕРЯТЬ НАРОД

Генезис казачества – одна из больших площадок исторических баталий, где правдами и неправдами идёт борьба за историю тех, кто стал объектом лженаучных спекуляций.

Какие цели преследуют те, кто подменяет историю казачества? Во-первых, это делается для того, чтобы настоящее и будущее поколение видело роль казачества в отечественной истории по-иному. Непонятная и сомнительная история страны, в которой ты живёшь, формирует отрицательное отношение к ней, безразличие к её настоящему и будущему. Создаётся другой тип личности, которая предстаёт как биологическое существо, не имеющее ответственности перед предками и потомками. Главная цель популяризации исковерканной

отечественной истории – это формирование иного человека, который обязан будет влиться в глобальное человечество, стать таким, как все.

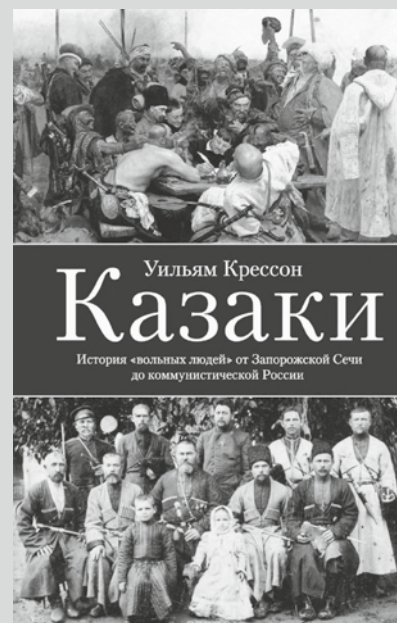
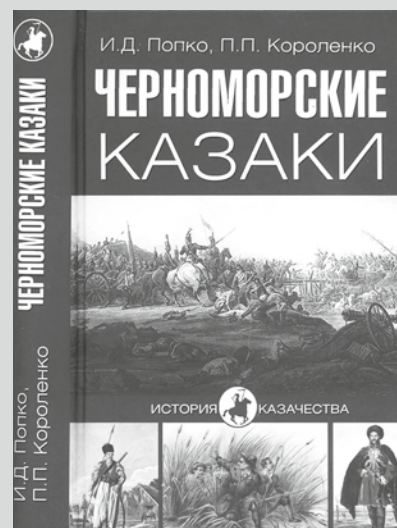
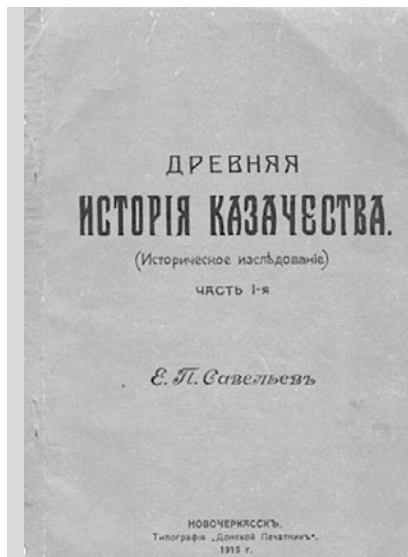
Во-вторых. Ощущение народом связи времён, осознание каждым гражданином нашего Отечества личной принадлежности к истории страны – это гарантия того коллективного бессознательного, которое формирует устойчивость «общественной психики». Кому-то нужно эту устойчивость расшатать, и историческая подмена является прекрасным инструментом.

В-третьих. «Поддельщики» от истории знают, что на базе исторической памяти формируется основа жизни этноса, основа жизни любого народа. Именно историческая память является корнем этнического древа. Уничтожив корни этноса, люди остаются без прошлого, общество – без корней. В конце концов государство остаётся без народа.

Современное состояние популяризации ложной и поддельной казачьей истории является продолжением уничтожения корней казачьего этноса, стиранием исторической памяти. Столетиями история казачества переписывается или по-иному преподносится общественному сознанию. Десятилетиями культура и традиции казаков подменяются и изменяются через организацию массового «оказачивания».

Таким образом формируется новая история казачества. В будущем эту «новейшую историю» представят обществу как «историческую память» казачьего сословия. Прошлое казачества будет выглядеть совсем иным, а не таким, каким оно было и каким его видим сейчас. Государство потеряет народ, силой и славой которого, по словам Л. Н. Толстого, была сделана история России. **А**

Игорь МАРТЫНОВ

Трехи земные

РАССКАЗ

Виктор Васильевич Фоменков – автор деревенской прозы. Им написаны два романа – «Чертополох», «Хлеб и слёзы» – и многие рассказы.

Родившийся и всю жизнь проживший в деревне, он знает русскую провинциальную душу, которая вечно обречена на метания «между ангелом и бесом», между грехом и святостью.

«Особенно хорошо, на самом высоком уровне у Вас получаются монологи-рассказы деревенских мужиков. Я отлично знаю их речь и ни разу не почувствовал фальши, все они живые люди. Действия их психологически достоверны. Все эти качества Вашей прозы говорят о том, что автор талантлив», – писал Фоменкову известный писатель Пётр Фёдорович Алёшкин.

1

Иван бежит из последних сил, лишь изредка оглядываясь. Но стая волков уже догоняет его, окружает. Матёрый волчище, по-видимому, её вожак, неимоверно высоким и длинным прыжком настигает убегающего, вцепляется острыми клыками в его горло и стискивает его, словно клещами. Иван чувствует страшную боль, пронизывающую всё тело боль, и удушье. Собрал оставшиеся силы, закричал во всю глотку: «Спасите!» А волчище со злобой рванул горло. Иван мельком взглянул в звериную пасть. Из неё торчит кусок окровавленного мяса, с жёлто-коричневых клыков струится порозовевшая от

крови тянущая слюна. «Люди! Спасите!» – снова заорал Иван...

– А-а-а! – простонал во сне и проснулся. Резко отбросил одеяло. В холодном противном поту, схватился за горло. Оно действительно болело. – Волк вцепился... Сон! – рассуждал, трясясь и ощупывая горло. – Но почему на самом деле больно?

Неожиданно боль начала проходить и вскоре исчезла совсем.

– Сон, конечно, – продолжал размышлять Иван. – Почему такой странный? Наверно, я лежал неловко. – Успокоился. Встал с постели. Потный. Голова гудит. В глазах серые блики. Они бегают-плескаются кругами, словно солнечные зайчики.

Утро выдалось солнечное. Но Иван не замечал этого. Не видел золотых лучей вечного светила, заглядывавших в полумрак прохладного кирпичного дома. Его небольшие окна плотно зашторены тёмными тяжёлыми шторами, непроницаемыми для яркого солнца. Ивану не до прелестей природы. Мучила жажда. Ему было невтерпёж. Забыв про головную боль, не обращая внимания на серые блики в глазах, быстро прошёл на кухню, открыл кран и стал жадно глотать льющуюся ледяную воду. Заломило зубы. Он терпел, продолжая утолять с тошнотой похмельную сухость.

Утолив жажду, обдал водой лицо и закрыл кран. Облегчённо выдохнул. Выпрямился. И приказал самому себе:

– Пора кончать с пьянкой. – Но тут же спросил: – Как? А где сейчас взять похмелиться?

На цыпочках прошёл в горницу. В ней матери нет. Но в красном углу с иконами увидал отца. Он, стоя на коленях, истово читал молитву. Какую, сыну было безразлично. Он думал о своём. «Отец не даст. Тем более что на коленях стоит. Идолам своим молится. Совсем сдурел под старость лет. Ишь как поклоны бьёт, сектант проклятый! Тоже мне, веру нашёл. Да мне это по фигу. Мне остаётся только ждать. Иначе негде денег взять, чтоб здоровье поправить. Никто не займёт, не сжалится, хоть всё село обегай», – рассуждал Иван.

А голова трещала, тошнило. Не вытерпел, пока отец закончит молиться. Дрожащим голосом попросил:

– Батя, а батя, выручи.

Отец не ответил, пока не кончил молиться. Закончив, сердито взглянул на сына, помешавшего нормально домолиться.

– Чего тебе? – буркнул, догадываясь о сути обращения Ивана.

– Дай опохмелиться. Не то окочуриться могу.

Отец отвернулся и ничего не отвечал. Иван понял: не даст. Но и отступать нельзя. Ведь и на самом деле, не похмелившись, мог помереть. И он, чуть не плача, взмолился, обещая:

– Всё, батяня! Последний раз. Завязываю. Дай, пожалуйста.

И на слёзную просьбу – в ответ молчание.

– Батя! Ты мужик или не мужик! Смотрю на тебя, ты прямо-таки весь из ума сшитый. Забыл, как сам?... – Сделал выжидательную паузу, не отрывая глаз от отца. Но и на эту реплику сына он не ответил. И Иван продолжил более мирным тоном: – ...А сейчас меня выручай.

Никанорович не то что смотреть на помятую от пьянки рожу сына, не то что говорить с ним, а и видеть его в доме не желал. Сын не понимал этого и всё стоял с умоляющим взглядом перед отцом, продолжая просить похмелить.

– Ты не понимаешь? Умрёт твой родной сын! Ты этого хочешь?

И тут услышал откровенное, убийственное для него:

– Подыхай! Что же ты, пьяная скотина?!

– Ты мне так желаешь? – удивился сын.

– А тут ещё кто-то есть, кроме нас двоих?

– Так дашь или нет?!

– Нет денег. И были бы, не дал. Для тебя у меня нет ни гроша.

Иван понял: просить бесполезно. Посмотрел по сторонам.

– А у матери?

– Тоже нет.

Иван почесал за ухом. Спросил:

– А где мать-то?

– Ушла.

– Куда?

– На кудыкину гору. И ей надоело видеть твоё пьяное рыло.

– Моё рыло?

– Да, твоё. Бессовестное, опухшее от беспробудного пьянства.

– Эх, батя. Совсем перемолился ты. Не осталось в тебе ни капли православной веры. И что твой бог, которому ты молишься, говорит: «Помоги ближнему своему...», тебе не касается? Так что или не говори мне «нет», или твой сектантский бог не говорил эти слова.

Никанорович весь передёрнулся от зла на сына и от боли в душе за его новую веру. Он закипел.

– Ты мне не тычь! Я те не Иван Кузьмич! И... вон из моего дома на все четыре стороны! Как говорится, вон Бог, а вон порог! Ишь выискался, отцу указывает, пьяная рожа! Выродок! Совсем нет покоя от тебя! И подумай, с чем ты остался. Ни семьи, ни кола, ни двора. Всё пропил! Ну и живи со своей водкой на пару, кобель.

Иван пропускал отцову тираду мимо ушей, лишь повторяя окончания слов. Но последнее задело сильно. И он огрызнулся:

– Да, пускай я кобель. А ты кто? Родного сына в шею гонишь. Э-эх! – Быстро оделся уходить. В дверях обернулся к отцу. – Дай напоследок хоть на чекушку.

– Опять за своё?!

– Да. Ну ты будь человеком, отец. Головушка моя трещит. – Вспомнил сон. – А знаешь, меня волки всю ночь грызли.

Отец с презрением посмотрел на сына: «Издевался, сволочь!»

– ...Плохо мне совсем, – плаксиво продолжал Иван.

– Мне какое дело? Волки его грызли. Чтоб они правда загрызли тебя. Бессовестный мот. Совести ни в одном глазу нет. Ступай, зарабатывай себе и пей.

– Где работать?

– Не знаю. Вчера где взял?..

– Нашёл.

– Вот-вот, свинья везде грязи найдёт.

– Значит, по-твоему, я свинья. Да не нашёл, занял.

– Вот и сегодня иди и занимай.

– Подо что?

– Ну-ну, и я думаю, подо что займёшь. Ну и у меня с матерью тоже не проси.

– Спасибо, батя.

– Да сгинешь ты с глаз моих, заноза?! – раздражённо крикнул отец, топая ногами.

Иван тоже разозлился до предела. Открывая дверь, упрёкнул:

– Вот всё и вскрылось, отец. До чего же довела тебя твоя вера... Я-то уйду, а не пожалеешь после?

– Хватит! Умоляю тебя по-доброму! Уйди наконец, грёбаная рожа опухшая.

– Так, батя... – уже с усмешкой на помятом лице Ивана задёргались мышцы. – А ведь ты меня и нагрёб. И, видать, грёб-то пьяный. Вот поэтому я с детства страсть к алкоголю и впитал. А ты сейчас святого из себя корчишь. Ну прямо ангел небесный. Только не летаешь, а по земле ползаешь. Эх, не тому ты богу головушку свою склоняешь, отец.

– Больше видеть тебя не желаю, алкоголик! – крикнул с горькой досады отец вслед уходящему сыну и закурил, чтобы успокоить разошедшиеся нервы.

– Курить при вашей вере большой грех, – издали ткнул напоследок отцу Иван и ускорил шаг.

– Антихрист! – бросил в ответ отец.

Прошёл час, а Никанорович, расстроенный и задумчивый, продолжал сидеть на крыльце, плюясь и испепеляя одну сигарету за другой, пока не вернулась его жена, Клавдия Филипповна.

– Сукин кот не встретился тебе? – спросил он, бросив окуроч.

Она сразу догадалась, о ком муж завёл речь, ибо он всегда, когда злился, так называл сына.

– Нет. Что, опять довёл до каления?

– Довёл, антихрист. – Закуривая новую сигарету, выплеснул: – Я прогнал его. Чтоб ноги Ванькиной тут больше не было!

– Ты спятил, что ли? – с удивлением и ужасом в глазах всплеснула руками жена.

– Замолчи, жалельщица!

– Как не жалеть? Какой бы Ваня ни был, он же наш сын.

– Замолчи, говорю! – прикрикнул муж. – Тебе, может, и сын...

– О-ох, а тебе не сын? – Клавдия сокрушённо закачала головой.

– Мне – нет! Потому как в душе Ваньки нечисть сидит!

– Чё несёшь, дурень?

– Что вижу, – отрезал. Встал. Презрительно глянул на жену и твёрдо заявил: – Чтоб больше в доме не было Ваньки.

Жена не стала спорить, издавна зная упрямый и глуповатый характер мужа. А теперь он был ещё и тёмный, непонятный ей ещё сильнее с этой новой верой. Её Клавдия Филипповна не принимала.

2

Прошло два дня...

В течение их Иван слонялся по всему селу, потому матери было трудно разыскать сына. «Он будто прячется от меня», – волновалась Клавдия Филипповна, не прекращая поиск. Она не знала, что так оно и было. Но сердце матери не проведёшь. В конце концов нашла Ивана.

– Ты что же, сынок, прячешься от родной матери и домой носа не кажешь?

– Так меня же отец турнул из дома, – пожаловался Иван.

– А ты брось выпивать, и отец изменит своё отношение к тебе.

Сын смотрел на взволнованное родное лицо матери и молчал.

– Всё. Хватит мотаться. Пойдём домой. Ну!..

– Ладно, мам. К вечеру приду сам. Сейчас не пойду.

– Хорошо. Буду ждать.

Иван сдержал слово. Мать обрадовалась ему. Отца не было. Он находился в молебном доме и вернулся поздно вечером. Наматавший сын уже крепко спал. Из спальни, дверь которой была открыта, раздавалось громкое затяжное храпение.

– Мать, кто у нас? – насторожённо и недовольно спросил Никанорович.

Она приложила палец к губам.

– Тсс! Разбудишь. – Довольная, с улыбкой прошептала: – Сыночек вернулся.

– Иван?! – вскрикнул муж. И напустился на жену: – Зачем впустила этого антихриста и пьяницу?!

– Не ори! Разбудишь! – впервые за всё время совместной жизни огрызнулась Клавдия Филипповна. – Пожалей! Если он тебе не сын, а мне сын. Пусть и пьянь, но моя родная кровинка...

Иван спал так крепко, что не слышал разгоревшегося скандала. А отец продолжал гневно ворчать, мечась по комнате.

– Опять нажрался сукин кот, как свинья! Ишь, как храпака даёт! Совсем совесть потерял! Семью пропил! Какая жена была. Золотая! Детей лишился. Сволочь! – Он спохватился, перекрестился: – Да простит меня, душу мою грешную, Бог. Какой грех на мне! – Повернулся к жене. – Ты думаешь, у меня сердца нет? Есть...

– Тогда почему так бессердечно поступил? Сына из дома...

– Это особое дело. И в доме моём не хочу терпеть эту пьянь!

– Куда же человеку деваться, отец? – жалостливо заговорила Клавдия Филипповна. – Валерия, жена Ванькина, вряд ли примет его. Не простит...

– Глядя, как попросит, – немного смягчился Никанорович. – Не мне ж за него идти прощения просить. Я перед ней ни в чём не провинился.

Пусть сукин кот сам идёт. В колени пусть упадёт... Нет у Ваньки воли.

– В том-то и беда. – Она сокрушённо покачала головой и передником смахнула слёзы с глаз.

– Беда, мать. Если б воля была, бросил бы пьянку, и жена простила бы, несомненно. Она человек с доброй душой. Я её хорошо знаю... – Круто сменил тему разговора и тон: – Ладно, давай спать. Утро вечера мудренее. Может, уговоришь Валерию...

– Просила, умоляла. Да где там. Не хочет она принимать Ваню. Без него, говорит, спокойнее. А ну как, говорит, опять запьёт?

На это Никанорович ничего не стал говорить...

3

Утром пошёл дождь, мелкий, но сильный, насыщая землю обильной влагой... Иван проснулся довольно поздно, когда отец уже закончил молиться, а мать приготовила завтрак. Она позвала сына к столу. За завтраком отец молчком наблюдал за сыном. Вдруг промолвил со вздохом:

– Потерянный ты человек, Ванька.

Избегая обострения, сын ничего не ответил на обидную реплику. Но отец не унимался, сверлил сидящего напротив него сына презирующим взглядом. Мать заметила это, попросила сдержанно мужа прекратить вражду.

– Прекратить?! – вспыхнул Никанорович. И понёсся: – Ванька! Пока не поздно, обратись к вере. Молись. Бог услышит и пошлёт прозрение. Душа очистится от пьянства, от грехов, сотворённых тобою, и возвратишься к свету.

– Опять проповедь читаешь, – не выдержал до этого терпеливо молчавший сын. Встал из-за стола. – А я не хочу слушать твою проповедь и преклонять голову!

– Вот видишь, мать? Во какой настырный! А ты говоришь, Ванька вразумит. Да он по уши увяз в непокорности родителям, пьянстве и беспутном грехе с этой Кравцовой!

– Замолчи ты, отец! – нервно крикнула Клавдия Филипповна. – А ты, сынок... Что ж вы как кобели, с цепи сорвавшиеся?!

– Это мне-то молчать?! – словно укушенный змеей, выпучив глазища, гневно заорал Никанорович, выскакивая из-за стола. – Мне, отцу, молчать перед этой пьянью?! Да ты в своём уме, курица?!

– Я – мать, – сказала спокойно Клавдия Филипповна. – А мать есть мать. Ею и останется, что бы ни произошло с её дитём.

Иван, получив её поддержку, сказал с лёгкой усмешкой:

– Спасибо, что хоть кто-то ещё терпит меня здесь.

– Да, терпит, – поучительно ответил отец. – Потому что Бога чтит. Не то что ты, оболтус.

– А ты, отец, чтить Бога? – съязвил Иван.

– Да.

– Эт вон того? – показал на развешенные отцом иконы сын.

– Вон из дома, поганец! – заорал отец.

– Опять гонишь? – кисло улыбнулся Иван.

– Чтоб больше ноги твоей и на пороге моём не было!

– Отец! Сынок! Отец! – заметалась между ними сердобольная Клавдия Филипповна. – Ну что же вы?! Помиритесь!

– Ладно, уйду, – не обращая ни на кого внимания, сказал Иван.

– Ступай! Хоть к своей Кравцовой, этой гулящей сучке! – уже не кричал, а визжал отец.

– Уйду. Пусть даже к ней, но не оставаться с тобой, отец.

– Беги галопом! Гуляйте, пейте, деритесь, как сучка с кобелём, покуда не околеете!

– Ноги моей тут больше не будет, что бы с вами ни случилось. – Иван в сердцах с силой захлопнул дверь.

– Дай бог! – радостно крикнул отец вслед ушедшему сыну.

– Ой-ой-ой! Что ж вы творите оба?! – запримечала Клавдия Филипповна. – Ох-ох-ох, чтоб у вас языки отсохли, твердолобые!

– Антихрист! Анархист проклятый, – не обращая внимания на стенания жены, твердил своё Никанорович, удаляясь на крыльцо курить...

А дождь прекратился... Теперь землю щедро поливало тёплыми золотыми лучами яркое солнышко, согревая её, создавая ей после

обильной влаги благодатные условия для всего растущего...

4

Кравцова. Женщина лет тридцати. Она ещё, как говорят на селе, «о-го-го!». Ей бы только трудиться да трудиться в поте лица, жить да жить. Но она ничуть не лучше Ивана. Не отставала от него в смысле «не пролей ни капли». Тоже потеряла семью, лишена родительских прав. И, по-видимому, об этом несколько не жалела. Но так казалось лишь со стороны... Потеряв семью, спившись, жила лет пять с матерью в доме неприличном, заброшенном из-за отсутствия хозяйской руки. А руки-то у Кравцовой есть. Но они не чешутся по работе. Голова тоже есть. Да ей на всё наплевать, кроме одного. Выпить и потешиться с любым мужиком или парнем.

Бывший муж Кравцовой женился на другой женщине, самостоятельной, трудолюбивой, и уехал в город.

Дом Кравцовой теперь открыт всем и каждому в любое время суток. Любому, кто приходил с бутылкой – а лучше с двумя – спиртного и ещё держался на ногах. Кто приходил без «горючего» – независимо от пола и возраста, – того ждал от ворот поворот. Таким от хозяйки ни гостеприимства, ни ночлега, ни любовных баталий...

Иван явился в это мокрое утро (хотя дождь кончился) к Кравцовой неожиданно для неё. Она сама была «мокрой», как это дождливое утро: в стельку пьяная валялась в постели, неубранной, грязной. И сама хозяйка в грязной, как и её постель, одежде.

Дверь здесь никогда не запиралась. Иван вошёл в грязных сапогах. Кроме валявшейся хозяйки, в доме никого. Иван всё равно огляделся как следует. Убедился: никого. Толкнул в бок хозяйку.

– Вставать собираешься?

Она с трудом расщелила заплывшие глаза на оплывшем лице. Молча уставилась на гостя.

– Ну, поднимаешься? – заторопил Иван.

– Тебе какое дело? – еле прошлёпала пенными губами. Встрепенулась: – Похмелиться есть?

У гостя – пусто, что в карманах, что на угнетённой душе.

– Увы. – Иван вывернул карманы штанов.

– Чё тогда припёрся? – воинственно зыркнула хозяйка, с трудом поднимая с постели непослушное тело.

Ивану при виде это грязного пьяного существа стало противно. Он отошёл от хозяйки. Заговорил сбивчиво:

– Выпить я найду. Не проблема... Но у меня к тебе просьба...

– Что? Какая? – более твёрдым голосом спросила хозяйка.

– Просьба... В общем, я к тебе по-другому хочу...

– Что значит по-другому? – заинтересовалась Кравцова.

– Пожить у тебя! – резко выпалил Иван. – Хоть временно.

Она спустила ноги в обуви с постели, села на край кровати.

– А последствия?

– Не понял.

– Расплачиваться чем будешь? В принципе, мне без разницы. Но лучше этим, – щёлкнула пальцем по горлу.

– Чем этим? – не понял сразу расстроенный семейной ссорой гость. А когда до него дошло, хозяйка уже дальше оценивала будущую оплату.

– А-а, чем сможешь. Я всем беру. Баба я неприхотливая. Могу даже натурой. Бабе мужик всегда не помеха, – махнула рукой. – Ты, Ванька, и так понял. Дуй, ищи похмелиться. Найдёшь – приходи, тогда и потолкуем.

Бедному Ивану, страдающему той же болезнью, что и Кравцова, деваться некуда. Да ему и самому надо было выпить, чтобы сравняться с ней. Собираясь уходить от неё, рассудил: «Найду водки, выпьем и найдём общий язык, коль понять дала. Потом эту грязную бабу и под себя подберу. А сейчас говорить с ней без толку». Он решительно направился к выходу, оставляя за собой грязные следы от сапог на грязном, будто земляном полу.

– Ванька! Ты куда? – неожиданно плаксиво окликнула хозяйка.

Он оглянулся. Ему вдруг стало невыносимо жалко это существо, до предела опустившееся морально и физически. «А ведь она – женщина! Ее надо спасать!»

Он ответил на тревожный вопрос:

– За самогоном. Куда ж ещё? Потерпи малость.

– Давай деньги, я сама сбегаю по-шустрому.

– Были бы...

– Тогда как дадут?..

– Найду деньги! – зло бросил в ответ, не дав договорить ей.

Он выметнулся из дома молнией. Кравцова кое-как встала с кровати, покачиваясь от бессилия, проскрипела вслед:

– Ищи, милок. А то помру...

Быстро прошагав метров тридцать от дома Кравцовой, Иван остановился, задумался: «К кому идти? Никто не займёт мне, безработному, денег. – Вдруг его осенило: – К бабке Варваре Харламовой! У неё намерении видел много напильных чурбаков. Поколю и...»

Вызвав бабку Варю из дома, Иван стал упрашивать нанять его поколоть напильные дрова. Его удивил и привёл в паническое недоумение её категорический отказ принять его услугу, несмотря на то, что умолял старушку, клялся, что работу выполнит в лучшем виде и что её никто не сделает лучше него. Иван уже был готов рухнуть перед бабкой на коленях, как она внезапно сдалась.

– Побожись, что честно сработаешь, – попросила она.

– Вот те крест, баба Варя! – перекрестился. С жаром и с надеждой на благополучный исход переговоров выпалил: – Всё переколю, в сарай перетаскаю, уложу – любоваться будешь!

– Ладно, приступай.

Уговор дороже денег. Иван взялся за дело с огоньком...

Кравцова прождала посланного за спиртным до вечера. На её несчастье, за весь день никто к ней не пришёл. А Иван усердно махал топором, помня, что расчёт будет, когда всю обещанную работу выполнит. Оба понимали: за один раз её не закончить. Уже стало темно, рубить нельзя. Но как Ивану идти ночевать к

Кравцовой без самогона? Решил выпросить что-то вроде аванса. Пошёл на нарушение уговора.

– Баба Варя, ссуди хотя бы на бутылку. Горит всё нутро. А завтра я в восемь часов, а то и раньше, как штык тут буду.

Старушка с жалостью поглядела на рубщика. Весь взмок, руки трясутся. И как только он в таком состоянии смог столько нарубить дров? Она горько вздохнула, спросила, глядя в упор:

– Точно утром придёшь? Не обманешь?

– Вот те крест опять, – перекрестился Иван.

– Что-то ты часто крест упоминаешь, молодой человек.

– А как же без него? Вон, к примеру, мой батя и дня без креста и молитвы не живёт. И встаёт с ним, и за столом с ним, и спать ложится. Так и я с ним. А что, разве слово «крест» плохое?

– Хорошее, – ответила и вдруг поинтересовалась совершенно о другом: – К жене с дочкой, Иван, не собираешься вернуться?

– А? Что? – раскрыл от удивления рот он.

Старушка как неожиданно спросила об этом, так же неожиданно замолчала и ушла в дом. Ещё неожиданнее для Ивана вынесла не деньги, а бутылку самогона. «Во молодец, бабка! И бегать мне искать не надо!» – обрадовался он. Весёлое настроение испортила «спасительница».

– Ты бы, Ваня, попросил прощения у жены, пить бросил бы. Уж больно хорошая она... На, бери, – отдала самогон. И снова о жене: – Возвращайся, милочка. Она простит.

– Спасибо за совет и за сопереживание, баба Варя. Но не вернусь к жене. Не простит она.

– Эт почему так плохо думаешь о ней?

– Не о ней плохо думаю. О себе. Грех большой на мне. Не примет Валерия после Кравцовой. Даже на порог не пустит. Вот так, – закончил пессимистично и пошёл со двора.

5

Уже неделя минула, а Иван так и не вернулся домой. В нём – беспокойство, переживание за сына. Но только одной стороны – Клавдии Филипповны, её истинно материнского сердца. Каждодневные ссоры из-за сына с мужем убивали её. А ещё разрывали материнское сердце

частые посещения Кравцовой. Мать пыталась уговорить непутёвую женщину вернуть Ивана или домой, или к законной жене. Бесполезно. Ни с чем Клавдия Филипповна вернулась домой и на этот раз.

– Опять ходила? – снисходительно спросил муж.

На этот вопрос она промолчала.

– Зря стараешься, мать. – И, сменившись в лице, резко повысив тон, словно назло ей, громко заявил своё прежнее: – Антихрист мне тут не нужен!

– В тебя бес, что ли, вселился, хрен старый?! – совершенно убитая происходящим, дерзко крикнула она.

Муж промолчал.

– Твоя родная плоть, а ты что творишь? Как паршивого пса, из дома турнул.

– У Ваньки есть свой дом, жена, дочка, – последовал мгновенный ответ в прежнем тоне. – А мне Ванька лишь позор. Нет Ваньки для меня! Есть сын Алёшка. Есть дочь Верка. И Ванька был сыном, пока не продал душу дьяволу, не стал алкашом заправским. Долго я терпел его пьяные выходки, а из-за них позор. Хватит! Нет ему места в отчем доме! Всё алкаш потерял! Совести у него ни капли не осталось и силы воли. Надо же, связался с самой последней потаскушкой!

– Так что же мне делать, отец? Мне, матери?

– А ничего. Проживём без него. Так спокойнее.

– Спокойнее?! Проживём?! – взорвалась Клавдия Филипповна. – Ты что мелешь?! Да это ты продал душу дьяволу! Потому и не беспокоит, и не интересует тебя судьба родного человека! Не гнать сына надо. Лечить.

– Лечили! – выкрикнул он зло. – Не раз. Жена лечила. А проку?

Не зная, что ответить мужу, жена в слезах тихо поплелась на улицу. В голове одно: как спасти сына?

В восьмом часу вечера в отсутствие жены Никанорович откуда-то притащил старенькое ружьё и несколько патронов. Спрятал. Но зачем ему это тронутое ржой оружие? Он и сам не знал, зачем. «На всякий пожарный... – рассудил. – На что-нибудь да сгодится».

В отличие от мужа, которого судьба Ивана не интересовала (особенно после того, как стал усердно молиться), Клавдия Филипповна всякими путями стремилась наладить жизнь любимого сына. Несколько раз с надеждой на это была у жены Ивана, Валерии. Она пока не подала на развод, но уже подумывала серьёз об этом. Молодая ведь ещё. Дочке 10 лет. Авось да повезёт. Характером степенная, не вспыльчива, отходчива, терпелива. Этим, впрочем, пользовался долгое время Иван. Да, терпела. Ан терпение лопнуло. Сколько же можно было женщине выносить ежедневные пьяные ссоры, противный вид мужа? И здесь Валерия проявила мудрую завидную выдержку. Спокойно попросила его покинуть дом. «Перестанешь пьянствовать – я буду рада твоему возвращению», – пообещала напоследок... Выпивать Иван не прекратил. Хуже того, связался с беспутной женщиной. Слухи о его связи с Кравцовой сделали своё дело. Теперь Валерия не желала не только возвращения Ивана, но и видеть его.

Бороться за судьбу Ивана продолжала лишь мать. Она снова явилась к снохе. Валерия прекрасно понимала состояние свекрови (пока она всё ещё считала так) и глубоко сочувствовала ей, её материнскому сердцу, страдающему и переживающему за сына. Это сближало обеих женщин. Они, будучи во многом разными, по-разному смотрели на жизнь, но обе понимали одно: Ивана надо вернуть в нормальное, человеческое состояние. Только как?

«Что делать?» – спрашивали глазами свекровь сноху, сноха – свекровь. Решили идти вместе к Кравцовой, вытаскивать от неё Ивана. Шли молча. За всё время в пути только свекровь, обращаясь к снохе, произнесла угрюмо:

– Я понимаю тебя, дочка...

Валерия промолчала. Но, взглянув на свекровь и не увидав на её лице ничего кроме страха, встревожилась. Спросила:

– Ну а Николай Никанорович что?

– Он... видеть не хочет Ваню. А сын всегда, хоть и в стельку, шёл домой. Теперь, по милости отца, у этой бабы и живёт, и пьёт.

– И что мне теперь?

Недружелюбный тон снохи испугал свекровь. Она взмолилась:

– Помоги хотя бы в наш дом Ваню возвратить, раз не хочешь к себе, не желаешь с ним жить.

– Хотела. Раньше. А теперь, после того как он с этой шлюхой... Вы осуждаете меня, Клавдия Филипповна?

– Нет, дочка...

После стука в дверь Кравцовой она сама вышла встретить нежданных гостей. Из-за двери пахло непонятно чем, но очень противным. Гости невольно поморщились.

– Чё надо?! – спросила резко, окидывая женщин дерзким взглядом. – А-а, ты опять припёрлась, – крикнула матери Ивана, – да ещё и сношеньку притащила с собой. – Перевела злой, смешанный с ехидцей взгляд на Валерию. – А ты-то каким боком ко мне? Сначала вытурнула мужика от себя, а теперь забирать пришла? Не отдам! Он теперь мой. А вы... вы идите к е... матери, – грязно выругалась.

Клавдия Филипповна не удержалась, упрекнула в лоб, хотя и спокойно:

– Что ж ты живёшь, как скотина? За каплю самогона сама себя не жалеешь, продаёшься. Всех блудливых кобелей принимаешь...

– Эт кого всех? Каких кобелей? – напустилась на мать Ивана.

– Мужиков всех подряд, – Валерия перевела нападение на себя.

– Каких мужиков? – захохотала Кравцова. – Где они теперь, мужики-то? Одно слово осталось от них. Сильный по-о-ол. От них делов-то только у меня в постели. – И горько, от изболевшейся души: – А пью я, бабоньки, от горя. И судьба моя горькая. И жалеть меня не надо вовсе.

Гостям поневоле стало не по себе от этого признания погибающей женщины. Они переглянулись. В их глазах – недоумение: «Что заставляет Кравцову вести такой образ жизни? Скорее всего, отсутствие силы воли, чтобы прекратить развратную жизнь». Но у них своя беда – спившийся Иван.

– Позови Ваню, – попросила Кравцову Валерия.

– А он... – Кравцова, ещё не протрезвевшая как следует, потому плохо соображающая, задумалась, как ответить. Правду сказать или солгать? Взвесив наконец всё, решила сообщить, где Иван.

– У меня нет. На речке он. – Подойдя ближе к ним, прокричала зло: – На речке! Ясно?!

– Когда вернётся? – не обращая внимания на злой выкрик, спокойно спросила Клавдия Филипповна.

– Мне откуда знать?! Я сообщила, где Ванька, а вы ищите!

Они направились к калитке, но Кравцова тут же спохватилась, поняв, что может потерять Ивана. На глазах навернулись слёзы. И она закричала истерично:

– А ты, Валерка, не надейся! Он не вернётся к тебе!

– Ну это мы ещё поглядим, – ухмыльнулась Валерия.

Незванные, неожиданные гости ушли, не оглядываясь. Кравцова же с тревогой стала ждать: придёт Иван к ней или не придёт...

Солнце уже скатывалось за горизонт, когда Кравцова увидела возвращающегося к ней Ивана. У него в одной руке немного рыбы, в другой бутылка с самогонном.

6

Летняя ночь. Короткая, тихая и для большинства жителей села спокойная. Но не для всех. Ссоры, а теперь уже более серьёзное, чем обычная ссора, – целая семейная драма, психологически напряжённая, накалялась в доме Николая Никаноровича и Клавдии Филипповны. Это непоправимо сжимало её и без того хрупкое материнское сердце. Муж чихал на постоянные перебранки с женой, ничего не предпринимал для налаживания отношений и возвращения сына домой. Не раскаиваясь, твёрдо стоял на своей позиции. Он выглядел в глазах супруги – и не только её – монстром, монолитом с холодным, бесчувственным сердцем и непонятно где находящейся чёрствой душой. Он продолжал трижды в день молиться, не обращал внимания на окружающих его людей, спал в постели один, спокойно...

Клавдия Филипповна не спала. Страдая в ночной тишине, пристально вслушивалась в каждую нотку ночи, каждое её дыхание, шорох. Она мысленно надеялась: вот-вот раздадутся знакомые шаги, из ночной темени вырисуются силуэт родного сына, хотя и сильно подвыпившего, но спешащего к родительскому дому. Встряхивалась. Ещё внимательнее вглядывалась в непроницаемую ночь, но... лишь стрекот в траве неуёмных кузнечиков, словно играющих на скрипке, свистит где-то рядом сверчок. А вот заухала, видимо, кем-то испугнутая сова, выпучив огромные глаза. Прохладный слабый ветерок о чём-то шептался с листьями деревьев.

Прохлада ночи и душевная боль нагоняли трепетную дрожь и озноб. Не выходил из головы, мучил мать один и тот же вопрос: «Что делать?» Она прикидывала в уме всевозможные способы, как вернуть домой или к Валерии сына. «На колени, что ли, упасть перед ним? Но почему я должна гнуть перед ним свою материнскую спину? Что плохого сделала ему, чем не угодила?.. Что, что сделать, чтобы Ваня ушёл от этой Кравцовой? Не знаю. Но и отступать нельзя».

До этой ночи были моменты, когда мать готова была принять сторону мужа. А теперь – ни за что! И она продолжала ждать сына, пока не заалела на востоке утренняя заря. Загорланили петухи, приветствуя рассвет, будя свои куриные гаремы и всё село.

Никанорович проспал долго. Проснувшись, вышел на крыльцо. Увидав жену, поняв, что она не ложилась спать, вздохнул. Видимо, жалея её, упрёкнул беззлобно.

– Всю ночь глаз не сомкнула и что высидела? Он, антихристская душонка, поди, и в ус не дует. Не дорого ему родительское гнездо. А мать для Ваньки – хоть сейчас ляжь и умри. Он только плюнет. Тьфу! – Никанорович сморщился, будто ему в рот хина попала, замолчал. Потом продолжил в адрес молчавшей жены: – А ты-то, ты-то...

– Я мать, а тебе этого не понять, бессердечный, – смело бросила в ответ, вставая. Заглянула в глаза мужа. Они показались ей пустыми, отчуждёнными. «Наверно, и душа его такая же пустая. Потому ни капельки не страдает после

изгнания сына». Она думала и о противоположном: «Довёл отца до отчаяния Ванька своими пьяными выходками да приставами: "Дай опохмелиться!"» Проходя в дом мимо мужа, хотела уткнуть, мол, на что ты променял сына, но промолчала, не желая нового скандала.

* * *

Валерия после долгих мучительных раздумий о своей судьбе и судьбе пьяницы мужа решила вытащить его с помощью дочки из цепких рук Кравцовой. Девочка с радостью согласилась. Особенно сподвиг Валерию прийти к такому решению разозливший её заносчивый выкрик Кравцовой при уходе от неё их со свекровью: «Он к тебе не вернётся!» – «Эт мы ещё посмотрим!» – всплывал и агитировал на бой с соперницей за освобождение мужа ответ Валерии. Для неё эти потуги были омерзительны, и совестно перед односельчанами. Но она нашла в себе силы перебороть это.

Двенадцатилетняя дочь Валерии и Ивана, Надя, направилась к дому Кравцовой с готовностью и надеждой вернуть себе отца, вытащить из трясины разврата и пьянства, засосавшей его, как телегу топкое вонючее болото. Она не хотела только одного – повторения скандалов в семье. Они заставляли страдать её маленькое хрупкое сердечко. Страдания с уходом Ивана от своей семьи к родителям прекратились. Только ненадолго. Надя, часто навещавшая отца и бабушку с дедушкой, вскоре почувствовала: отец делается чёрствым, словно давнишний заплесневелый хлеб, и совершенно не интересуется ею. Его интересовало лишь, где бы достать выпить. Общался только с такими же, как сам, любителями заложить за воротник. Девочка вновь страдала: у неё нет отца, а значит, и счастья. «Надо вернуть папу!» – твердила Надя, быстро шагая по улице села к дряхлому дому Кравцовой...

В затею Валерии с помощью дочки,носящей имя надежды, подействовать на Ивана, верили обе страдающие женщины. Никанорович не верил. Их попытки вернуть сына матери, а Валерии мужа ещё больше разозлили старика. Он уже не хотел не только помочь вернуть Ивана, но

и слышать его имя и разговоры о нём. Костерил сына на чём свет стоит: «Антихрист! Сатана! Выродок нашего семейства, алкаш бесподобный...» Никанорович, по-видимому, забыл собственное прошлое. Образ его жизни был весьма схож с нынешним Ивановым. Сын с детства, словно губка воду, впитывал всё, исходившее от разгульного отца. А теперь вот секта. Он с головой окунулся в неё, в ней прозябал, черствел душой, ненавидя и самого себя. Образовалась страшная бездонная пропасть между ним и сыном. Они возненавидели друг друга...

Дочь застала Ивана одного в доме Кравцовой, пропахшем гнилью и ещё чем-то отвратительным. Хозяйку Иван только что проводил продавать свой улов ради куска хлеба, а главное – очередной выпивки. С нетерпением ждал возвращения сожительницы. Когда раздался скрип тяжёлой, с давно немазаными петлями двери, с надеждой кинулся к ней и... остолбенел: вместо зазнобы с бутылкой перед ним – родная дочь. Она уверенно шагнула за порог. При виде отца её глаза засияли от радости, но сияние тут же сменили жалость и мольба. Они без всяких слов красноречиво говорили: «Опомнись, папа! Кончай с таким пошлым образом жизни, пока не поздно!» Уже по этому взгляду родной единственной дочки нетрудно было понять её и пойти навстречу крику её души. Возможно, именно это Иван прочёл в её глазах. Но, несомненно, он прекрасно понял, зачем Надя пришла. И отцовское сердце отозвалось мгновенно: «Дурак я, идиот! Именно так! От кого жду ласковых слов? От собственного ребёнка! Это я должен их говорить дочке». Однако первой произнесла их она.

– Папочка, родненький...

Он пытался ответить что-то, но глотку перехватило, язык одеревенел. А ещё Ивана что-то пугало. Взгляд! Возможный возврат. А правильно ли поступит? Надя поймёт, простит. А Валерия? Но дочь! И теперь, только теперь нашлись силы преодолеть комок в глотке, заработал язык. Он нежно спросил:

– Что, доченька?

Надя сообразила: отец сдаётся! И прильнув к нему, попросила:

– Пойдём домой.

– Домой, – задумчиво повторил он и представил родной домашний очаг – светлый, тёплый, с приятными запахами. – Домой. Мне стыдно, доченька моя. Ты, как я понял, прощаешь меня...

– Да, – глянула полными надежды глазами в его взволнованные, с наплывшими прозрачными бисеринками слёз.

– ...А мама? Она не простит мне вот этой противной среды, низости, в которой я сейчас, и за дерьмо, которое я совершил.

Десятилетняя девочка не могла понять всё, о чём путано говорил сейчас отец. Но понимала главное – затем и пришла – папу надо вытащить из этой вони и, как он сказал, дерьма. И Надя ответила за свою мать, за бабушку:

– Мы все хотим, чтоб ты вернулся.

Ивану стало жалко родных, и он потушил о совершённом им. Представились: последняя ссора с женой, его уход в дом родителей, а затем – дни, недели в пьяном угаре, страшные головные боли, из-за них – бессонные ночи и страшные сны, в которых его часто матёрый волк драл за горло, из него хлестала кровяная... Иван сдался окончательно.

– Хорошо, дочка. Я вернусь.

– К нам? – с надеждой на новый приятный ответ спросила Надя.

– К бабушке, – разочаровал отец.

– Нет! Только к нам с мамой! – надула губы дочь и отвернулась.

– Ладно, ладно. – Иван привлёк её к себе. – Сдаюсь полностью.

– Ну и пошли. – Надя обеими ручками вцепилась в волосатую руку отца и больше не отпустила, уводя из тошнотворного дома проститутки.

Девочка не могла ни знать, ни понять, была ли рада возвращению её папы мать, но точно знала: бабушка радовалась не меньше самой Нади.

* * *

Иван крепко держал слово больше не пить. Выдержал месяц. Он всё это время чувствовал неприязнь жены. Она не попрекала его, но стала совершенно другой во всех отношениях и вообще какой-то далёкой, чужой. Это, видимо, и послужило главным толчком к тому, что Иван вновь

сорвался, запил. А в конце августа, хотя никто не выгонял, сам взял и ушёл из родной семьи. Ушёл опять к Кравцовой. Новость молниеносно разнеслась по всему селу, и это взбесило отца Ивана.

Волнение совершенно посторонних односельчан... А в доме, где вновь беспокойство, ссоры?.. Никанорович часто, невзирая на свою новую веру, брал грех на душу, сквернословил по-чёрному. Если об Иване кто-нибудь заводил речь, отец яростно нападал на говорившего.

Жена, наоборот, больше молчала, будто именно она виновата в новом срыве сына и его уходе из семьи. А муж орал истерично:

– Чё молчишь? Иди, снова проси, умоляй, на колени падай перед этим без совести, без чувства ответственности за поступки негодяем. Я не могу и не хочу называть Ваньку сыном. Даже просто человеком не назову. Он алкаш! Хуже того, он душу продал дьяволу за стакан, опять семью бросил и ушёл к этой падшей женщине. Не подберу слово-то подходящее, как её назвать. Проститутки, те телом своим торгуют за приличные деньги. А эта тварь Кравцова за что? За помой и отраву из шинков! Тьфу!

Однажды Клавдия не выдержала и, набравшись храбрости, сама пошла в атаку на разошедшегося супруга.

– Да ты сам-то не таким ли был не так давно?! А? Чё ты всё ворчишь? А? Богу молишься, поклоны бьёшь, а сам грешишь! Ваня больной, да только телом. А ты?..

Муж оборвал её, налетел вихрем.

– Больной? Болезнь у него такая? Дурь это, а не болезнь! Ты меня трогаешь, моё прошлое. Было, а теперь я за Ваньку молюсь. Молю Бога о душе сына. А он дурень... Одним словом, антихрист. Молить Бога надо.

– Я-то, Коля, стараюсь с душой молиться и для души, а вот ты... Ты что творишь? Никак не пойму я.

– Ты и не поймёшь никогда! – отрезал Никанорович мгновенно.

Ивану, протрезвевшему к утру, почувствовавшему, что голова стала по капельке

более-менее ясной, захотелось побыть одному. Ничего не сказав Кравцовой, он ушёл за село в берёзовую рощу. Чистый отрезвляющий душу воздух, лесной аромат очистили голову гостя от царивших в доме Кравцовой смрада, сивухи, грязи. Иван сидел на пахучей траве, прислонившись спиной к белоствольной красавице, и, запрокинув голову, молча глядел в безоблачное голубое небо, такое бездонное, какое может быть лишь в океане. Над ухом назойливо зажуужал шмель. Иван резко опустил голову. Рядом с цветка вспорхнула вспугнутая и ранее не замеченная им бабочка-крапивница. Чуть отлетев, села на другой и спокойно занялась своей работой. Такой красоты Иван давно не видел и теперь любовался, наслаждался ею.

Над головой снова зажуужал шмель, то ли тот же, то ли его собрат. Иван встал, прошёлся между рослых белых свечей берёз. На небольшой полянке, где было побольше солнечного света и тепла, его внимание привлекло муравьиное селение. Рыжие головастые усатые муравьи, как и люди, одни здоровые, другие хилые, трудились так же усердно, как работающие мужики в горячую страдную пору.

Иван не мог представить себя вот таким, как эти муравьи, работающим. Он чувствовал по себе, что уже не сможет трудиться с полной отдачей сил. С завистью смотрел на рыжих тружеников леса. Вот один из них, небольшой и хиленький, прёт в гору длинную тяжёлую травинку. Другой, видимо, для подстраховки первого, находится рядом. Помогает на трудных подъёмах и на крутых спусках.

– Что, брат рыжий, тяжело? – спросил, улыбаясь, Иван с большим интересом. – Ну а с отдыхом как у вас? Праздники есть? С этим вот делом, – щёлкнул по горлу, – или без? Или у вас в Муравьиной республике сухой закон? – Прислушался. В ответ ни звука. – Молчите. Стало быть, у вас с этим делом туго. И признаков к этому делу нет. Строго у вас. Охрана у вас строга, как в лагере военнопленных. А, нет! У вас диктатура пролетариата! Понятно. Демократии и духа нет. И безработицы нет. А жаль вот тебя, брат муравей. – Иван почему-то сорвал твёрдую былинку и, ею обращая внимание муравья, продолжавше-

го тащить сухую травинку, спросил: – А бросить такую тяжесть, брат, нельзя? Да брось к чёрту и надерись, как я, чтобы забыть обо всём на свете!

Муравьи не понимают человеческой речи и не говорят, как люди. Иван не услышал от них ничего. Подумал: «Молчите. Видать, нельзя вам. Ну и хрен с вами, рабы земляные, черти рыжие! Чихать на вас! А я вот пойду и с горя своего нажрюсь...»

Иван давно ушёл, а муравьиная братия продолжала усердно и без передышки трудиться. Они не знали и не узнают, о каком горе жаловался им человек. Они не поймут его горе. Они не будут хлебать того, что он хлебает почти ежедневно... А он между тем быстро шагал в село. В голове одно: где взять самогона и подо что. У него с Кравцовой пусто. Домой нельзя и бесполезно. Да Иван и не стремился туда, зная: теперь дверь родительского дома крепко-накрепко закрыта для него, пьяницы. Иван остановился, ища выход. А он, как считают, всегда есть. Вариантов много. И в голове Ивана их не счесть. Мозги его ещё не высохли и соображали, хотя временами и плохо...

8

В центре села небольшая толпа людей от мала до велика. Из неё раздался громкий возглас. Он привлёк внимание Ивана, стоявшего неподалёку от сборища. Оно вдруг быстро поредело, и Иван увидел возле «Жигулей» незнакомую парочку. Мужчина 30–35 лет, неказистый, среднего роста, с русыми волосами, усами цвета соломы под горбатым носом и с неприятными чертами рябого лица. Женщина – прямая противоположность. Явно моложе по возрасту, ростом выше этого мужчины и гораздо приятнее на вид. Статная, с модной укладкой волос. При улыбке её большие карие глаза сияли солнцем, а на пухленьких щёчках вырисовывались приятные, манящие поцеловать ямочки.

Иван заинтересовался новоявленной парочкой. Спросил тихо:

– Что продаём?

– Ничего не продаём, но можем купить, – зыряка по сторонам, таинственно намекнул горбоносый.

Ивану продавать нечего. Сам гол как сокол. Он сразу потерял интерес к парочке, повернулся уходить.

– А что вас интересует, молодой человек? – раздался за спиной нежный голосок незнакомки.

Иван невольно обернулся, пожал плечами.

– Меня? Собственно, ничего.

– Неправда, молодой человек, – опровергла ответ женщина, пожирая Ивана огромными искрящимися глазами. – Что-то вас интересует. Даже очень. Признавайтесь.

– Водочка его интересует, – вступил в разговор её напарник. – Угадал я? – с улыбкой спросил у Ивана.

– Как в воду глянул, – честно признался он.

Незнакомец подошёл вплотную к Ивану, тихо поинтересовался:

– Может, у вас есть какие-нибудь антикварные вещицы?

– Что это за штуковины? – не врубился Иван.

Женщина с прежней обворожительной улыбкой разъяснила:

– Монеты старинные, пусть даже эсэсэровские. Иль иконы...

– Иконы, иконы, – задумчиво повторил Иван.

– Есть иконы? – в один голос спросили оба.

– Хорошо заплатим! – пообещала красотка.

– И сколько же? – заинтересовался Иван. Глаза его загорелись надеждой на быструю похмелку.

– Неси иконы, посмотрим, оценим. Не бойся, не обидим, – трещал над ухом незнакомец. – Значит, икона?

– Не одна.

– Неси. И будем знакомы. Я Владимир.

– А я Надежда. – Женщина протянула руку потенциальному продавцу. – А вас как?

– Ванька. А у меня дочка Надя.

– Не Ванька, а Иван, – поправила незнакомка, пропустив мимо ушей его замечание о дочке. – Что ж вы так себя унижаете?

– Я... по-деревенски, – ответил на её вопрос, а в голове уже свои планы: «Знакомство для комплектности. Главное, деньги будут! Зна-

чит, выпью! Надо больше иконок взять». А губы между тем шептали вслух: – Надя у меня дочка.

– Слышали. Ты давай неси иконы, – заторопил Владимир.

– Ага. Я мигом, – пообещал, а сам взвешивал мысленно: «Мигом. А если отец дома? Провал задумке! Что ж, риск благородное дело. Кто не рискует, тот не пьёт шампанское!» Вслух бросил коротко: – Ждите здесь. – И помчался стремглав...

Ивану повезло. Дом на замке. Достал из тайника ключ. Огляделся. Поблизости ни души. Быстро открыл замок, пробежал в красный угол. Спихватился: «В чём класть иконы?» – стащил с кровати простыню. Расстелил на столе. Снял все до единой иконы. Завязал в простыню. Взял на плечо награбленное в родительском доме, вышел, запер на замок, положил ключ на прежнее место и огородами, через скотный пригон пошagal к машине новых знакомых.

– Поедемте отсюда, – сказал им, подходя.

– Куда? – спросили разом Владимир и Надежда.

– Подальше, чтоб нас никто не видел.

Скупщики вопросительно переглянулись, насторожились.

– Краденое? – спросила Надежда.

– Моё, – попытался успокоить насторожившихся Иван.

– Тогда зачем прятаться? – хмыкнул Владимир.

– Не люблю, чтоб глазели.

– Так, Иван, никого же нет.

– Сейчас нет, а с минуты на минуту нагрянуть могут.

Все трое быстро сели в машину, заехали за высокие густые кусты сирени. Владимир выключил мотор. Повернулся к сидящему на заднем сиденье продавцу.

– Ну, хвались товаром.

Иван трясущимися от сильного волнения руками с трудом развязал простыню. Скупщики, молча и переглядываясь, стали по очереди брать иконы и внимательно всматриваться в лики святых. Иван не выдержал тишины и неизвестности.

– Ну и какая цена?

– Да так себе, – ответил неопределённо Владимир.

– Как понять? – напрягся с испугу Иван.
– Володя шутит. Неплохая цена, Иван, – успокоила Надежда.

– Все берёте? – воспрянул духом продавец.
– Берём, – подтвердила она.
– И сколько за все? – загорелся Иван.
– Ты-то сам сколько запросишь? – спросила Надежда.

– Примерно... – Иван стал прикидывать в уме.

– Тридцать тысяч, – прервал его прикидки и торги Владимир.

– Тридцать так тридцать, – не споря, согласился продавец.

– Значит, согласен на тридцать? – не поверила собственным ушам Надежда.

– Согласен.

– Володя, рассчитайся.

В считанные минуты пустой карман Ивана пополнился шестью хрустящими пятитысячными купюрами. Но прежде чем положить туда, Иван придирчиво разглядывал их, мял. Вроде бы настоящие. И всё же, вылезая из машины, спросил обоих:

– Не фальшивые деньги?

– Бог с тобой, Ваня, – обиделась Надежда. – Мы люди честные. – И добавила: – Если есть ещё что-то ценное, тебе не нужное, звони нам. Вот, возьми. – Она подала листочек с написанными авторучкой одиннадцатью цифрами.

– Спасибо за всё, – поблагодарил довольный сделкой Иван.

– До свидания, – нежно пропела Надежда.

– Будь здоров, – попрощался Владимир.

– До свидания. Счастливого пути вам! – уже вслед отъезжающей машине крикнул Иван. Помахал рукой и, весёлый, заспешил к Кравцовой.

9

Первой обнаружившей кражу икон оказалась мать Ивана. Она сразу поняла, чьих рук это скверное, даже страшное дело. Только сын знал, где последнее время прятали ключ. А мысли уже летели дальше. Как сообщить о пропаже икон мужу? Как отвести от сына подозрение? Поразмыслив, начала быстро действовать. За-

перла замок, положила ключ обратно в тайник, монтировкой, хоть и с трудом, выдрала пробой. Спрятав монтировку, села на крыльцо и стала ждать мужа.

Ждать долго не пришлось. Ещё на улице увидав мужа, она кинулась к нему навстречу, голоса:

– Коля! Беда у нас! Большая беда-а-а! – Клавдия Филипповна повисла на муже.

– Ты что? Какая беда? – обмер Никанорович.

– Обокрали нас. Средь бела дня-а-а!

– Деньги нашли, что на чёрный день откладывали?

– Не-е-ет. Иконы забрали. Все дочиста.

– О Боже! – Никанорович оттолкнул жену, бросился в дом. Увидав пустой красный угол, рухнул на пол и, как в судороге, забился об него головой. – Кто, кто мог на святое посягнуть?!

– Ног не оставил, – заметила жена.

– Я знаю кто! – крикнул муж и прошептал зло: – Ванька!

– Отец! Ты что?! На сына подумать... Бог с тобой! Скорее всего, чужой кто-то. Говорят, в селе ноне скупщики какие-то ездили на машине. Разное покупали. Говорят, и иконы тоже брали.

– Скупщики, говоришь?..

Клавдия Филипповна пожалела, что упомянула скупщиков. И уже выгораживая их, спросила мужа:

– А зачем, Коля, скупщикам иконы?

– Э-эх! Ничё ты не понимаешь, балда старая. Иконы. Это ж списки! Шестнадцатый век! Они переходили из поколения в поколение. Родовые! А этот наш антихрист стырил их и продал. Поди, ещё и за копейки.

Она тоже подозревала сына в этой страшной, грешной вдвойне краже и не хотела верить. Но ключ! Ключ мог взять только он. И украл иконы только он. И всё же продолжала выгораживать сына.

– Коля, не грехи на Ваню. Зачем ему было выдёргивать пробой? Он бы отпер замок ключом. Ключ-то на месте лежит.

– Ладно, он или не он, всё равно подам заявление в полицию. Она живо найдёт вора, – решил и встал с колен. Сам себе поклялся: «Если Ванькиных рук дело – убью».

Весть о краже икон разнеслась по всему селу. Суды-пересуды. Каждый думал по-своему. Но виновником большинство считало Ивана. Многие видели его возле машины скупщиков... Удивляло сельчан и то, что с того дня он и Кравцова были трезвы как стёклышко, в шинках и в магазинах не появлялись... Парочка действительно никуда не ходила. Терпела, чтобы не попасть под подозрение. Сельчане уже засомневались в своих предположениях о воре...

– Зачем тыкать пальцем на Ивана? Исправляется, пить бросил. И зазнобушку заставил бросить пьянствовать, – говорили одни.

– До поры до времени, – возражали другие. – Всё всплывёт...

10

Светло и душно в кабинете участкового. Он стоит возле окна, распахнутого настежь, задумчивый, невесёлый. Новое дело, и к тому же необычное, озадачило его. Садясь за стол, предложил:

– Может, Николай Никанорович, не будете подавать заявление? Сначала поговорите с сыном...

– С Иваном? Нет у меня такого сына! – вскипел заявитель.

– ...Спросите, куда иконы дел, – продолжал сдержанно участковый, не обращая внимания на вскрик. – Если признается, пусть скажет, на какой машине были скупщики. На той, что все видели в селе, или на другой. А я уж приложу все силы, чтоб их разыскать.

– Чё искать-то скупщиков. Опросите всех, кто ихнюю машину видел. Мож, кто и номер запомнил. А Ванька... – безнадежно махнул рукой.

– Насчёт машины... я побегаю, поспрашиваю. Но с сыном ты всё-таки поговори. Не сажать же его в тюрьму. – Участковый взглянул, изучая, на заявителя. – Запрятать хочешь Ивана?

– Хочу! – выстрелил мгновенно Никанорович и вышел.

Время близилось к полудню. Ярко светило солнце. Но настроение Никаноровича отнюдь не солнечное. Как ни крути, а идти в дом Кравцовой придётся. И он пошёл. Однако не дошёл. Иван,

лёгкий на помине, шагнул навстречу. Остановились друг против друга. Никто не сказал ответственного слова. Отец, глядя по-звериному, исподлобья, вскипел:

– Твоих подлых рук дело?!

Иван был абсолютно трезв (чем удивил отца) и, понимая неизбежность этого вопроса, давно приготовил ответ.

– Какое дело? – притворился ничего не знающим он.

– Иконы!

– Что иконы?

– Не притворяйся, паразит! Как ты мог?! Чтoб руки отсохли!

– погоди трещать, отец, – с невинным лицом попросил сын. – Зачем мне твои иконы?

– Не юли! Верни все!

Иван пришла мысль позлить отца. Насмешливо подтрунил:

– Ну я снёс идиолов твоих, ну продал. Ох, какая ценность! Ох, какая беда!

Это не просто обидело, а взорвало отца.

– Антихрист! Не смейся над родным отцом! – Вдруг резко изменил тон: – Последний раз умоляю, верни...

Сын ликовал: ненавидевший человек перед ним почти на коленях! Скривился от ненависти, злорадoнно бросил:

– Ах-ах-ах! Молиться не на что.

– Тьфу на тебя, идиот, антихрист! – плюнул в сердцах отец и медленно, словно полуживой, пошёл прочь. А в голове всё сильнее утверждалась страшная задумка: «Убью! Убью!»

– Идеалист поганый! – кричал вдогонку разозлившийся сын. – Веришь в загробную жизнь. В раю мечтаешь пожить. Нет, батя, тебя и там червь достанет и сожрёт. И ни одна икона тебе не поможет, как ни молишь, хоть лоб разбей! А я что? Напьюсь да напьюсь. Сейчас мне на всё наплевать! Забуду, что живу. Мёртвый я, хоть и дышу ещё. И наплевать, кто потом меня будет жрать и где. Пусть жрёт кто захочет. А ты не отец! Сына родного вышвырнул из дома и живёшь спокойно. А как икон лишился – сам мёртвым стал...

Отец давно не слышал истеричного вопля и уже не говорил ничего, только в висках упруго билось: «Убью, убью!»

11

Никанорович, вернувшись домой, направился напрямик к тайнику. Откопал ружьё и патроны. Зарядил и, ничего не говоря жене, копавшейся в доме, отправился искать сына...

Иван снова не устоял перед зелёным змием... Едва вышел из шинка, раскупорил бутылку и прямо из горлышка выпил четверть её. Весело зашагал к Кравцовой...

А в доме Клавдии Филипповны переполох. Только что к ней вбежала запыхавшаяся, с выпученными от испуга глазами бабка Варвара.

– Клавдия, куда это твой хозяин полетел как ошпаренный с ружьём? Ой, не натворит ли беды?!

– Когда? Куда? С каким ружьём? – вытиралилась от удивления Клавдия Филипповна.

– Откуда мне знать? Но видела я ружьё у него. Вот как тебя сейчас вижу.

– Ой, мамочка моя! Эт он пошёл Ваню убивать! Ой-ой-ой!

Не сговариваясь, обе побежали, как могли, к Кравцовой.

– Где Ваня? – с порога крикнула Клавдия Филипповна.

– Нет его дома, – огрызнулась хозяйка.

– Где же он? Ить беда! Беда! – голосили старушки, уже без сил выходя от Кравцовой.

Та было спокойно присела у окна. Подумала: «Верно, беда. А деньги от продажи Ванькой икон у меня». Тут её словно кто-то стеганул, подгоняя, кнутом. Она выскочила на улицу, помчалась по ней, сама не ведая куда, громко крича: «Не то, не то, беда!...»

Прогон, именуемый скотным, для крупного скота, что межа в центре села, где тучно растут тополя, высокие, стройные, с тёмно-зелёной листвой. Они своими кронами хорошо хранили от палящего солнца живительную прохладу для всего, что под ними.

В середине этой аллеи столкнулись лоб в лоб выпивший сын и вооружённый отец. Их разделяло всего каких-нибудь метров десять. Отец, разъярённый недавним подначиванием сына, часто дыша, исподлобья глядел на спокойно стоящего «антихриста».

– Убивать пришёл? – усмехнулся Иван, отхлебнув из бутылки.

– Ты, сынок, душу дьяволу продал, и его облик принял, и вонючими помоями из шинка желудок травишь, ум терзаешь.

– Не твоё дело уже! Стреляй!

– И убью. Но сначала...

Сын бухнулся на колени, закричал истерично.

– Хочешь скорчить из себя Тараса Бульбу?

Короткая пауза. Тишина. Всего одна-две минуты, и Иван умрёт.

Отец уже снял с плеча ружьё. Взял курок. Второй. Отец заговорил, уточняя и обвиняя:

– Андрей предал отца и брата Бульбу из-за любви к женщине-полячке. А ты за что продал душу дьяволу и род наш позорил?..

– Батя, ты же верующий... – Иван стал бить ладонями по земле. Потом выпрямился. Усмехнулся: – Неужели правда стрельнёшь, батя? – Вдруг вскочил на ноги, двинулся на отца. – Задушу!

Никанорович нажал на курок. Прогремел выстрел. Иван снопом рухнул на землю. Стрелок стоял покачиваясь, будто не мог выдержать, куда теперь идти. А из-под мёртвого сына медленно вытекала кровь.

– Вот так, сын, – тихо подходя к лежащему на спине Ивану, выговаривал Никанорович. – Ты много попил моей кровушки. Теперь лежишь в своей. – Опустился возле ещё тёплого тела сына, простонал с жгучей болью: – Прости, Господи, мою душу грешную за содеянное только что. И прими и очисти душу раба твоего Ивана. – Никанорович стал потихоньку подниматься с колен, а со всех сторон на звук выстрела шли всполошённые люди. Прибежала и Клавдия Филипповна, и следом бабка Варвара. Поздно прибежали. Приговор отца уже приведён в исполнение. Им самим же. Без следствия и суда. А

Виктор ФОМЕНКОВ

Геннадий ХАЛДИН

* * *

Зодчему – форму,
Писателю – слово,
Ваятелю – глину,
Художнику – цвет;
Киту тёмно-синему –
Тонны планктона,
Ослепшей собаке –
Дай, Господи, свет.

Дай белым медведям
Арктический холод,
Дай пищу акулам
Тигровым и «молот».
Дай бедному палку,
Богатому – трость
В стержне которой
Слоновая кость.

Дай знать человеку:
Где он и кто он,
В пруде карасю –
Льдом берег не скован?
Дай птице в пустыне
Водицы напиться,
Крещёному прорубь –
Водой окатится;
Могиле заросшей –
Литию, свечу;
Окнам зашторенным –
Щелку к лучу.

* * *

Измолотил не ту я ниву
И знак мне нужный проглядел.
Вместо узды вцепился в гриву
И в столб дорожный налетел.

Вместо закваски месил глину,
Вместо овса я мак сажал.

В итоге нужную картину
Я на обертку променял.

Ни дать ни взять – сижу в квартире,
Смотрю на белый потолок;
На потолке – мишень, как в тире,
На ней – невнятный образок.

Скажи, как жить не в половину,
Ваятель наш и форм Творец,
Чтоб не месить нам снова глину
И не идти в глухой конец.

Скажи: «Грешно, не надо грабить».
Пример собою покажи,
Чтоб в третий раз на те же грабли
Нам вместе всем не наступить.

И озабочен форм Ваятель –
Он бросил стек и молоток...
А я лежу, как наблюдатель,
Смотрю на белый потолок.

* * *

Не стучи, судьба, в ворота,
Не стучи в открытый ставень,
Удались до поворота,
За могильный спрячься камень.

Разверни оглобли в небо,
В круг проема для свеченья –
Улетят на крыльях беды,
Воцарится час говенья.

Без тебя у берега будут
Волны с гребнем подниматься,
И дельфин в игре с разбега
Будет в бездну погружаться.

Будут травы колоситься,
Будет век хромать как прежде,
Твои сломанные спицы
Бросит шторм на побережье.

Ульяна КОРЧАГИНА

Поздняя осень – время, которое легко назвать безвременьем, переходным периодом из состояния томной грусти в мучающую тяжёлую тоску по прошлому, по ещё не наступившему, но уже оплаканному будущему, время, застывшее между двумя ударами сердца.

Низкое серое небо нависло над городом, вобрало его в свою утробу, ослепило, лишило света, запахов, музыки. Утро выдалось на редкость ненастным: мелкий, почти невидимый дождь, покрывающий лицо и руки мокрой холодной плёнкой.

Антонина Ивановна Синичкина не носила зонтиков (никогда их не жаловала). Зябко подёргивая плечами, как птичка крылышками, и часто переставляя ноги в стареньких залатанных сапожках, она шла на почту, где работала уже без малого три года. В её шестьдесят потребность быть кому-то нужной служила основной движущей силой жизни. Одиночество преследовало её, пугало, заставляло плакать по ночам. Последнее время всё чаще она лежала в темноте на подушках, широко

открыв глаза, вглядываясь не в застывший над кроватью сумрак, а куда-то дальше, глубже, в тоскливый шевелящийся ужас внутри себя, и слушала, слушала, сведя в судороге пальцы на груди, в тяжёлой тишине ночи шум своего одиночества. Непременно приходило смутное давящее чувство, неосознанное, не оформленное мыслью, но ясное и оттого страшное, что она что-то просмотрела в этой жизни, проглядела саму жизнь. А может, жизнь её проглядела.

Маленькая, щуплая, с несуразно большими испуганными глазами, эта женщина вызывала какое-то бесконтрольно щемящее чувство, которое обычно испытываешь при встрече с брошенным щенком. Она до сих пор была болезненно очаровательна в своей беспомощности, которая, однажды родившись с ней вместе, увязла и застыла в её душе, как застывает мушка в капле смолы, не в силах выбраться. Она была тем человеком, которого бессознательно, не отдавая себе ясного отчёта, выберут из тысячи, чтобы посторожить вещи на пляже или сумки на перроне, которому оставят коляску с

ребёнком у входа в супермаркет. Весь её облик вызывал безоговорочное доверие.

В настоящее время наша героиня носила пенсии. Дело было ответственное, но кому, как не ей, могло оно быть доверено без лишних вопросов? А как искренне любили старики свою маленькую почтальоншу! М-м-м... не отпускали, не напоив чаем, не наговорившись. А ей, бывшей учительнице русской словесности, очень не хватало живого общения.

В мокром асфальте отражались фонари. Под ногами они приходили в движение, разбегаясь светящимся многоточием в стороны, как испуганные живые светлячки. Радужные разводы бензиновых вкраплений в лужах составляли причудливые палитры осени, тогда как деревья и кусты вокруг уже потеряли свои краски, обнажив узловатые, артритные остоны ветвей. Утро выдалось тихое, мокрое, безлюдное. Почтальонша вошла в заспанный двор обыкновенной панельной многоэтажки, ёжась и вздрагивая под стареньким плащиком. В подъезде она достала из кармана носовой платочек и вытерла мокрую паутинку дождя с лица.

Первым в её списке на сегодня значился дед Макарыч. Отставной военный в свои девяносто был всё так же искренне, как и в молодости, уверен в своём мужском обаянии. Выпуклые старческие ключицы в вырезе застиранного халата напоминали окаменелую чайку, раскинувшую крылья в своём последнем усилии набрать высоту. А между ними на тощей голой шее красовалась бережно повязанная и отливающая всеми оттенками синего симметричная тряпочка галстука, вероятно, призванная создать впечатление интеллигентности и утончённости. Это яркое пятно смотрелось до того нелепо, что вызывало тяжёлое чувство острой жалости и дурацкого драматизма.

Дверь он открыл сразу, и по всему было видно, что Макарыч ждал гостя. Удивительно живые, по-детски ясные глаза сияли из-под косматых бровей старика, из ушей воинственно и комично торчали пучки седых волос. Впустив женщину, он долго шаркал у двери, смущённо улыбаясь и всё повторяя тихим дребезжащим голосом:

– Утро-то нынче ненастное какое, не правда ли? Не правда ли, осень? Осень нынче...

Он помог даме снять пальто, несмотря на отчаянные попытки Антонины Ивановны проделать это самой, и, повесив его на единственный гвоздик у двери поверх серенького своего сюртука, предложил скороговоркой:

– Не ли... не выпить ли вам... нам чаю? – запутавшись таким образом в продуманных, но непослушных при озвучивании словах, он снова смущённо заулыбался, теребя край халата длинными узловатыми пальцами. Он боялся, что Антонина Ивановна откажется и, просто отдав положенную сумму, уйдёт из его дома. А он останется один на один с ненастной осенью за окном и такой же осенью на сердце.

– Иван Макарыч, дорогой, я, конечно, выпью чашечку, – улыбнулась женщина. Чуткая душа её понимала всё несказанное и видела свет, струящийся из-под тяжёлых век, и этот галстук опять же, как флаг на тонущем фрегате, и дрожание рук старого полковника.

Макарыч проводил её на кухню, при малейшей возможности галантно подставляя свою худую руку с длинными узловатыми пальцами, что было совсем не лишним в длинном тёмном коридоре, заставленном старым хламом.

Сидя за шатающимся трёхногим столиком, Антонина Ивановна отсчитывала нужную сумму. А Иван Макарыч возился у плиты, трясущимися руками наполняя чайник, ставя его на конфорку, сея вокруг себя руками, головой и всем существом своим суетливые неровные движения. Он с отчаянностью первой подростковой любви ощущал её на своём табурете в своей кухне, и ему казалось, что именно так правильно, именно здесь ей и надобно находиться, и улыбаться, и молчать. Эта женщина – последняя деталь огромного пазла его жизни, необходимого для полноты и завершенности картины.

Под маленьким табуретом, на котором сидела она, что-то тихонько шуршало, отвлекая и озадачивая.

– Я ведь живу одиноко, милая Антонина Ивановна, – говорил он ей, отвернувшись к плите, – ваши визиты ко мне – праздник.

Почтальонша положила на стол тетрадь и ручку. Дед приготовился разливать чай по большим керамическим кружкам. Из маленького заварного чайника шёл неповторимый аромат чёрного чая, приправленного мятой, мелиссой и ещё какими-то чудесными травами. Макарыч снова засуетился, доставая из шкафчика припасённые заранее конфетки, развернул целлофановый пакетик.

Кухонька наполнилась запахами леса, полустёртыми воспоминаниями дачного лета, обрывками, оттенками, мелочами, которые вместе несли в себе давно забытое, но упоительное ощущение счастья. Чаю не хотелось, и почему-то сделалось грустно.

Антонина Ивановна взяла в руки кружку и всё сидела с ней, обхватив руками её толстые глиняные бока, вдыхая заваренное на кипятке лето, грея об него свои тонкие пальчики. Дед сидел рядом, опустив глаза, боясь нарушить их такое близкое молчание. Тихо щёлкали ходики на стене, и что-то потихоньку шуршало под табуретом. Наконец она очнулась, слегка потряхнув головой и закрыв на мгновение глаза, потянулась шеей, отпила и мягко посмотрела на него:

– В жизни не пила ничего вкуснее...

Макарыч кивнул, приготовил ручку и придвинул к себе тетрадь. Подпись свою он начертал размашисто, с былой удачей. Глаза его весело заблестели, усы растопоршились в стороны, пропуская улыбку.

– Ой, не здесь бы мне хотелось расписаться с вами, Антонина Ивановна, честное слово! – задорно проговорил он, отчаянно понимая, что так и только так достанет у него смелости сказать это. Спрятавшись за весёлый, шутливый тон как за единственно возможное укрепление, он приготовился выслушать заранее известный ответ.

– Иван Макарыч, ведь вам девяносто!

– Дак и что с того? – засмеялся он. Худые плечи его мелко и нервно запрыгали. – Зато каков – погляди!

Дед подбоченился, выставив грудь, наглядности которой обрадовались бы в кабинете биологии любой средней школы, галстук

выдвинулся вперёд и сиял в свете настольной лампы.

– Я ведь крепкий старик. Всегда был крепок. Знали ли вы, любезная Антонина Ивановна, что лет десять тому назад укусил меня клещ? Я тогда сразу-то не заметил. А потом поздно было – заболел я, как его, цефалитом. Клещ, понимаешь, сволочь, заразный оказался. Потом менингитр случился. А что это за болезнь, известно вам? – Макарыч выкатил глаза и выдержал паузу. – Страшная болезнь! После менингитра человек либо умирает, либо дураком становится!.. Всё, думали, отбежался дед, а нет тебе, не из таких передрыг выходил! Выжил. Видишь, до сих пор живу, хоть бы что! И собираюсь жить ещё долго!

Антонина Ивановна, старательно пряча улыбку за тёплой ещё кружкой, кивала ему:

– Ничего, Иван Макарыч, ничего... Всё наладится...

Хороший он всё же дед. И человек хороший. Люди рассказывали, что, будучи ещё лейтенантом, командовал он взводом мальчишек, проходящих службу в армии. И вот как-то проводились в рамках занятий учения по метанию боевой гранаты. Всё в тот день шло гладко. Гремели взрывы, мальчишечьи души замирали от восторга, в крови кипел адреналин. И если бы не рядовой Тюрин, которого все именовали Тюрей, всё бы хорошо и закончилось.

Тюря был из балетных, один Бог знает, каким ветром его занесло в армию. Видимо, совестливый был парень, хотел, как все, отдать долг Родине. Кидал он последним. После команды «Граната, огонь!» боевой снаряд полетел невысоко и недалеко и, ударившись о земляную насыпь возле окопа, свалился вниз, под ноги несчастному солдату и его командиру. С нечеловеческой быстротой и неведь откуда взявшимся талантом футбольного нападающего пнул Макарыч гранату так, что она вылетела за пределы окопа. Накрыв собой остолбеневшего солдата, лейтенант получил контузию, но выжил и вернулся на службу спустя пару месяцев, став легендой и героем.

– Ваша правда, Иван Макарыч, вы и сейчас хоть куда. Ничего, Иван Макарыч, всё пройдёт...

всё наладится, – всё повторяла Антонина Ивановна и краснела, как девочка, и всё не могла придумать, что сказать нужного, подходящего случаю, чтобы не обидеть. В смешном и нелепом старике умела она видеть того 28-летнего лейтенанта – безрассудного, бесшабашного, настоящего мужчину и героя. Умела видеть и уважать. И оттого она сердилась и досадовала на себя за неспособность с достоинством выйти из положения и сама чувствовала себя смешной и глупой.

– Пора мне, Иван Макарыч, честное слово, пора. Не огорчайтесь! Я вас навещу как-нибудь просто так, не по службе.

– Навестите?

– Ну конечно, навещу, вот хоть в воскресенье непременно навещу вас.

Антонина Ивановна поднялась с табуретки и тихонько глянула под неё, пытаясь понять, что за странные звуки порой доносились оттуда до её ушей. Под табуреткой стояли пустые стеклянные банки, которые обычно добрые хозяева не выкидывают, а моют и оставляют, готовя под засолы. Засолов, конечно, Иван Макарыч уже лет двадцать не готовил, но банки держал на всякий случай. Мало ли, понадобятся, ищи потом... В одной из таких, в трёхлитровой, возился в сухом сене и опилках маленький серый мышонок. От неожиданности Антонина Ивановна вскрикнула, отпрыгнув в сторону.

– Это Матрёшка, – горестно пояснил дед, – сама ко мне пришла. – Он виновато икнул и опустил глаза. – Я совсем забыл её убрать. Видно, и правда стар я.

Антонина Ивановна дотронулась до его руки, слегка пожав её, и прошла в коридор.

– Обязательно навещу...

Почтальонша направилась вниз по лестнице, а Макарыч молча смотрел, как маленькая белая ладошка её спускалась по перилам вниз, подобно рыбке, уходящей всё дальше и дальше в глубину.

А Антонина Ивановна вспоминала уже соседний дом, где ждала её милая чета стариков Гусякиных. Дети у них проживали где-то в Испании, там же были и внуки, и правнуки. А они доживали свой век здесь, рядом с могилами

своих родителей, рядом со своими воспоминаниями, старенькие, больные и счастливые. С ними так чудесно посидеть полчаса в тёплой кухоньке, послушать истории о южной прекрасной стране, о смуглых горячих испанцах и неведомой жизни, поговорить о молодости, о детях, попить травяной чаёк с валерианой, согреться душой...

Но до них ещё... Анфиса Дормидонтовна... Этаж первый.

Резкий чудовищный звук звонка разрезал тишину и утонул в глубине квартиры. Затем к двери прошлёпали мелкие шаги, глазок за дверью на несколько секунд потемнел, звякнула цепочка на двери и по очереди стали открываться засовы: один, два, три.

– А-а-а, Антонина Ивановна, заходите, заходите. Вот только тапочек нет у меня, так что вы не обессудьте, босиком придётся... Знаете ведь, гостей я не слишком жалую. – Высокая седая женщина торопливо скрылась в кухне, мелькнув фланелевым халатом и оставив после себя шлейф чесночного запаха. – Ну кроме вас, разумеется, – послышался из кухни громкий её голос после неловкой паузы.

– Спасибо, Анфиса Дормидонтовна!

Пройдя в кухню следом за хозяйкой, Антонина Ивановна надеялась быстренько закончить дела с этой неприятной подозрительной старухой, бывшей прокуроршей, не дававшей покоя никому в пределах досягаемости её интересов. Анфиса Дормидонтовна умудрялась поссориться со всеми, с кем сводила её судьба. Сейчас, на пенсии, у неё оставалось только два хобби: она сажала цветы, поскольку привычка сажать была неистребима, и строчила анонимки в полицию, в отдел нравов, в санинспекцию, в ЖЭУ, в Мосводоканал и даже в администрацию президента. Она бы отыскала и более высокие инстанции, если бы не мешали смутные сомнения в разумности подобных действий.

– Вы представляете, милейшая, – голос хозяйки квартиры высокими скрипучими нотами мог сравниться разве что с её входной дверью, – вчера только узнала, что напротив меня квартиранты уже третий день живут! Представляете? Стала такой невнимательной,

рассеянной! Возраст... – Картинно вздохнула. – А ведь Маруся наверняка нелегально их впустила, уж я-то людей знаю! – Тут она поджала губы, и рот её превратился в тонкую розовую линию, едва заметно треснувшую посередине.

Антонина Ивановна молча достала бланк и деньги. Вступать в дискуссию не хотелось, поскольку людей такого скандального, нахрапистого склада характера она страшно боялась. Она не могла держаться с ними свободно, пугалась собственных мыслей и слов, просящихся с языка, естественных и искренних, не позволяла выдать своё несогласие ни словом, ни взглядом, отчасти опасаясь обидеть человека, отчасти стать эпицентром вульгарного и неприятного интереса к себе или ещё хуже, критики, недовольства и оскорблений.

– Знаете, что я вам скажу, – продолжала хозяйка с интонацией плохо скрываемого превосходства, – я ведь многое повидала!.. Люди-то по своей сути испорченные все – гниленькие людишки. Просто кому-то везёт больше в жизни, и им удаётся свою тёмную сторону не показывать до некоторых пор, а кому-то везёт меньше, и их тёмная натура так и сочится завистью и злобой к тем, первым. А с деньгами и везением тоже хорошим-то не удержишься долго. Большие деньги сами в руки не идут. А? Так что и получается, что все гнилые, все. Поэтому и нарушают закон.

Антонина Ивановна только вздохнула и принялась искать в сумочке нужный пакет.

– А вы не вздыхайте, Антонина Ивановна. Тоже небось праведной себя считаете? Вижу я вас насквозь. Бла-а-агостной хотите казаться. А только нет таких! – тявкнула хозяйка. – Я всю жизнь вывожу людей на чистую воду. Понимаете? – Глаза Анфисы Дормидонтовны колелись, как две иголки. – Такое моё жизненное предназначенье, крест, если хотите. И какое уж тут признание!

Вот давеча пришло мне направление из поликлиники. Читаю: «на ректальную тонзиллэктомию». Ах, подлюки, думаю, нет бы раньше вспомнить об уважаемой пенсионерке, которая не покладая рук своих много лет занималась чисткой нашего гнилого общества... И что? –

остановилась вдруг она, многозначительно и выжидающе смотря на почтальоншу.

– Что? – не выдержала Антонина Ивановна.

– А то, что нет мне покоя и никогда не будет! – взвизгнула хозяйка. Глаза-иголки старательно и безжалостно ковыряли в маленькой почтальонше дырку. – Прихожу я в поликлинику, показываю бланк в регистратуре. А они смотрят на меня, как на полоумную, мол, знать не знаем, к какому вам врачу. Не знали они! Это они меня ещё не знали! А я до главврача дошла, требовала, чтоб мне мои права соблюли, значит, и сделали, что обещали. Главврач, собака, смеялся как ненормальный, чуть не помер от смеха. Я даже пообещала в суд на него подать. Тогда он мне и говорит, что, мол, пошутили так надо мной, что нет такой процедуры в помине. Дескать, гланды через прямую кишку не удаляются! Представляете, милейшая?

Старуха Дормидонтовна выжидательно смотрела на почтальоншу, ждала реакции, затаившись, как змея перед броском.

Антонина Ивановна залилась краской, сделавшись похожей на грунтовый помидор, но ни один мускул не дрогнул на её лице, ибо не дай бог слабости улыбнуться в такой ситуации! Иметь во врагах такую женщину, как Анфиса Дормидонтовна, не захочет ни один здравомыслящий субъект.

– Как же можно смеяться над пожилым человеком? – поддакнула она, придя в себя. – Забудьте. Бог им судья!..

– Экая вы, добренькая, Тонечка Ивановна, бла-а-агостная, – снова протянула удовлетворённая хозяйка, – а я вот поклялась себе, что найду чёрта, что подшутил так надо мной, и лично сделаю с ним такую вот процедуру!

Когда с формальностями было наконец покончено и скрипучий глас входной двери пропел Антонине Ивановне на прощанье несколько фальшивых нот, она была бесконечно рада этому холодному промозглому утру, потому что дальше её ждали удивительно приятные люди.

Дождик прекратился. Ветер почти не шевелил редкую омертвелую листву. Было ещё темно. Фонари продолжали гореть.

Антонина Ивановна остановилась, чтобы выдохнуть казавшийся отравленным воздух квартиры на первом этаже, вдохнула полной грудью густой тяжёлый туман поздней осени и прошла по длинному жёлтому газону между двух домов, намереваясь сократить путь. Она свернула в небольшую арку между домами, которая выходила на улицу.

Арка была длинная и довольно узкая. Свет фонаря с улицы слегка пробивался внутрь арочного пространства, выхватывая с другой стороны куски белого тумана.

Антонина Ивановна вдруг с испугом услышала, как громко трещит её сумка на колёсиках. Звук скакал по стенам, как шарик пинг-понга, отлетая от одной стены и ударяясь о другую, снова отлетая. И тут вдруг накатило на неё иррациональное, не поддающееся рассудку чувство, которое так ясно ощущается в минуты опасности! В груди родился тяжёлый болезненный комок, который подкатывал к горлу и вызывал тошноту. Она постаралась идти тише, но так было ещё страшнее, потому что был слышен каждый удар сердца. Казалось, даже этот звук ударяется о стены, становясь раскатистым эхом. Из рта вырывались маленькие клубы тёплого воздуха, как кусочки беспокойной души, которая мечется внутри тела, не находя себе места. Накатывала безотчётная липкая паника.

Так и есть. С улицы в арку влилась чья-то тёмная фигура и направилась навстречу. Дальше всё произошло так быстро, что Антонина Ивановна совершенно не в силах была осознать произошедшее.

Высокий, чуть сутулый человек в тёмной кожаной куртке сделал несколько быстрых шагов навстречу. Он держал руки в карманах, однако, когда проходил мимо почтальюши, рука его вдруг нырнула в темноту и одним резким сильным движением вырвала из её рук сумку.

Не оборачиваясь, человек зашагал прочь. Он шёл быстро и нервно, переходя время от времени на бег. Вор удалялся, а Антонина Ивановна смотрела ему вслед, совершенно опешившая. Даже рассмотреть его она толком не успела. Сердце в груди щёлкало, разгрызая орешки секунд с чудовищно-болезненным

усилием. Кровь стучала в висках и мешала сосредоточиться.

Всю свою жизнь Антонину Ивановну Синичкину преследовал страх. В детстве она до боли боялась оказаться в смешной или нелепой ситуации и очень страдала от клички, которой её окрестили одноклассники. Они называли её «лемуром» за большие глаза и неторопливость, причина которой крылась в пробудившейся ранней женственности, уже волновавшей и одновременно оскорблявшей их. Она готова была провалиться сквозь землю, когда на весь коридор раздавалось громкое издевательское «лему-у-ур!». Правда, провалиться так ни разу и не получилось, поэтому она просто пряталась за чьими-то спинами. Страх преследовал её.

Она боялась огорчить родителей, не оправдать надежд, провалить экзамены, не поступить в институт. Она пряталась за спинами родителей, когда уезжал в другую страну её любимый Иннокентий Гаврилыч, её учитель, её любовь, связь с которым у них продолжалась много лет. Она так и не нашла в себе сил ни признаться родителям в этой, на её взгляд, порочной связи (ведь он был её учителем!), ни бросить всё и ехать с ним на край света. Было проще спрятаться, закрыть свои большие глаза и притвориться, что ничего не происходит, ничего не было и вообще – никому её не видно. Такой вот детский сад! Господи, какой детский сад!

Карусель мыслей пронеслась в голове за доли секунды, вырывая из памяти бесконечные моменты, возможности, дороги. И всегда рядом был её неотступный преследователь – страх, её спутник по жизни, её господин, её мучитель, её единственный сожитель теперь и до конца дней. И вот сейчас ей некуда прятаться. Она с ним один на один.

В сумке лежат чужие деньги, деньги, которые ждут старики Гусякины и другие старики, тянувшие свои скудные пенсии до сегодняшнего утра. Имеет ли она право теперь на свой страх? Нет! Боже мой, нет! Она не может снова закрыть глаза ладонями и делать вид, что ничего не случилось. Что она не виновата... Надо что-то делать!

Антонина Ивановна судорожно глотнула и

сделала несколько неуверенных шагов вслед за вором. Может, крикнуть? Нет, не сможет она. Тишина стоит такая, что в ней утопиться можно! Попробуй крикни. Господи, да что же она за человек такой?!

Так некстати вспомнился вдруг урок литературы, где она рассказывала шестиклассникам, как Александр Суворов отбирал себе солдат. Напугав человека резким окриком или как-то иначе, смотрел главнокомандующий, приливает ли кровь к щекам солдата или бледнеет он, как барышня. Понятное дело, преимущество было у солдат, что краснели лицом. Считалось, что именно они бесстрашны в бою. Теперь же вдруг открылась беспощадная истина – послал бы её Суворов туда, откуда не возвращаются, и пинка бы прилепил для ускорения.

И Антонина Ивановна побежала за вором. Сначала медленно. Потом всё быстрее. Движение придавало силы, отгоняло страх. Конечно, никакого плана не родилось в её голове. Она просто бежала за худой высокой фигурой, несущей её сумку. Он уходил во дворы, откуда только что вернулась она сама. Чем ближе становилась цель, тем глупее выходила ситуация. Но думать было некогда.

Пожилая почтальонша была уже метрах в пяти, когда парень услышал шаги и обернулся. Молодой, сутулый, бледный. Под грязной кепкой, сдвинутой на лоб, стали видны серые близко посаженные глаза. Неестественно вытянутое лицо парня (следствие разросшихся и не вырезанных в детстве аденоидов) вытянулось ещё больше, примерив на себя на несколько секунд выражение искреннего, почти детского удивления.

– Ты че, мать, офигела совсем? – только и смог он произнести, отступив на пару шагов к краю тротуара.

И тут Антонина Ивановна с разбегу врезалась в него, слегка развернувшись плечом. Она была мала ростом и вес её тела был невелик, даже умноженный на ускорение, но парень, отступая назад, споткнулся о бетонный поребрик тротуара и с размаху полетел на жирную влажную землю газона.

Такой поворот событий совсем не входил в его планы. Артур был наркоманом, его ломало

с позавчерашнего вечера. Леший не отвечал на звонки уже неделю. Он так и сказал, что найдёт его сам, как только Артур наварит денег. Он же и подсказал ему беспроигрышный вариант с местной почтальоншей. Ему приходилось воровать, но драться с женщиной, да ещё пожилой, до сей поры не случалось.

Антонина Ивановна, также не сохранив равновесия, полетела на вора сверху. От страха она уже, казалось, совсем перестала связно мыслить. Скатившись с ошарашенного молодого человека на мокрую рыжую траву, женщина схватила свою сумку, которая отлетела в сторону в результате падения. Сумка была привязана к колёсикам металлической складной тележки. Размахнувшись, почтальонша со всей силы ударила ей поднимавшегося с травы парня по голове. Ею двигало какое-то первобытное чувство, инстинкт – или она, или её. Парень попытался закрыться рукой, но всё же получил рассечение брови. Кровь хлынула из раны, стала заливать глаз и щеку. Её было много, очень много! С трудом понимая, что происходит, молодой человек размазывал её по лицу некоторое время, основательно испачкав ладони и куртку.

Антонина Ивановна с ужасом смотрела на дело рук своих, но едва сообразив, что она (слава Богу!) никого не убила, начала пятиться по мокрой траве обратно к тротуару.

Парень, казалось, тоже пришёл в себя. Он смачно выругался, исподлобья глядя на женщину. Теперь у него не было выбора. Ему нужны были деньги и не нужен свидетель.

У маленькой почтальонши выбора не было тоже, поэтому она бросилась бежать. Но куда? Они находились во дворе четырнадцатэтажного жилого дома, но, как назло, ни один из жильцов столь массивного муравейника не начинал свою рабочую пятницу в столь романтичный час!

Страх был сейчас её союзником. Он нёс её на своих крыльях. Сумка мешала, но женщина бежала быстро. Мимо стоянки, мимо лавочки... Вот он, подъезд номер один с самым доступным кодовым замком на свете! Нажав 1, 2, 3, Антонина Ивановна вбежала внутрь, надеясь,

что дверь закроется быстро и у неё будет шанс вызвонить кого-нибудь из жильцов и вызвать полицию.

Протяжно заскрипев, массивная металлическая дверь медленно начала закрываться. Но в последний момент длинная ступня, обутая в грязный кед, просунулась в щель. Почтальонша кинулась к квартире прокурорши Дормидонтовы. Нажав на кнопку звонка, она побежала вверх по лестнице. «Пожалуйста, ну пожалуйста, открой дверь», – мысленно повторяла она.

Дверь не открылась. Вор догнал Антонину Ивановну уже между первым и вторым этажом. И тут пожилая женщина подавилась криком. Боль была такой сильной! От удара в лицо почтальонша отлетела к стене и, стукнувшись затылком, стала медленно оседать на пол. Голова болела так, что невозможно было даже шевелить глазами, даже мычать – сознание, казалось, цеплялось за невидимую тонюсенькую ниточку. Но цеплялось крепко. Подкатывала тошнота. Вор постоял секунду, видимо, думая, не добить ли женщину, но решив всё-таки не марать руки более тяжким преступлением, схватил сумку и бросился по лестнице вниз.

Казалось, ничего уже не соображавшая Антонина Ивановна дёрнулась в его сторону и успела схватиться за грязный кед убежавшего парня. Он мгновенно потерял равновесие и с диким криком полетел на лестницу. Крепко держа ногу подлого вора, съехала следом по ступенькам почтальонша.

– Отвали, сука! – хрипел он, лёжа на лестнице и отчаянно дёргая ногой. – Убью-ю-ю!

В голове Антонины Ивановны раскатистым эхом отдавалось только далёкое «ю-ю-ю...». Нога выскальзывала. Что делать? Ещё немного, и вор уйдёт. Пожилая женщина собрала последние силы и, подтянувшись ближе, вцепилась зубами в лягавшую её ногу повыше лодыжки прямо через чёрный, грязный и дурно пахнущий носок.

– А-а-а! – завопил парень.

– Стоять! – вдруг гаркнул сверху мужской голос.

Антонина Ивановна и незадачливый грабитель разом подняли головы. Сверху, в лестничном пролёте второго этажа, стоял старик

в длинном фланелевом халате и стоптанных тапочках. Седые волосы были всклокочены. В руках у него была охотничья берданка. Он демонстративно щёлкнул затвором и наставил ружьё на парня.

Стало тихо. Так тихо, что слышны были осторожные скрипы старых половиц за дверью на первом этаже.

– Я вызвал полицию! – сказал дед. – Я видел вас в окно.

– Екарный бабай, – только и смог произнести Артур. Он подтянул к себе обе ноги и привалился к стене. Зрелище являл он собою весьма живописное: лицо и обе руки его были в крови, причём одна висела плетью и, видимо, была сломана при приземлении на ступеньки, когда съехавшая с катушек почтальонша вцепилась в его ногу зубами, глаз заплыл. Он кривился от боли, его лихорадило. И всё же парень сделал попытку отползти на площадку первого этажа. Дверь на улицу была в нескольких метрах, но дед держал его на мушке, ни на секунду не опуская ружьё. Руки его не тряслись.

Антонина Ивановна, перевалившись на колени, тихонько поползла, отступая, поближе к Ивану Макарычу. Голова её очень болела, и было похоже, что мысли слиплись в комок, как переваренная каша.

– Мне девяносто лет, дурак, – заговорил дед. Слова его падали тяжело, как камни на мостовую. А голос звучал так, что не приходилось сомневаться в серьёзности его намерений. – Думаешь, я не выстрелю?

Артур замер.

– Двинутые, – прошипел он.

Полиция не заставила себя долго ждать. Вскоре стал слышен вой сирен. Когда в подъезд ворвались вооружённые стражи порядка, картина им предстала следующая: скорчившийся возле двери первого этажа окровавленный юноша, в нескольких метрах от него, на лестнице, пожилая женщина со следами побоев на лице, отчаянно отбивавшая зубами дробь, и древний седой старик в халате и тапочках с ружьём в руках.

– Вот это да! – сказал один из оперативников. – Такого я ещё не видел.

Вдруг дверь на первом этаже издала последовательно звон снятой цепочки, лязг одного запора, второго, третьего, мерзкий скрип несмазанных петель. Анфиса Дормидонтовна высунула нос, и «чеширская» улыбка осветила приоткрытое пространство её квартиры.

– Я могу быть свидетельницей. Я всё видела в замочную скважину, – сладко пропела она, обращаясь к оперативникам и даже не взглянув на Антонину Ивановну.

Артура вывели без наручников (похоже, рука у него действительно была сломана).

– Как вы? – обратился оперативник к Антонине Ивановне и Макарычу. – Идти сможете? Нам бы допросить вас надо. А потом вызовем «скорую» прямо к нам.

– Разумеется, – ответил за двоих довольный Иван Макарыч, крепко держа в объятьях обмякшую Антонину Ивановну, чьё измученное сознание едва справлялось с событиями начавшегося дня.

* * *

Свет от чахлого осеннего солнышка тяжело пробивался сквозь многослойные тяжёлые облака на улицу, потом сквозь несвежие вертикальные жалюзи просачивался ручейком в маленький захламлённый старой мебелью, коробками и бумагами кабинет следователя.

Антонина Ивановна и Иван Макарыч тихонько сидели на стульях возле стола. Дед, стесняясь и шаркая, пытался незаметно спрятать под стулом свои худые ноги, обутые в шлёпанцы. Галстук его волновал меньше. Почтальонша, тихонько икая, отходя от шока, прикрывала одной рукой распухшую красно-синюю скулу носовым платочком. Иногда она тихонько всхлипывала, по-детски умилительно шмыгая носом. Ещё недавно красиво уложенные в пышный пучок волосы её растрепались

и были похожи на множество пушистых отцветших одуванчиков.

Иван Макарыч держал её за руку и тихонько пожимал тонкие дрожащие пальчики. Пальто женщины было мокрым, с прилипшими комочками грязи и жёлтыми поломанными травинками.

Лысеющий капитан, вытянув свои длинные ноги под столом, молчал, водя ручкой с изжёванным кончиком по бумаге – писал протокол допроса свидетелей. Время от времени он отрывал глаза и с интересом рассматривал героев, производших самостоятельное задержание преступника. По столу его ползала большая муха и, сонно натываясь на разбросанные бумаги и карандаши, раздражённо жужжала, нарушая тишину. Наконец капитан смахнул бестолковую муху на пол и воззрился на маленькую женщину.

– Так, значит, говорите, вы его укусили? – уточнил он, и правая бровь его удивлённо приподнялась.

– Да, за ногу, – тихо проговорила Антонина Ивановна и зачем-то уточнила: – Через носок.

Иван Макарович ласково посмотрел на неё.

– А вы, значит, на помощь пришли? – продолжал следователь, обращаясь к Ивану Макаровичу.

– Конечно, пришёл. Как есть пришёл.

Следователь замолчал. Вдруг широкие плечи его задвигались, подпрыгивая. И сквозь рыжие усы стал пробиваться смех, похожий на частый кашель.

– Таких задержаний в моей практике ещё не случалось, – произнёс он, трясаясь и кашляя. – Герои. Как есть герои.

Антонина Ивановна улыбнулась широко и по-детски. (Так-то, товарищ Суворов!) Седые усы Ивана Макарыча тоже весело расплозились в стороны, пропуская гордую и счастливую улыбку. А

УКОРЕНЕНИЕ «ЗОЛОТОГО ВИТЯЗЯ»

В Ставропольском крае завершился заключительный этап юбилейного X Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь», который проходил с 14 по 18 октября 2019 года. Во время проведения финальной части форума перед читателями выступило более 60 литераторов, а перед зрителями – более 20 популярных артистов театра и кино. Мероприятия форума посетили свыше 4000 человек. Жюри подвело итоги творческого конкурса и наградило победителей.

Пятьдесят мичуринских клёнов разместили в Комсомольском парке. Акцию по посадке деревьев приурочили к X Международному Славянскому литературному форуму «Золотой Витязь». В ней приняли участие мэр города-курорта Андрей Скрипник, народный артист России Николай Бурляев, а также другие деятели искусства. Каждое дерево имеет именную табличку, среди них – главы Тамбовской области Александра Никитина, главы города Мичуринска – наукограда РФ Максима Харникова, депутата Тамбовской областной Думы Андрея Дмитриева и главного редактора журнала «Александръ» Анатолия Трубы.

«Мы совершаем укоренение "Золотого Витязя". По традиции последние годы мы про-

водим наш литературный форум именно в Пятигорске, где открываемся именно в день рождения Михаила Лермонтова», – сказал Николай Бурляев.

Заключительный этап юбилейного X Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь», который был посвящён памяти двух великих русских поэтов – 220-летию со дня рождения А. С. Пушкина и 205-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова, – состоялся в г. Железноводске Ставропольского края.

Официальным информационным партнёром форума в третий раз выступил литературно-исторический журнал «Александръ», издающийся в Тамбовской области.

Отбор произведений для участия в конкурсе ежегодно осуществляется в семи номинациях: «проза», «поэзия», «публицистика», «литература для детского и юношеского возраста», «литература по истории славянских народов», «работы по славянскому литературоведению», «литературные киносценарии».

В 2019 году в адрес оргкомитета X Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» поступило 302 произведения из Москвы, Санкт-Петербурга, регионов РФ и из зарубежных стран. К участию в творческом конкурсе допущено 167 произведений, 90 из которых попали в короткий список.

Среди участников — выдающиеся славянские литераторы из России, Украины, Беларуси, Австрии, Сербии и Китая.

По результатам рассмотрения жюри определило победителей и лауреатов форума, которые были приглашены участвовать в заключительном этапе X МСЛФ. Были проведены творческие встречи и мастер-классы известных российских и славянских литераторов – участников X Международного Славянского литературного форума с читателями, спектакли и литературно-музыкальные вечера, гала-концерты с участием популярных актёров театра и кино, встречи актёров со зрителями. Состоялся

круглый стол «Духовные традиции литературы славянского мира».

Обладателем золотого диплома в номинации «Проза» стал писатель из Тамбовской области Анатолий Труба за книгу «Трудное решение».

Александр СЕРГЕЕВ

ЛИТЕРАТУРА

КАК ОБЪЕДИНЯЮЩЕЕ НАЧАЛО...

В белорусском областном центре Могилёве 3–4 октября 2019 года состоялся пленум Союза писателей Союзного государства Беларуси и России, в котором принял участие главный редактор литературно-исторического журнала «Александръ» Анатолий Труба.

На пленуме рассматривался вопрос «Роль литературы в становлении Союзного государства и сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне. К 20-летию Союзного государства и 75-летию Великой Победы». Кроме того, вспоминали и о том, что самому Союзу писателей Союзного государства в эти дни исполняется ровно десять лет. На данный момент это единственная творческая организация, объединяющая деятелей культуры наших братских стран.

Белорусскую делегацию возглавлял председатель Союза писателей этой республики Николай Чергинец; российскую – председатель Союза писателей России Николай Иванов. Они же являются сопредседателями Союза писателей Союзного государства.

В работе пленума также приняли участие и выступили: Александр Карлюкевич, министр информации Республики Беларусь; Валерий Малашко, заместитель председателя Могилёвского областного исполнительного комитета; Александр Ольшевский, руководитель аппарата Общественной палаты Союзного государства.

Участники пленума приняли обращение к писателям Украины – текст зачитал Игорь Янин, первый заместитель председателя Союза писателей России, а также обращение «О противостоянии фашизму и попытках искажения истории».

В знак благодарности за возможность проведения пленума руководству Могилёвской области были вручены памятные сувениры. Их принял председатель Могилёвского об-

ластного Совета депутатов Дмитрий Харитончик. За большой вклад в развитие литературы Союзного государства ценных призов удостоены белорусские писатели: Елена Стельмах, Константин Цыбульский, Александр Казеко; а также российские: Сергей Михеенков, Михаил Попов, Николай Черкашин.

В рамках пленума состоялось ещё одно мероприятие: супруги Надежда и Александр Дробышевские передали руководству Могилёвской области письма Константина Симонова и Давида Ортенберга, которые хранились в их архиве, а также экземпляры фронтовых газет 1945 года.

Именно Могилёв стал местом проведения пленума Союза писателей Союзного государства, посвящённого подготовке к 75-летию Великой Победы, отнюдь не случайно. Именно на могилёвской земле находится легендарное Буйничское поле – место жесточайших боёв 1941 года, где впервые удалось приостановить наступление гитлеровских войск. Именно над этим полем был развеян прах Константина Симонова – замечательного советского писателя и публициста, которого можно назвать символом фронтовой журналистики.

Это поле стало священным для всех граждан постсоветского пространства, которые помнят и чтят Великую Победу, – ибо тут сражались представители многих национальностей тогда ещё единой Родины.

На следующий день после пленума его участники посетили Буйничское поле. Здесь на холме стоит часовня в память о павших защитниках Отечества.

Объединённая делегация возложила венки к мемориалу павших, почтила их память минутой молчания.

Затем прибывшие возложили гвоздики на камень-монумент, установленный в память о Константине Симонове. Здесь состоялся небольшой поэтический митинг, на котором звучали стихи – о войне и подвиге, о жизни и памяти...

5 октября в столице Беларуси Минске состоялась презентация 10-го номера литературно-исторического журнала «Александръ» (Россия) за 2019 год, изданного в рамках пленума писателей Союзного государства. На страницах октябрьского номера представлены произведения 23 современных белорусских авторов. В приветственном слове председатель общественного объединения «Союз писателей Беларуси» Николай Иванович Чергинiec отметил, что нынешний номер вышел в год 75-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, эта важная дата для белорусской нации является символом стойкости и независимости.

Литературно-музыкальное мероприятие состоялось в Музее истории белорусской литературы и прошло с участием главного редактора журнала Анатолия Сергеевича Трубы, директора музея Михаила Леонидовича Рыбакова, его сотрудников, а также ряда авторов: поэта

Владимира Ашурко, поэта Леонида Богдановича, поэтессы Светланы Быковой, историка, публициста Виктора Ермоловича, поэтессы Валентины Поликаниной, публициста, краеведа Александра Плавинского, поэтессы Екатерины Стройловой, прозаика Сергея Трахимёнка, поэтессы Инны Фроловой, публициста, фотохудожника Владислава Цыдика, публициста Валерия Чудова, поэтессы, барда Анны Чумаковой, поэта Николая Шабовича, литературоведа Лидии Шагойко, прозаика Юрия Юлова.

Ученики столичной гимназии № 4, студенты БГПУ имени Максима Танка, представители китайской делегации не остались без памятных подарков, желающие получили номера журналов. Октябрьский номер в скором времени появится и в публичных библиотеках белорусской столицы.

Нет сомнения, что состоявшийся пленум станет знаковым событием в деятельности как Союза писателей Союзного государства Беларуси и России, так и в литературном процессе наших стран, да и всех бывших советских республик в целом.

**Николай СТАРОДЫМОВ,
Анна СТАРОДУБ**

